ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #7–8 '03

ЛОГИНОВ

КУДРЯВЦЕВ

ГЕЙМАН

ТРУСКИНОВСКАЯ

КАГАНОВ

БРАЙАНТ

АНДРОНОВА

САПКОВСКИЙ

ЗАБАВЫ ДЕМИУРГА

«ТЕРМИНАТОР-3» И «МАТРИЦА-2»

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА
журнал фантастики # 7–8 '03

Содержание

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича). **На обложке** – компьютерный монтаж с использованием работы Т.Галуиди «Саруман».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 12.07.2003. Формат 60х88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 15,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 2836.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам

Началось второе полугодие, и снова мы с вами, дорогие наши читатели! Рады приветствовать старых и новых друзей — подписчиков и постоянных покупателей. Начать, правда, пришлось со сдвоенного номера. Что поделать? Лето есть лето, сограждане разъезжаются в отпуска, книжно-журнальная жизнь почти замирает... Однако не все так плохо: в этом номере мы вдвое увеличили раздел прозы, доведя объем журнала до 240 страниц! Что же касается содержания раздела, скажем одно: с нашей точки зрения, получилось вполне достойно. Положите рядом толстенную антологию «Фантастика-2003/1», которая только что увидела свет, и 7-8-й номер «ЗД», а потом, положа руку на сердце, скажите, что интереснее. Уверены, вы скажете «Звездная дорога», несмотря на разницу в «масштабах»...

А если без шуток, то в этом нашем номере первостепенное внимание уделено фэнтези, и демиург на обложке появился отнюдь не спроста. Рассказы Святослава Логинова, Далии Трускиновской, Лоры Андроновой, Нила Геймана, беседа с Анджеем Сапковским, «фэнтезийная» колонка Романа Арбитмана — все это сошлось на журнальных страницах почти случайно, но сошлось — и срослось в нерасторжимое единство.

В наступившем полугодии мы продолжим публиковать интересную фантастику, продолжим рецензировать новинки книгоиздания и кинематографа и печатать аналитические статьи экспертов. И рассчитываем, что читатели будут активно делиться с нами впечатлениями о прочитанном в «ЗД». Берите пример с Глеба Гусакова, редактора донецкого издательства «Сталкер», выпустившего отлично подготовленное собрание сочинений братьев Стругацких. Глеб ознакомился с мнениями критиков, обсуждавших в прошлом номере новый роман С.Витицкого (Б.Стругацкого) «Бессильные мира сего», и прислал нам свой отклик, который мы с удовольствием публикуем:

Прочитав роман, я испытал не то чтобы острое — острое было после «Поиска предназначения», — но все же разочарование.

Итак, что мы имеем? Имеем — как всегда! — прекрасный литературный язык. И вместе с тем читать роман мне было скучно. Нет, дело

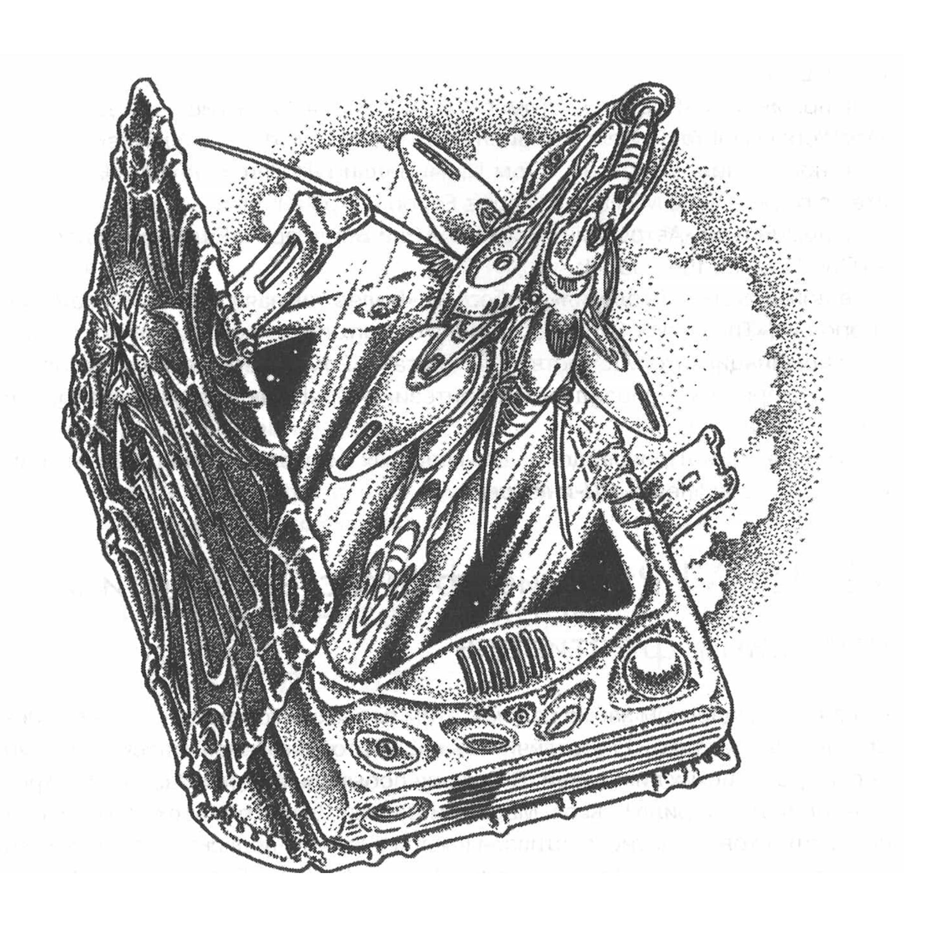

здесь не только в том, что где-то с середины я уже точно знал, чем закончится история с выборами: в конце концов, передо мной не детектив, не боевик какой, но – философский роман (хотя как сказать: Стругацкие всегда проповедовали идею занимательности при всей сложности внутренней «начинки»; Витицкий от этого принципа отошел – по-моему, зря). И даже не в том, что одна из основных проблематик – «гений на службе у злодейства», или, если угодно, «талант на службе у ничтожества», – вовсе не нова. Дело именно в философии.

Убежден, что мира-такого-как-он-есть просто не существует. Мир таков, каким мы хотим его себе представлять. Особенно мир литературного произведения. Хочешь в виде выгребной ямы – изволь, обоняй. В виде райского сада – нет проблем, вкушай. В этом свете проблема «волосатой обезьяны» выглядит, мягко говоря, несколько надуманной. Во-первых, если уж быть последовательным дарвинистом, то, помимо обезьяны, в нас есть всё – начиная от амебы. Во-вторых, к примеру, одни «волосатые обезьяны» спасали беглецов из Минского гетто, а другие – сдавали полицаям. Которые из них волосатее? Что же касается неприкаянных талантов... Вот «идеальный телохранитель». Человек на своем месте, чего ж еще? Кого ему охранять в мире «волосатых обезьян»? Путина, что ли? Чем хуже Аятолла? Ведь нет среди них ни одного прирожденного Лидера, Справедливого Правителя, да просто Спасителя Мира. Вот кабы был – славная вышла бы команда. Правитель правит, телохранитель его охраняет, Ядозуб врагов устраняет... Картинка. Но – к счастью ли, к сожалению ли – этого в тексте нет. В итоге, как говорит наш украинский президент, «маемо тэ, що маемо».

И все же мэтр есть мэтр, и, как всегда, есть в его тексте чему удивиться. В который уже раз я с удовлетворением обнаруживаю у сугубо нерелигиозных Стругацких сугубо религиозные мотивы. На языке вертится словосочетание «проблема Иоанна Крестителя». В этой вполне, на мой взгляд, допустимой интерпретации сэнсэй – Иоанн, его дело – инициация (крещение), а дело жизни – инициация Мессии. Очевидно, мальчик с талантом учителя – именно Учитель, Спаситель Мира. Но тогда угрюмая девочка, разумеется, великий Диктатор, то бишь антихрист. Сама постановка вопроса – возможность инициации Иоанном и того, и другого – чрезвычайно неожиданна (заметим в скобках, что на инициации девочки настаивает некий страшный страхагент – как по мне, так явная отсылка к коллекционеру душ Агасферу Лукичу, каковой именно страхагентом и представлялся). Но, увы, именно эта тема намечена пунктирно и развития не получает. Впрочем, мэтр верен себе: подводит читателя к ситуации выбора, а дальше, любезный, сам додумывай и дорешивай. Тоже, конечно, вариант...

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

7/VI Вручена Премия Брэма Стокера

Нью-Йорк. Премия Брэма Стокера, пожалуй, самая авторитетная награда для англоязычных писателей, работающих в жанре хоррор. На ежегодной конференции Американской ассоциации авторов «ужастиков» состоялось очередное вручение этого приза. В номинации «За заслуги перед жанром» были отмечены отлично известный в России Стивен Кинг и Дж. Н. Уильямсон, имя которого россиянам не говорит практически ничего. Остальными победителями стали:

в номинации «Роман» – Том Піччирилли («Ночная учеба» – «The Night Class»);

в номинации «Дебютный роман» – Элис Себолд («Милые кости» – «The Lovely Bones»);

в номинации «Повесть» – Томас Лиготти («Моя работа еще не сделана» – «My Work Is Not Yet Done») и Брайен Хопкинс («El Dia de Los Muertos»);

в номинации «Рассказ» – Том Пиччирилли («Ребенок-неудачник потолстел с горя» – «The Misfit Child Grows Fat on Despair»);

в номинации «Авторский сборник» – Рэй Брэдбери («Еще один в дорогу» – «One More for the Road»);

в номинации «Антология» – сборник «Более темная сторона: Поколения хоррора» («The Darker Side: Generations of Horror»);

в номинации «Нехудожественная книга» – Рэмси Кэмпбелл («Возможно: Эссе о хорроре и разновидностях фэнтези» – «Probably: Essays on Horror and Sundry Fantasies»);

в номинации «Произведение для молодых читателей» – Нил Гейман («Коралина» – «Coraline») ***(«ЗД-информ»)***.

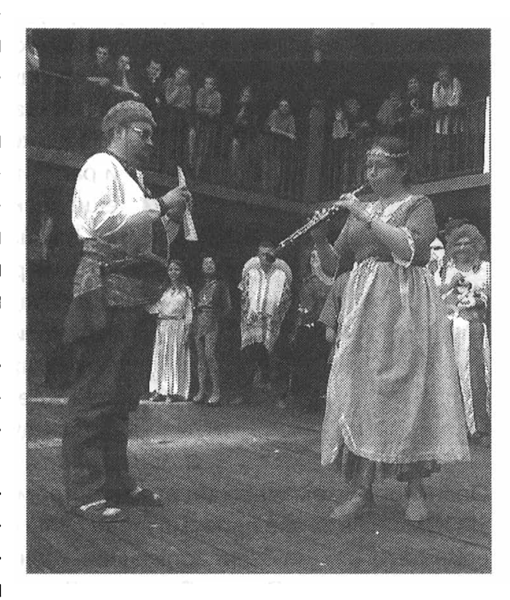
12–15/VI Русские фантасты посетили польский фестиваль

Нидзич. В рыцарском замке рядом с этим польским городком прошел X Фестиваль фантастики. Его отличительной чертой оказался массированный десант российских писателей. В Польше побывали Андрей Лазарчук и Ирина Андронати, Кирилл Еськов, Марина и Сергей Дяченко (у всех перечисленных фантастов накануне фестиваля вышли книжки в польском издательстве «Солярис»), Андрей Белянин и Галина Черная, Николай Басов. Ехал в Нидзич и Михаил Успенский, однако бдительные польские пограничники, усмотрев какой-то непорядок в документах Михаила Глебовича, без зазрения совести

ссадили его с поезда на польско-белорусской границе. Что и говорить, неприятный сюрприз...

Тех же, кто добрался до Ольштынского воеводства, ждала весьма насыщенная программа. Помимо встреч с писателями (а отряд «аборигенов» на фестивале составили такие звезды польской фантастики, как Марек Орамус, Марчин Вольский, Яцек Инглот, Анджей Земянский, Майя Коссаковская; приехали и знакомые нам по российским конвентам Эугениуш Дембский и Павел Лауданьский) были устроены кинопросмотры, вернисажи, литературный конкурс. На отдельной церемонии вручалась премия «SFinks» – ей отметили переводы Харлана Эллисона, Нила Геймана, Теда Чанга, а также лучшие польские роман и рассказ (как оказалось, оба их написал Анджей Земянский).

Судя по интересу, который вызывает сейчас в Польше российская фантастика, трудные времена в отношениях между нашими странами (и литературами) уходят в прошлое. И вот еще одно тому доказательство: на фестиваль «Полкон», который состоится в августе, организаторы пригласили Сергея Лукьяненко, чьи книги входят сейчас в списки польских бестселлеров ***(«ЗД-информ»)***.

21/VI Пятая книга о Гарри Поттере поступила в продажу

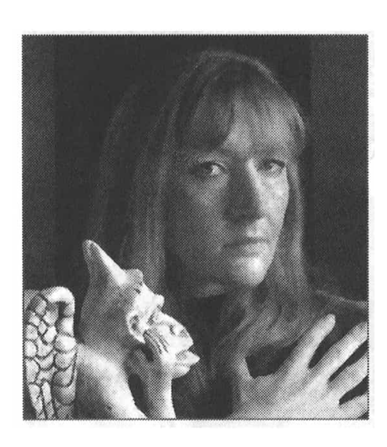
Ровно в 0 часов 0 минут 21 июня в Великобритании, США и других странах начались продажи пятого романа о Гарри Поттере – «Гарри Поттер и Орден Феникса». В этой книге 766 страниц, на создание которых Джоан Ролинг потребовалось три года. Ажиотаж вокруг новинки превзошел все ожидания: интернет-магазин «Amazon» собрал на нее 1,3 млн. предварительных заказов, в первые дни после начала продаж она расходилась со скоростью восемь экземпляров в секунду. А ведь критики называют этот роман самым

мрачным в саге о Поттере: к примеру, в нем гибнет один из положительных героев... По оценкам специалистов, Джоан Ролинг ***(на снимке)*** заработает на «Ордене Феникса» около 50 млн. долларов.

Не обошлось и без скандалов. Самый громкий связан с американским таблоидом «New York Daily News». Журналист этого издания, раздобыв где-то новый роман о Поттере (он утверждает, что просто купил его в одном из книжных магазинов Бруклина), накануне 21 июня опубликовал в своей газете короткий пересказ произведения, выдав по ходу дела все сюжетные загадки. Ролинг подала в суд и рассчитывает содрать с бойкого таблоида еще несколько миллионов.

Как известно, в Поттеровской саге должно быть ровно семь томов. Но Ролинг не спешит садиться за шестой: она призналась, что потихонечку пишет некий роман для взрослых и, работая над ним, «чувствует освобождение». Зато взялись за дело русские переводчики. После уничижительной критики, которой были подвергнуты труды Игоря Оранского и команды под руководством Марины Литвиновой, издательство «РОСМЭН» в корне пересмотрело свою политику в этом вопросе. Для перевода пятого тома были приглашены лучшие силы, какие только есть в России: им займутся Виктор Голышев, Владимир Бабков и Леонид Мотылев, ранее переводившие исключительно «литературу для высоколобых». Более того, издательство готово терпеливо ждать их текста аж до февраля 2004-го – неслыханная толерантность! Кстати говоря, Голышев и Бабков переводят сейчас популярные на Западе фантастические сказки Филипа Пулмана – неужели до издателей наконец дошло, что массовая литература тоже заслуживает хорошего перевода? ***(«ЗД-информ»)***.

21/VI АБС-премии достались сибирякам

Санкт-Петербург. В Центре современной литературы и книги (ЦСЛК) прошло очередное вручение АБС-премии. В отличие от двух предыдущих церемоний, которые состоялись в местном Доме журналистов и в Ледовом дворце, нынешняя была несколько скромней по масштабам. Из шести финалистов (трех по номинации «Проза» и трех по номинации «Non-fiction») в ЦСЛК присутствовало только двое – автор повести «Мао» Игорь Пронин и известный писатель-фантаст Геннадий Прашкевич, выдвинутый на премию за ли-

тературные мемуары «Малый Бедекер по НФ». Приехавший в Петербург красноярец Михаил Успенский заболел и на церемонию прийти не смог. А ведь именно ему отдало предпочтение жюри, отметив таким образом роман «Белый хрен в конопляном поле». Пришлось выходить за наградой давнему соавтору Успенского Андрею Лазарчуку...

В «нехудожественной» номинации с мемуарами новосибирца Прашкевича соперничали статьи Андрея Валентинова и Андрея Шмалько. Как оказалось, Борис Натанович Стругацкий, формирующий шорт-лист АБС-премии, просто был не в курсе, что Валентинов и Шмалько – один и тот же человек. Впрочем, победил все равно Геннадий Прашкевич ***(«ЗД-информ»)***.

28–29/VI Состоялся «ДонКон-2003»

Ростов-на-Дону. Здесь уже не в первый раз прошел «камерный» фестиваль фантастики «ДонКон-2003». По задумке организаторов, каждый год на Тихий Дон приглашается несколько писателей-фантастов, которым и оказываются максимальный почет и уважение. В нынешнем году в Ростов приехали Евгений Лукин, Святослав Логинов и Михаил Веллер. Они провели встречу с читателями в малом зале Областной филармонии, а на следующий день прокатились на катере в Новочеркасск. Встреча с читателями отнюдь не была благотворительным мероприятием: на нее продавались билеты за 50–100 руб., что совсем не мало по провинциальным меркам. Зато пришедшие в Филармонию смогли не только задать вопросы писателям, но и послушать их рассказы и бардовские песни, а также стать свидетелями вручения Лукину приза «ПирамиДон», выполненного, конечно же, в форме пирамидки. Что и говорить, такой награды у Евгения еще не было ***(«ЗД-информ»)***.

11/VII Премии Старджона и Кэмпбелла присудили Шепарду и Кресс

Лоуренс (шт. Канзас). В этом американском городе были вручены премии имени Джона У. Кэмпбелла (присуждается за лучший англоязычный фантастический роман) и Теодора Старджона (присуждается за лучшую повесть или рассказ). Церемония награждения по традиции прошла в Центре по изучению научной фантастики, который по инициативе писателя Джеймса Ганна был основан при Университете Канзаса.

В нынешнем году Кэмпбелловская премия досталась Нэнси Кресс за роман «Probability Space» («Пространство возможностей»). Кроме нее, на на-

граду реально претендовали Дэвид Брин (с романом «Kiln People» – «Печные люди») и Роберт Сойер (с романом «Hominids» – «Гоминиды»). Премия Теодора Старджона досталась Люциусу Шепарду («Over Yonder»), опередившему Ричарда Чевдика («Bronte's Egg» – «Яйцо бронтозавра») и Грега Игана («Singleton» – «Одна штука»).

В рамках той же церемонии были объявлены новые персонажи Зала славы научной фантастики и фэнтези, созданного при вышеупомянутом Центре. Ими стали Эдгар Райс Берроуз и Дэймон Найт (посмертно), а также ныне здравствующие Кейт Вильхельм (вдова Найта) и Уилсон Такер ***(«ЗД-информ»)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Леонид Каганов

ХОМКА

Леонид Каганов в прошлом году получил сразу две премии за лучший дебют в фантастике — на «Интерпрессконе» и на «Аэлите» (премия «Старт»). Хотя дебютантом он был весьма «относительным»: как-никак, с 1995-го — на литературной работе, автор сценариев телепрограмм «О.С.П.-студия» и «Назло рекордам!», автор боевика «Штурм» (выходил под псевдонимом), автор текстов нескольких песен, в том числе для группы «На-на»... Рассказ «Хомка», уже получивший ряд восторженных оценок в Сети, на взгляд «ЗД», вполне способен претендовать на самые авторитетные жанровые премии. Автору удалось сочетать актуальное и вечное — показать, что может произойти, если достижения генной инженерии окажутся в руках жестоких в своей неразумности детей...

Стасик вращал карандаш долго. Резинка натягивалась, скручиваясь в штопор, а затем появился и первый барашек. Руки устали. Сосед по парте, вредный толстяк Женя Попов, искоса наблюдал за приготовлениями. «Если сейчас зачешется нос, – подумал Стасик, – я никак не смогу его почесать». В тот же миг нос действительно жутко зачесался. Но приходилось терпеть и крутить карандаш, придерживая свободной рукой линейку. Нос чесался нестерпимо. «А вот Майор Богдамир бы вытерпел!» – думал Стасик, сжимая зубы. Когда Ольга Дмитриевна перешла к разбору третьей задачи, резинка уже целиком покрылась барашками и катапульта была готова.

– Подержи линейку минуточку, – шепнул Стасик.

– Чтоб вместе с тобой выгнали? – Женя отвернулся.

– На перемене в лобешник получишь, – пригрозил Стасик.

Женя Попов ничего не ответил. Пришлось прибегнуть к шантажу.

– Скажу Ольге Дмитриевне, что ты копался в ее столе...

– Я не копался! – возмутился Женя.

– А я скажу, что копался.

– Так нечестно!

– Зато интересно.

На Женю Попова было жалко смотреть. Но все-таки он еще колебался. Тогда Стасик набрал в легкие воздуха и поднял подбородок, словно собираясь привстать за партой и сделать громкое заявление. Это подействовало.

– Где подержать? – торопливо прошептал Женя.

Стасик кивнул на свободный конец линейки. Женя воровато оглянулся на Ольгу Дмитриевну, заливающуюся соловьем у доски, отодвинул перо с планшетом и прижал линейку локтем. Теперь можно было отпустить пальцы и почесать нос. Стасик нагнулся под парту и вытащил из ранца хомку. Словно чувствуя неладное, хомка тревожно водил пушистым носиком и шевелил всеми своими лапами. Стасик аккуратно посадил его в бумажную корзинку катапульты. Хомка не сопротивлялся.

– Руженко, ты чем занят? – недовольно гаркнула Ольга Дмитриевна, всматриваясь в дальний угол класса.

– Записываю, – торопливо сказал Стасик.

– Что ты там записываешь? – проскрипела Ольга Дмитриевна самым противным тоном, каким только умела. – Ты решил уравнение?

– Решаю...

– Выходи и решай на доске!

Стасик посмотрел на Женю, виновато пожал плечами и отправился к доске. Женя остался за партой, не в силах пошевельнуться. Локоть его держал взведенную катапульту. В глазах застыло страдание.

На экранной доске красовались развалины уравнения. Стасик взял из рук учительницы магнитный маркер и остановился в нерешительности.

– Где у нас переменная? – спросила Ольга Дмитриевна.

Стасик нерешительно ткнул маркером в нижнюю строчку.

– Руженко, я тебя оставлю на второй год! Покажи мне числитель!

Стасик замялся, указал на верхнюю часть строки, но по брезгливому лицу Ольги Дмитриевны понял, что опять не угадал.

– Кто поможет? – проскрипела Ольга Дмитриевна, оглядывая притихший класс. – Сосед поможет. Попов?

– Числитель справа! – испуганно сказал Женя Попов.

– Для ответа положено вставать!

– Извините, – пробормотал Женя, но не встал. – Числитель справа, икс минус тридцать два...

– А ну встань, когда разговариваешь с педагогом!!! – рассвирепела Ольга Дмитриевна.

Все обернулись на Женю, и наступила тишина. Женя вздохнул и медленно, обреченно поднялся. Освободившаяся линейка со свистом распрямилась и завибрировала с дробным стуком. Хомка взмыл под потолок, перелетел через весь класс, с размаху хлопнулся о тяжелую што-

ру и повис на ней под самым потолком, испуганно уцепившись всеми шестью лапками. Примерно так и планировал Стасик, но не в такой же момент... В солнечных лучах вокруг шторы закружились пылинки. Хомка глянул вниз и заверещал. Под ним на шторе расползалось мокрое пятнышко – видимо, от страха. Класс взорвался хохотом.

Ольге Дмитриевне пришлось трижды стукнуть указкой, прежде чем снова наступила тишина.

– Попов, забирай своего хомку, собирай вещи и вон за дверь! – рявкнула она.

Повисла напряженная пауза. Стасик потупился. Ему вдруг представился Майор Богдамир – суровый и нахмуренный. Одна могучая ладонь была картинно заведена за спину, другая крепко сжимала рифленую рукоять атомного нагана, висящего на поясе. Воротник скафандра был небрежно распахнут, обнажив могучую жилистую шею. Глаза-лазеры сверлили курточку Стасика, пуговицы плавились и капали на линолеум. «Я Майор Богдамир, часовой Галактики! – прохрипел Майор Богдамир. – А ты трус и мерзавец! Ты хуже злодея Пакстера!» Видение исчезло. Стасику было очень стыдно. Он вздохнул и поднял голову.

– Ольга Дмитриевна, это сделал я! Это мой хомка.

– Значит, оба вон за дверь! – с той же интонацией рявкнула Ольга Дмитриевна. – Руженко – завтра с родителями. А со следующего урока я тебя пересажу. Ты будешь сидеть... – Она оглядела класс. – Будешь сидеть с Перепелых!

– С девчонкой я сидеть не буду, – твердо заявил Стасик.

Анна-Мария Перепелых фыркнула, гневно качнув челкой. Всем своим видом она показывала, как ей отвратительна мысль сидеть за одной партой с Руженко.

– Руженко, ты еще здесь?! – Ольга Дмитриевна смерила его взглядом, словно только сейчас заметив. – Собрал вещи и вон из класса!

Стасик отодвинул свой стул как можно дальше, сел вполоборота и первую половину урока демонстративно глядел в другую сторону. Анна-Мария тоже его не замечала. Но делать было нечего. Поэтому Стасик все-таки сел ровно, взял линейку и положил ее поперек парты.

– Это граница, – сказал он. – Здесь моя территория. Там – твоя.

– И подавись. – Анна-Мария копошилась в небольшой коробочке и не обращала на Стасика никакого внимания.

– Граница охраняется! – предупредил Стасик. – Зайдешь на мою территорию – щелбан!

– Чего ко мне пристал – влюбился, что ли? – шикнула сквозь зубы Анна-Мария.

– Сама ты дура! – возмутился Стасик и снова надолго отвернулся.

Но вскоре ему наскучило сидеть без дела. Он искоса глянул на Анну-Марию и немного подвинул линейку в ее сторону. Та ничего не заметила, потому что копалась в коробочке. Стасик еще чуть-чуть подвинул линейку в глубь вражеской территории и снова выжидательно глянул на Анну-Марию. Только сейчас Стасик заметил, чем она занимается. Анна-Мария сосредоточенно разглядывала хомку внутри коробочки-клетки. Хомка был красивый – белое пузо, голубая шерстка, четыре лапки и два белых крыла, покрытых тонкими перышками.

– Он у тебя летает? – удивился Стасик.

Анна-Мария ничего не ответила. Она чесала мизинцем хомку между крыльями, а на глазах ее были слезы. Хомка вяло шевелил лапками и все норовил свернуться клубком, уткнувшись носом в пузо.

– Куклится, – убежденно констатировал Стасик. – Вон сонный какой!

– Ему всего два месяца! – всхлипнула Анна-Мария.

– Иногда они куклятся раньше, – сообщил Стасик с видом знатока.

Анна-Мария тихо вздохнула, закрыла коробочку и уронила голову на руки.

– Куклится! Куклится! Куклится! – поехидничал Стасик. – Дашь скушать? Или сама съешь?

Анна-Мария тихо подергивалась, и Стасик понял, что она плачет.

– Ну ладно, ладно тебе... – сказал он примирительно. – Подумаешь, хомка. Еще сделаешь.

Анна-Мария подняла голову. Сквозь челку смотрели заплаканные глаза.

– Больше такого никогда не получится! – всхлипнула она. – Я код не сохранила!

Настал миг триумфа. Стасик гордо выпрямился, прищурился и произнес, стараясь подражать Майору Богдамиру:

– Не бойся, ты со мной! Я подберу тебе код!

– Как? – Глаза посмотрели из-под челки с надеждой.

– Запросто, – кивнул Стасик. – Увидишь.

– Как?

– Возьму у хомки капельку слюны и запихну в инкубатор. В слюне плавают клетки этого... эпителия. В каждой клетке – код.

– Так не получится!

– Это на твоем не получится. А на моем получится!

– У меня инкубатор седьмого поколения! – обиделась Анна-Мария. – Мне папа привез из Кореи!

– Вот потому и не получится, – усмехнулся Стасик.

– Руженко! – рявкнула Ольга Дмитриевна. – Ты и здесь отвлекаешь-

ся? Перепелых, прекрати с ним разговаривать! Воркуют, как два голубя на скамейке!

Класс захихикал.

– Жених и невеста! – раздалось с дальнего ряда.

Раздался новый взрыв хохота.

– Сейчас детей нарожают!

Снова грохнул хохот. Стасик почувствовал, как багровеют уши. Он был готов провалиться сквозь землю.

– Попов, закрой свой поганый рот! – Ольга Дмитриевна яростно постучала указкой. – Я никого здесь не держу! Кому не интересно – могут выйти из класса. К директору!

Снова воцарилась тишина. И в тишине прищуренный взгляд Ольги Дмитриевны еще долго ползал по классу – как лазерный прицел на атомном нагане Майора Богдамира. Убедившись, что дисциплина восстановлена, Ольга Дмитриевна повернулась к доске и заскрипела магнитным маркером.

«Ты правда сможешь сделать такого же хомку?» – написала Анна-Мария на своем планшете и подвинула его Стасику. Тот гордо выпрямился и написал: «Все могу!!!»

«А можешь сделать, чтобы он не куклился через три месяца?»

«Могу!!!»

«Как??? Научи!!!»

«Потом!!! Она на нас смотрит!!!»

– Перепелых и Руженко! Что вы там планшетами меняетесь? – загрохотало у доски. – Руженко, встань и повтори, о чем я сейчас рассказывала!

Из школы они вышли вместе. Стасик бегал вокруг Анны-Марии и пинал пластиковую бутылку от минералки.

– Я космический нинзя Майор Богдамир! – кричал он. – Бдыщ! Бдыщ! Бдыщ!

– Прекрати скакать, – сказала Анна-Мария. – Ты правда можешь сделать бессмертного хомку?

– Я владыка добра Майор Богдамир! – кивнул Стасик. – Я всегда там, где меня кликают о помощи! Пара пустяков! Скачиваешь из Сети пиратскую прошивку для инкубатора – и делов!

– А где скачиваешь?

– А места надо знать!

– И для моего инкубатора тоже есть?

– Это надо разбира-а-аться... – важно произнес Стасик с интонациями отца.

– Поможешь?

Стасик пожал плечами, размахнулся и пнул бутылку далеко вперед по дорожке.

– Я Майор Богдамир, дистрибьютор добра, – повторил он. – Я всегда там, где меня кликают о помощи!

– Мне не нравится сериал про Богдамира, – поморщилась Анна-Мария. – Мне нравится про фею Элизабет.

– Фея Элизабет дура и поет нудные песни! – тут же заявил Стасик.

– Сам дурак, – огрызнулась Анна-Мария.

Они пошли молча и дошли до самых гаражей. Вдруг из щели наперерез выскочил Женя Попов со своими друзьями – веснушчатым Белкиным и рослым второгодником Кузей. Стасик и Анна-Мария остановились.

– Тю! – сказал Кузя с деланным удивлением. – Жених и невеста!

– Сам жених и невеста! – обиделась Анна-Мария. – Уже поболтать нельзя!

– Тише, пацаны, они сейчас поцелуются! – предположил Женя.

– И детей нарожают! – захохотал Белкин, дурашливо помахивая ранцем.

– Попов, а в лобешник? – грозно спросил Стасик, обращаясь только к Жене.

– Рискни, – ухмыльнулся Попов, но на всякий случай оглянулся на Кузю и Белкина.

Кузя и Белкин вразвалочку подошли ближе и обступили парочку с обеих сторон.

– Бежим быстрей! – Анна-Мария дернула Стасика за рукав, но тот медленно покачал головой.

– Майор Богдамир не умеет отступать! – сказал он гордо.

– Иди домой, Перепелых, – мотнул головой Женя. – У нас к Руженко разговор. Охамел, Руженко?

Он размахнулся и ткнул Стасика в плечо. Стасик отлетел на метр и упал на одну коленку. Женя подошел ближе. За ним подтянулись Кузя и Белкин.

– Ну что, Руженко, кому ты здесь в лобешник дать собирался?

Стасик медленно поднялся, вынимая руку из-за пазухи. Из кулака торчала мордочка хомки. Стасик слегка сжал кулак, и хомка заверещал, обнажая два острых зуба.

– А ну стоять!!! – неожиданно рявкнул Стасик. – Подойти сюда!!!

Женя Попов вздрогнул.

– Пацаны, он нас своим хомкой пугает! – захохотал Белкин, но под суровым взглядом Стасика умолк.

– А ну подойди! – зашипел Стасик, надвигаясь на Женю и размахивая сжатым кулаком. – У моего хомки зубы от болотной гадюки! Три часа кровавого поноса, судороги и смерть!

Ноги у Жени чуть подогнулись, он остолбенело раскрыл рот и как завороженный следил за раскачивающимся кулаком, из которого торчали два белых зуба. Ему даже казалось, что с них во все стороны капает яд. Быстрее всех среагировал Белкин.

– Пацаны, тикай! – сдавленно крикнул он и первым бросился в щель между гаражами.

Следом за ним устремился Кузя. Женя наконец пришел в себя, развернулся и с жалобным воем поспешил за друзьями.

Стасик мстительно посмотрел им вслед, разжал кулак и подул на хомку, разглаживая шерстку. Бережно сунул его за пазуху и только тогда оглянулся на Анну-Марию. В ее глазах светилось неподдельное восхищение.

– Я Майор Богдамир, часовой галактики, – напомнил Стасик, почесывая ушибленную коленку. – Бдыщ! Бдыщ! Бдыщ!

И они пошли дальше.

– А ты его не боишься носить в кармане? – наконец произнесла Анна-Мария.

– В смысле?

– Ну, он тебя не укусит? Ядовитыми зубами?

– У него обычные, крысиные. Это я наврал... – нехотя признался Стасик и, видя недоуменный взгляд Анны-Марии, пояснил: – Я прошлому хомке по правде хотел от гадюки сделать! Даже скачал из Сети генокод. Потом думаю: что я, больной?

Инкубатор седьмого поколения поражал великолепием – черная полусфера, напоминающая перевернутый котелок, блестела новеньким пластиком. По переднему краю тянулась вереница кнопок, а над ними располагался даже экранчик для непонятных цифр.

– Обалдеть! – сказал Стасик, подходя к компьютерному столику и восхищенно прикасаясь пальцем к полусфере.

– Седьмого поколения, – напомнила Анна-Мария и махнула рукой в сторону детской. – Пойдем, покажу своих хомок. У меня их двадцать три! И с крыльями, и с жабрами, и с рожками, и...

– Инструкция есть? – перебил Стасик, не сводя глаз с инкубатора.

– Есть. – Анна-Мария привстала на цыпочках, развернулась и начала копаться в шкафу. – И на английском, и на русском...

– Совсем новый... – восхищенно вздохнул Стасик и подковырнул ногтем квадратик пленки, закрывающей экранчик.

– Что ты делаешь?! – взвизгнула Анна-Мария. – Приклей на место!

– Уже не приклеится. Ты его что, продавать собралась?

– Дурак! – продолжала визжать Анна-Мария. – Испортил!

– Мой инкубатор вообще без экранчика и без кнопок. И ничего, пашет!

– Ты испортил!

– Не испортил, а подготовил к серьезной работе, – строго сказал Стасик и протянул ей пленочный квадратик. – Спрячь, если так надо.

Анна-Мария долго разглядывала квадратик, а затем бережно спрятала в карман кофты. Стасик тем временем сосредоточенно листал инструкцию.

– Ну, не знаю, что тут за седьмое поколение, – проворчал он наконец. – По-моему, ничем от моего не отличается...

– Отличается! – топнула ногой Анна-Мария. – Отличается, отличается!

– И чем отличается?

– Всем отличается!

– Ты ж мой не видала?

– Все равно отличается! У моего кнопок больше!

– На фиг они нужны? Температуру инкубации руками регулировать? Так ее надо из компа выставить один раз и забыть!

– У моего объем камеры два килограмма!

– И подумаешь! – сказал Стасик огорченно. – А смысл? Страусиные яйца закладывать будешь?

– Буду! – отрезала Анна-Мария.

– Ну и на здоровье, – сказал Стасик примирительно. – Давай в Сеть залезем, поищем к нему прошивку!

– Папа не разрешает включать комп.

– Чего-о-о? – удивился Стасик. – Это разве не твой комп?

– Не мой. Папин.

– Комп папин, а приставка к нему – твоя?

– Инкубатор тоже папин... – потупилась Анна-Мария.

– В лобешник такому папе, – сказал Стасик.

– Не смей так говорить! – обиделась Анна-Мария. – Мой папа хороший!

– На большой мешок похожий!

– Не смей так говорить! – Анна-Мария гневно топнула ножкой. – Папа сказал, когда мне будет десять лет, он мне разрешит пользоваться компом.

– Десять лет? – изумился Стасик. – Это ж ты совсем старухой будешь!

– Не буду, не буду!

Стасик задумчиво цыкнул зубом.

– Ну и как хочешь. Я пошел, – буркнул он и поднялся, с тоской поглядывая на аппарат. – Моделируй своих хомок со своим папочкой...

– Подожди! – схватила его за рукав Анна-Мария. – Давай просто подождем папу.

– И вместе с папой будем качать пиратские прошивки?

– А они пиратские?! – В глазах Анны-Марии мелькнуло страшное разочарование.

– Нет, знаешь, школьные!

Стасик высунул язык и скорчил такую рожу, что Анна-Мария поняла: прошивки не просто пиратские, а самые настоящие бандитские, за которые взрослых людей сажают в тюрьму или в монастырь, а потом рассказывают об этом в вечерних новостях. Она беспомощно посмотрела на инкубатор, затем на Стасика, затем снова на инкубатор.

– А тебе точно нет десяти лет? – спросила она с надеждой.

– Я тебе не Кузя! – обиделся Стасик.

– Я обещала папе не включать без него комп... – опустила глаза Анна-Мария и всхлипнула, но тут ее озарило, и она снова ухватила Стасика за рукав. – Слушай! Мне восемь и тебе восемь, значит, нам вдвоем – шестнадцать, да?

Стасик уткнулся в экран, отключился от действительности и перестал замечать Анну-Марию. От нечего делать она ходила по комнате, носила туда-сюда своих хомок, иногда задавала Стасику вопросы, но ответы получала невразумительные, и это ее злило.

– Можешь ты ответить как человек?! – крикнула она наконец и топнула ножкой.

– Что? – Стасик оторвался от экрана.

– Я спрашиваю: почему хомки живут только три месяца?

– У них такая генетическая программа... – пробормотал Стасик, не поворачиваясь. Он сосредоточенно нажимал на кнопки. – У людей восемьдесят лет... у кошек пятнадцать... у хомок три месяца...

– А почему?

– Чтоб не надоедали. Чтоб заводить новых. Это ж детская игрушка.

– Но они живые!

– Живая детская игрушка. – Стасик пожал плечами. – Конструктор.

– А зачем они превращаются в шоколадный батончик, когда куклятся?

– Метаморфоза у них такая. На пиратской прошивке можно отключить, если хочешь. Будет вонючий трупик.

– Но почему в батончик-то?

– Чтоб съесть его было вкусно.

– Зачем съесть?

– Чтоб дети спокойно относились к жизни и смерти.

– Зачем относились?

– Что ты ко мне пристала? – обернулся Стасик рассерженно. – Что я тебе, психолог школьный?

– Я думала, ты все знаешь... – Анна-Мария надула губки.

– Ну... – смутился Стасик. – Ну, и знаю. А чего приставать-то?

– Ты нашел пиратскую прошивку?

– Нашел, качается. Только она сама не заработает, там защита на твоей модели. Пишут, что надо инкубатор развинтить и перемычку там одну оторвать.

– Ай! – подпрыгнула Анна-Мария. – Папа нас точно убьет!

– А он ничего не узнает.

– Давай я выйду из комнаты и не буду знать, что ты там делаешь, – решила Анна-Мария.

– Давай, – кивнул Стасик. – Я тебя позову, когда соберу обратно. Только принеси мне отвертку плоскую.

– Какую?

– Ну или ножик с кухни.

– Слушай, а ты его точно не сломаешь?

Стасик смерил ее взглядом.

– Я Майор Богдамир, владыка орбиты! – напомнил он.

Анна-Мария распахнула коробочку-клетку, и оттуда ей на руки выкатилось небольшое яйцо, поросшее голубым мехом. Анна-Мария изучила его со всех сторон, но оно было сплошным – ни намека на голову, лапки или хвост.

– Ну все, опоздали, – сказал Стасик, глянув через ее плечо. – Окуклился. Они за три часа куклятся. К утру будет шоколадка...

Анна-Мария всхлипнула, закрыла глаза рукавом и мелко затряслась.

– И... – рыдала она. – И что... Никак?

– Никак, – подтвердил Стасик. – У него теперь рта нет, слюны нет, крови нет, где ж клеточку взять?

– А если его разре-е-е-езать... – предложила Анна-Мария сквозь слезы.

– Он пока не шоколадка, ему будет больно, – покачал головой Стасик. – Я одного такого резал, он дергался.

Анна-Мария еще сильнее уткнулась в рукав и зарыдала.

– Ну, ну, плакса! – Стасик потряс ее за плечи. – Перестань!

– А-а-а-а-а... Все зря-я-я-я... – рыдала Анна-Мария.

– Перестань, перестань! – убежденно повторил Стасик. – У тебя инкубатор на два кило, можно хоть слоненка вырастить!

Анна-Мария замерла и оторвала от глаз зареванный рукав.

– Слоненка? – Глаза ее заблестели. – Ай! Настоящего слоненка? Чтоб на нем в школу ездить?

Стасик задумчиво покосился на инкубатор.

– Про совсем большого слоненка не знаю... – сказал он с сомнением. – Это надо разбира-а-аться... С двух килограмм мы его не выходим, помрет... Хотя если запрограммировать скоростной рост...

– Ну во-о-о-т... – захныкала Анна-Мария.

– Вот ослика маленького можно вырастить – сто процентов. Только слюну найти. Собачку можно. Дракончика я видел в Сети классного в одном месте. Можно код скачать, только это долго будет.

– Дракончика? А еще кого можно?

Стасик засунул в рот палец и крепко задумался. Анна-Мария смотрела на него с нетерпением. Наконец Стасик вытащил палец, рассеянно взглянул на него, а затем вытер о кресло.

– Человечка можно.

– Человечка? Настоящего?!

– Нет, пластмассового! – Стасик высунул язык и скорчил рожу.

– Хочу человечка! – взвизгнула Анна-Мария. – Прикинь, у нас будет свой собственный человечек!

– А запросто! – сказал Стасик. – Если памяти в компе хватит. Я тебе уже новый геном-редактор скачал, версия шесть ноль!

– Только чур он будет общий, наш человечек! – строго сказала Анна-Мария.

– Общий, – согласился Стасик.

– Девочка! Чтоб она была как фея Элизабет!

– Бэ-э-э-э... – Стасик поморщился и изобразил, как его тошнит. – Если уж делать, то солдата! Чтоб он был как Майор Богдамир – ноги-сопла, глаза-лазеры! Вот только как сделать глаза-лазеры?

– Элизабет! Элизабет! – закричала Анна-Мария и захлопала в ладоши. – Мы ее оденем в платье, а она на меня так посмотрит глазками: хлоп-хлоп-хлоп! Хлоп-хлоп-хлоп глазками! А я ей скажу: что за де-е-евочка такая? А она мне...

– Вместо глаз – лазеры, – твердо заявил Стасик. – Это будет храбрец! У него будет красный плащ-скафандр, и он будет командовать звездолетами!

– Не будет! Не будет командовать! – топнула ногой Анна-Мария.

Стасик смерил ее строгим взглядом.

– Тогда жди папу, – сказал он и откинулся в кресле, болтая ногой.

– Противный! Противный! – Анна-Мария пнула кресло и горько заплакала.

Стасик закатил глаза, понимающе пожал плечами, будто сверху на него смотрел Майор Богдамир, и повернулся к Анне-Марии.

– Ладно, ладно, не хнычь, – сказал он, тяжело вздохнув. – Сделаем девочку. Уступаю!

Анна-Мария посмотрела на него счастливыми мокрыми глазами и еще раз хлюпнула носом.

– Уступаю! – повторил Стасик и покровительственно махнул рукой.

– Ну если ты так хочешь... – сказала Анна-Мария. – Если ты так хочешь, то я тоже уступаю. Давай по-твоему – сначала мальчика.

– А давай, чтоб по-честному, бросим карточку? – предложил Стасик.

– Давай! – Она порылась в ящике и нашла старую мамину карточку.

– Если штрих-код, то мальчик, – сказал Стасик. – Глаза-лазеры!

– А если герб банка, то фея Элизабет! – Анна-Мария подкинула карточку к самому потолку.

Они завороженно смотрели, как карточка, кружась, планирует под диван.

– Мальчик! – радостно крикнула Анна-Мария из-под дивана.

– Круто! – кивнул Стасик. – Тащи яйцо, плевать в него буду!

– А почему ты? – обиделась Анна-Мария. – Я тоже хочу плевать!

– Потому что нам нужны гены мальчика, – объяснил Стасик.

– Так нечестно! – топнула ногой Анна-Мария. – Мы договаривались, что человечек будет общий!

– Как же общий-то? – задумался Стасик. – Общий никак не получится...

– А как же у родителей общие дети рождаются?

– Не знаю, – честно сказал Стасик. – У папы сыновья рождаются, у мамы – дочки.

– Все дети рождаются у мамы из живота! – назидательно сообщила Анна-Мария. – Там у нее инкубатор.

Стасик с сомнением посмотрел на черную полусферу и покачал головой.

– Сто процентов! – уверенно сказала Анна-Мария. – Инкубатор у мамы.

– Мне мама когда-то говорила, что детей находят в Яндексе...

– А это где?

– Не знаю. По-моему, бред.

– Бред! – подтвердила Анна-Мария. – Инкубатор у мамы. Сто процентов.

– А откуда тогда сыновья? – ехидно поинтересовался Стасик.

– Наверно, папа в маму плюет, пока они целуются, – предположила Анна-Мария.

– Точно! – Стасик хлопнул себя ладонью по лбу. – Я в кино видел, как они губами складываются и стоят так!

– Как-то это противно... – поморщилась Анна-Мария.

– Пакость, – согласился Стасик. – Но мы сделаем по-нормальному. Ты плюнешь, и мы отсканируем твой генокод. А потом я плюну, и отсканируем мой. А потом мы их сложим.

– Это как?

– Я вспомнил. В геном-редакторе есть фильтр для совмещения мужского и женского кода. А я-то думал: на фига он нужен?

– Круто! – Анна-Мария захлопала в ладоши и побежала к холодильнику за яйцом.

Вернулась она из кухни разочарованная.

– Нету! Кончились хомкины яйца! – захныкала она.

– Что, даже куриных нет?

– А разве куриные годятся? – удивилась Анна-Мария.

– А ты думала, хомкины яйца – это не куриные? Это тоже куриные, только обработанные специально от микробов и раскрашенные. И стоят дорого. И коробки у них специальные.

– А хомка вырастет из куриного?

– Хомка вырастет из любого. Важно скачать из Сети правильную прошивку без запретов. Только выбери яйцо побольше. У тебя от обычных кур или есть модифицированные?

– Есть куриные-экстра! Килограммовые, для салата! – кивнула Анна-Мария.

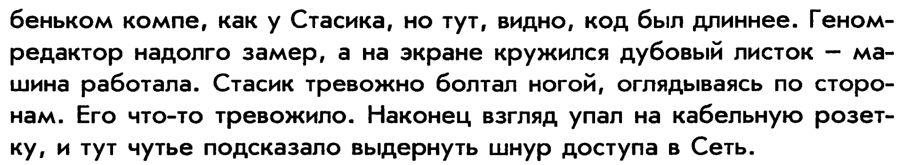
– В самый раз! Нужно три яйца: одно большое – для ребенка, а два можно обычных – их сварить вкрутую.

– Зачем? – удивилась Анна-Мария.

– Мы их разрежем, плюнем в середину и поставим в инкубатор на считывание. Без яйца он не будет ничего считывать, там защита стоит.

– Ясно! – кивнула Анна-Мария, побежала на кухню, и оттуда донеслось: – Я хорошо умею варить яйца!

Подготовить генокод для человечка оказалось куда сложнее, чем думалось Стасику. Первая неприятность случилась, когда Стасик установил в инкубатор яйцо со своим плевком и попытался считать геном. Обычно это занимало не так уж много времени даже на таком сла-

беньком компе, как у Стасика, но тут, видно, код был длиннее. Геном-редактор надолго замер, а на экране кружился дубовый листок – машина работала. Стасик тревожно болтал ногой, оглядываясь по сторонам. Его что-то тревожило. Наконец взгляд упал на кабельную розетку, и тут чутье подсказало выдернуть шнур доступа в Сеть.

– Зачем? – удивилась Анна-Мария.

– В кино видел, – буркнул Стасик.

На самом деле он и сам не мог объяснить, зачем отключился от Сети. Но тут обработка закончилась, комп яростно пискнул и выбросил на дисплей красное окошко с сообщением: «Эксперименты с геномом человека строго запрещены! О ваших действиях доложено в дежурную часть Объединенной Церкви!» Стасик многозначительно посмотрел на Анну-Марию и ехидно улыбнулся. Тут же вылетело новое сообщение: «Ошибка подключения к Сети! Проверьте информационный кабель!» Стасик выключил наивный комп и включил заново. Пиратскую ломалку для геном-редактора он нашел в Сети без особого труда, установил ее и снова считал свой генокод, отключив кабель. Но это уже было лишней предосторожностью, теперь геном-редактор не возражал.

С совмещением двух генокодов тоже пришлось потрудиться. Стасик изрядно полазил по Сети, читая статьи о хромосомных механизмах. Наконец он нашел что искал: оказывается, пол живых существ регулировался специальной Y-хромосомой. Кто б мог подумать, обычные хомки были бесполые. Единственное, чего он не смог придумать, – как встроить лазеры в глаза. После нескольких попыток ему удалось сделать костяные зрачки, но компьютер предупредил, что существо не сможет видеть. Стасик вернул все как было и предложил встроить человечку зубы гадюки, но Анна-Мария сказала, что человечек может прикусить язык и умереть. Зато она предложила снабдить его крылышками. Стасик согласился и даже скачал код крылышек, но геном-редактор заявил, что потребуется серьезная переделка двигательной и нервной систем, а расчет займет восемь часов. Ждать восемь часов никому не хотелось.

– Давай хотя бы сделаем звездочку на виске, как у феи Элизабет! – твердо сказала Анна-Мария.

– Какая гадость, – поморщился Стасик, но запустил фильтр родимых пятен и начал рисовать звездочку.

– Кривая! Дай я! – оттолкнула его Анна-Мария и сама села за клавиатуру.

Вскоре звездочка была готова. Стасик покрутил фигурку человечка, прилепил звездочку ему на лоб и снова покрутил со всех сторон.

– Пакость какая! – расстроился он, и на глазах у него появились сле-

зы, хотя за них было стыдно перед Богдамиром. – Мы же хотели сделать героя! А получается самый обычный человек из обычных генов...

– И совсем не из обычных! – возразила Анна-Мария. – У нас тоже гены древних героев. Мама рассказывала, что мои предки были викингами.

– У них были глаза-лазеры? – оживился Стасик, шмыгнув носом.

– У них были корабли и большие железные ножи, они ими резали врагов.

– Круто! – сказал Стасик. – А красный плащ-скафандр у них был?

– Сто процентов, – подтвердила Анна-Мария, немного подумав.

– А у меня предки славяне. Это герои?

– Конечно, герои! Они сражались с викингами и ездили на конях.

– Коня мы сделаем, – кивнул Стасик и поморгал глазами, чтобы высохли слезы, пока никто не заметил. – Не проблема – коня сделать.

В это время комп пискнул.

– Ура! – подпрыгнул Стасик и прочел вслух: – «Геном адаптирован для развития в инкубаторе. Программа развития – скоростная. Установите яйцо в инкубатор и нажмите любую клавишу для записи генома в яйцо».

Анна-Мария бросилась на кухню и принесла здоровенное куриное яйцо – размером с большую грушу. Стасик собственноручно укрепил его в гнезде и опустил крышку. Генокод переписывался долго, на инкубаторе поочередно мигали лампочки: сканер не сразу нашел в яйце материнскую клетку, а затем еще долго выжигал случайных бактерий. Наконец комп пискнул и выдал сообщение о старте инкубации.

– О-о-ой! – разочарованно протянула Анна-Мария. – Целых девять недель?! Это же вечность! Почему не шесть дней?

– Вообще я установил самый скоростной режим. – Стасик тоже был озадачен. – Наверно, скорее нельзя. Человечек ведь сложнее хомки. Может, в моем инкубаторе было бы скорее?

– Ну да, щас! – обиделась Анна-Мария. – У меня седьмого поколения!

– Слушай! – насторожился Стасик. – А твои родители не заметят, что инкубатор так долго занят?

– Если я не буду приставать к папе, он сам не сядет конструировать хомок. Вот только лампочки...

– Мы заклеим лампочки черной лентой, – предложил Стасик. – Папа не заметит.

Этого дня Стасик и Анна-Мария ждали с нетерпением. Анна-Мария рассказывала, что иногда из глубины инкубатора доносятся постукивания и

шорохи, хотя она не уверена. И вот этот день настал. После школы Стасик и Анна-Мария сели возле инкубатора и начали ждать. Наконец инкубатор щелкнул, как тостер, и крышка его приоткрылась. Изнутри повалил теплый кисловатый пар. Стасик подскочил к инкубатору, распахнул крышку и отшатнулся. Анна-Мария выглянула из-за его плеча, и лицо ее тоже изумленно вытянулось. На подстилке камеры в склизких обломках скорлупы лежал маленький ребенок. Он дернулся, всхлипнул, забил ножками и пронзительно закричал.

– Как мерзко визжит! – поморщилась Анна-Мария, зажимая уши. – Хомки так не визжат!

– Ну какой же это геро-о-ой... – разочарованно протянул Стасик, брезгливо тыкая пальцем. – Голый, сморщенный, весь в складках. Где плащ-скафандр?

Ребенок визжал, захлебываясь, и, видно, останавливаться не собирался.

– Может, его покормить надо? – спросила Анна-Мария.

Стасик взял с полочки пакет «Хомкинкорма», вытряс на ладонь желтоватые крошки и начал сыпать их на ребенка, стараясь попасть в открытый рот. Ребенок закашлялся и завизжал еще пронзительней.

– Что-то мы не учли, – пробормотал Стасик. – Что-то не учли. Сто процентов.

– Фу, мерзость, – сказала Анна-Мария. – Забери его к себе, а то мои родители скоро придут.

– К себе не могу, – покачал головой Стасик. – У меня бабка.

– Может, отнести его в зоопарк? – предложила Анна-Мария.

– Ага, тут-то нас из школы и выгонят!

– Думаешь, за это выгоняют? – Анна-Мария наморщила лоб. – Идея! Давай ему рот закроем и на чердак унесем. А ночью придумаем, что делать! Ты сможешь ко мне ночью прийти?

– Смогу, наверно, – кивнул Стасик. – А чердак у вас не заперт?

Над городом висела большая луна – желтая и выпуклая, как глаз яичницы. Стасик снова выглянул из куста, свистнул и хотел было опять спрятаться, но тут на восьмом этаже наконец приоткрылось окошко и высунулась знакомая челка. Анна-Мария помахала рукой и скрылась. А через минуту пискнул домофон подъезда: Анна-Мария открыла ему дверь. Стасик крадучись зашел в подъезд и поднялся на восьмой: вызывать лифт он побоялся.

Анна-Мария ждала его у квартиры. Поверх белой ночной рубашки она накинула зимнюю куртку, на ногах у нее были сапоги.

– Что, так и пойдешь? – удивился Стасик.

– Если буду искать одежду, мама с папой проснутся. Пошли!

Анна-Мария тихонько прикрыла дверь, и они пошли вверх по лестнице. Люк чердака был приоткрыт, стояла тишина. Из щели, сквозь клочья пыльной ваты и ржавые скобы, сочился теплый воздух, пахнущий летом, древесиной и голубями. Анна-Мария зажгла красный фонарик-светлячок, и они полезли на чердак.

В дальнем углу стояла картонная коробка, и в ней на подстилке из мятых газет лежал ребенок. Глаза его были закрыты, а тельце в тусклом лунном свете казалось совсем синим. Анна-Мария посветила фонариком.

– Потрогай его! – сказала она шепотом.

– Сама потрогай! – прошептал Стасик.

– Боишься, что ли?

– Не знаю.

– Ну и потрогай!

Стасик осторожно наклонился и положил палец на живот малыша. Живот был почти холодный.

– Может, укрыть его? – спросил Стасик. – Газетой?

– Он не умер? – Анна-Мария с любопытством посветила фонариком на бледное личико. – Возьми его в руки!

– А чего я? – возмутился Стасик.

– Ну ты же у нас бесстрашный герой, Майор Богдамир?

Стасик шмыгнул носом, опасливо засунул ладони в коробку и взял крохотное тельце.

– Дышит? – спросила Анна-Мария.

Стасик осторожно поднес тельце к уху.

– Не знаю, – сказал он. – Кажется, нет. Или дышит?

– Теплый? – Анна-Мария, не дожидаясь ответа, коснулась малыша ладошкой. – Чуть теплый. Смотри, смотри, кровь – ему ногу голуби поклевали!

– Фу... – Стасик положил малыша в коробку и выпрямился. – Если он умер, то его надо закопать.

– А если не умер?

Стасик задумался. Анна-Мария оглянулась и подняла фонарик-светлячок.

– Идея! – сказала она. – Мы сейчас положим его на дощечку и пустим по реке! Он будет герой-викинг!

– Круто! – согласился Стасик.

Они стояли на гранитном парапете набережной, на ступеньках, спускающихся к самой воде. Стасик, вооружившись щепкой, сосредоточенно

чистил дощечку, которую они нашли в глубине чердака. Анна-Мария держала на руках младенца. Стасик подумал, что вот так, в лунном свете, на фоне тихой воды канала, Анна-Мария очень хорошо смотрится – в белой ночной рубашке и пухлой куртке на плечах, с маленьким лысым человечком, прижатым к груди. На виске младенца темнела звездочка – не такая ровная, как они нарисовали, но вполне четкая.

– То мне кажется, что дышит... то не дышит, – задумчиво сказала Анна-Мария, кладя малыша на дощечку. – А как мы его назовем?

– Герой, – ответил Стасик, опуская дощечку на воду. – Наш герой.

– Классно. Пускай плывет. – Анна-Мария улыбнулась.

Дощечка мирно покачивалась на воде, и казалось, что младенец тихонько шевелит ручками. Стасик поднял прутик, наклонился над водой и собирался оттолкнуть дощечку от берега, но Анна-Мария взяла его за рукав.

– Подожди! Так будет еще красивее! – Она размотала с запястья шнурок фонарика-светлячка, включила его и опустила на дощечку рядом с головой малыша.

– Клево! – улыбнулся Стасик и оттолкнул дощечку прутиком.

Дощечка уплывала все дальше от берега, а Стасик и Анна-Мария стояли, взявшись за руки, и завороженно смотрели на сонную поверхность канала и на пропадающий вдалеке свет красного маячка.

– Ну что, по домам? – наконец облегченно улыбнулась Анна-Мария и поежилась.

– По домам, – кивнул Стасик. – Я провожу тебя.

Взявшись за руки, они поднялись по гранитным ступенькам, прошли по бульвару и углубились в переулки. Город был тих и пуст, лишь проехал мимо первый робот-подметальщик, гудя и мигая желтой лампой. Стасик и Анна-Мария шли молча, держась за руки и улыбаясь. Иногда останавливались и смотрели на луну, когда та появлялась в прорезях между зданиями.

Возле своего дома Анна-Мария повернулась к Стасику и серьезно посмотрела ему в глаза, мотнув челкой.

– Но мы же никому-никому об этом не скажем?

– Сто процентов не скажем, – подтвердил Стасик.

– Не горюй, – кивнула Анна-Мария. – Когда мы вырастем, то сделаем нового ребенка. Нашего героя!

– Сто процентов, – согласился Стасик. – Или нашу фею.

Они еще немного постояли в неловкой тишине, а потом Анна-Мария неожиданно чмокнула его в щеку, развернулась и поскакала к подъезду. И Стасику это совсем не показалось стыдным. Может быть, потому, что никто не видел?

Далия Трускиновская

ПУТЬ ДОМОВОГО

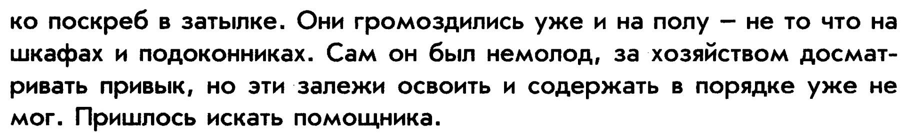
Если судить по количеству и качеству написанного, Далия Трускиновская может показаться уроженкой «золотого века» русской литературы, случайно перенесшейся в наше время. С одинаковым успехом и степенью самоотдачи она сочиняет фантастические, детективные и исторические романы, стихи... А в последние годы из-под ее пера вышло несколько рассказов и одна повесть, где действуют фольклорные персонажи — домовые, водяные, лешие... Из этого цикла опубликован пока только рассказ «Сумочный», не оставшийся незамеченным любителями фантастики (он получил премию «Сигма»). «Звездная дорога» печатает еще два произведения, объединенных общими персонажами. Что-то подсказывает нам, что после их прочтения многие из вас начнут каждый вечер оставлять на кухне блюдце со сливками. Так, на всякий случай.

Молчок

— На сходку пойду, — сказал домовой дедушка Мартын Фомич. — Слышь, Тришка? Тришка! Куда ты подевался? — И в очередной раз помянул Мартын Фомич внука Трифона ядреным, крепкого засола словцом, от какого иному мужику бы и не поздоровилось, однако домовые выносливы, их мало чем проймешь.

Тришка обитал на книжных полках.

Дом был старый, население в нем — почтенное и постоянное. Домовой дедушка Мартын Фомич сперва радовался, глядя, как в хозяйстве прибавляется книг. Ему нравилось, когда глава семейства не шастал вне дома, а сидел чинненько в кабинете, книжки читал, записи делал. Однако настал день, когда, глядя на эти сокровища, Мартын Фомич креп-

ко поскреб в затылке. Они громоздились уже и на полу – не то что на шкафах и подоконниках. Сам он был немолод, за хозяйством досматривать привык, но эти залежи освоить и содержать в порядке уже не мог. Пришлось искать помощника.

Младшая из дочек была отдана замуж в хороший дом, но далеко, так что раз в год, может, и присылала весточку. Мартын Фомич получил от нее словесный привет: живы-де, здоровы, только старшего сынка пристраивать пора, он же уродился неудачный, за порядком смотреть не хочет, а все в хозяйских книжках пасется. Мартын Фомич сдуру и обрадовался.

Когда внук Тришка перебрался на новое местожительство, когда увидел кабинет с библиотекой, восторгу не было предела. И действительно – первое время он книжки холил, пыль с них сдувал, норовил деду угодить. Потом же обнаружилось, что неудачное отродье взялось учить английский язык.

– Эмигрировать хочу, – объяснил он. – Чего я тут забыл? Тут мне перспективы нетути!

За непонятные слова Тришка схлопотал крепкий подзатыльник, но не поумнел, а продолжал долбить заморскую речь. До того деда довел – тот полез на самую верхнюю полку смотреть по старому глобусу, где эта самая Америка завалялась. Америка деду не понравилась: была похожа на горбатую бабу-кикимору, туго подпоясанную. А поскольку Мартын Фомич уже непонятно который год вдовел, то все, связанное с бабами, его огорчало безмерно.

Стало быть, и теперь несуразный внучонок сидел, весь в пыли, над заморской грамматикой.

– Тришка, убью! – заорал Мартын Фомич. – Со двора сгоню!

Это уже было серьезной угрозой. Убивать родного внука домовой дедушка не станет: не так уж много их, домовых, и осталось. А со двора согнать – может. Бездомный же и бесхозный домовой хуже подвальной крысы. Но крыса – та хоть всякую дрянь сгрызет и сыта будет, домовому же подавай на стол вкусненько да чистенько. Иди, значит, нанимайся подручным, в ванные иди, в холодильные! А смотреть за порядком в холодильнике – это как? А так – каждый день шарься там, треща зубами от холода! Спецодежды же не полагается: есть своя шерстка, у которого бурая, у которого рыжеватая, той и довольствуйся.

– Ща, деда, ща! – отозвался из неведомых книжных закоулков Тришка.

Вскоре он стоял перед Мартыном Фомичом, а изумленный дед слова не мог сказать – только шипел от возмущения.

– Ты чего это, ирод, убоище, понаделал?!!

– А чего? Все так делают.

– Так то – люди!

– Ну и что? Им от этого вреда нет.

– Как же тебя эта зараза проняла-то?..

– Откуда я знаю?

Тришка всего-навсего попробовал на своей шкуре красящий шампунь хозяйской дочки. Стал в итоге каким-то тускло-красноватым, но не слишком огорчался: инструкция на флаконе обещала, что оттенок после неоднократного мытья непременно сойдет.

– Да-а... – протянул дед. – Ну, все, лопнуло мое терпение. Пойдешь со мной на сходку. Лучше пусть я в одиночку буду книги обихаживать! А тебя сдам в подручные кому построже! Лучше от пыли чихать, чем тебя, дурака, нянчить! Все! Собирайся! Пошли!

Сходку назначили на чердаке. От нее многого ожидали: нужно было принять решение по ночному клубу «Марокко».

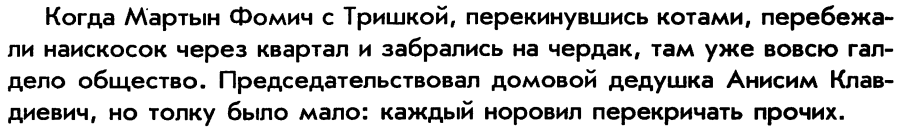
Клуб не давал спать всему кварталу.

То есть четыре ночи в неделю были еще так себе – мирные. А в остальные три грохотало, как на войне. Война длилась с одиннадцати вечера до пяти утра. Чтобы такое выносить, совсем нужно было оглохнуть. Люди жаловались, звонили в газеты и на телевидение, но хозяева клуба имели где-то в городской думе, а то и повыше, мохнатую лапу и прекрасно знали, сколько следует этой лапе отстегнуть, чтобы жить безмятежно. Клуб продолжал греметь и приносить доходы – дискотека в «Марокко» считалась в городе самой крутой.

Домовым же писать и звонить было некуда, они и такого утешения не имели. Но, в отличие от людей, они не были скованы цепями уголовного кодекса. И что бы они против клуба ни предприняли – никакое разбирательство им не угрожало.

Они в тихое время, утром, неоднократно лазили в клуб, но не могли понять – что и как нужно повредить, чтобы вся эта техника раз и навсегда заткнулась. Брали с собой и Тришку – его водили вдоль высоких железных коробок, велели читать надписи на железных же табличках, поскольку его страсть к Америке уже сделалась общеизвестной. Но по названиям трудно было догадаться, в чем суть. Бабы-домовихи пробовали было читать на эти названия наговоры, но ничего не получилось.

Особенно они старались над высокой, выше человеческого роста, алюминиевой пирамидой с обрубленным верхом. Удалось выяснить, что она-то и была той утробой, где рождался неимоверный шум. Но пирамиду даже ржа – и то не взяла.

Когда Мартын Фомич с Тришкой, перекинувшись котами, перебежали наискосок через квартал и забрались на чердак, там уже вовсю галдело общество. Председательствовал домовой дедушка Анисим Клавдиевич, но толку было мало: каждый норовил перекричать прочих.

Если кто не знает, почему домовые ведут уединенный образ жизни, не всякий обзаводится семейством, так все очень просто: друг с дружкой они не ладят. То есть коли безместный домовой прибился к зажиточному хозяйству и пошел в подручные, то домовой дедушка, считая его уже своим, с ним из-за чепухи ссориться не станет. Опять же, когда кому приспичит жениться, то при переговорах тоже стараются обходиться без склоки. Но домовые дедушки даже в двух соседних квартирах всегда сыщут, в чем друг дружку упрекнуть. А тут такое дело – сходка! Про «Марокко» и забыли – каждый вываливал свои обиды, мало беспокоясь, слышат ли его соседи.

Чердак был невелик, захламлен чрезвычайно, но именно поэтому очень даже подходил для сходки. Во-первых, тут не имелось своего хозяина, а во-вторых, каждый домовой дедушка мог выбрать закоулок по вкусу и сидеть там, оставаясь для соседей незримым и лишь подавая голос.

Анисим Клавдиевич постоял на старом чемодане, послушал визг и вопли, да и плюнул.

– Ну вас! – сказал. – Хуже людишек.

И полез с чемодана.

– Стой, куды?! – возмутилось общество. И тогда только стало потише.

Анисим Клавдиевич поставил вопрос жестко: ежели кто помнит дедовское средство для наведения тишины, пусть выскажется, потому как впору уже мхом уши конопатить.

– Заговор читать надо! – выкрикнул Евкарпий Трофимович, самый буйный из соседей, умудрившийся своими проказами выжить из квартиры три подряд семейства. Первое завело собаку не в масть – он хотел вороную с подпалинами, ему же привели белую болонку. Второе не понимало намеков – домовому, чай, угощение ставить полагается, а хозяйка жмотничала. Третье затеяло затяжной ремонт, а у Евкарпия Трофимовича обнаружился канонадный чих на все эти краски с растворителями.

– А ты его знаешь, заговор? – осведомился целый хор.

– Узнать-то можно! Только он должен быть кладбищенский!

– Тьфу на тебя! – махнул лапой Анисим Клавдиевич, а самый молодой и малограмотный из домовых дедушек, недавно женившийся Никифор Авдеевич, завопил:

– Это как?!

– А так – как-де покойник молчит, так и вы-де молчали бы, ну и прочие слова с действиями, – объяснил Евкарпий Трофимович. – Кладбищенской землицей с семи гробов порог посыпать, ну, еще чего натворить!

– Порог и обмести нетрудно, – вставил свое слово Мартын Фомич. – А коли мастера найдут и обратку сделают? Тому, кто землицу сыпал, мало не покажется. Тут железки ихние повредить нужно раз и навсегда!

– А ты в железках разбираешься? Знаешь, чего вредить, чтобы раз и навсегда? Мы повредим – а они починят! – возразило общество.

И таким макаром препирались довольно долго. Наконец устали вопить, и вдруг наступила тишина.

В этой тишине из большой винной бутыли, пыльный бок которой треснул и выпал большим треугольным куском, раздался голос совсем уж древнего домового дедушки Феодула Мардарьевича.

– Молчок нужен.

– Кто нужен? – спросил Анисим Клавдиевич.

– Молчок.

– Это кто еще?

– Кабы я ведал! Может, вовсе не «кто», а «что»... – Старичок развел крепко тронутыми сединой лапками.

– И я про то слыхал! – подал голос Мартын Фомич. – Молчка подсаживают, чтобы тихо было. Роток на замок – и молчок!

– Подсаживают – значит, живой, что ли? – шепотом осведомился внук.

– Или подкладывают, я почем знаю?! Раньше вон умели, теперь уже не умеют.

Общество заспорило. Выяснилось, что это явление многим известно, способ доподлинно дедовский, но приглашают ли Молчка на новое местожительство, как принято приглашать домовых, приносят ли в лукошке или Молчок вообще – вроде камня с дыркой, который принято вешать в курятнике, никто рассказать не смог.

– От корней оторвались и засыхаем! – подытожил Анисим Клавдиевич. – Как в город перебрались, так и засыхать стали. Знания-то не нужны были – вот и выдохлись. А как потребовались – так в башке и пусто!

– Так чего же думать-то? Нужно снарядить гонца к деревенским домовым! – предложил Мартын Фомич. – Пусть подскажут, как быть!

– Ты, что ли, на деревню побежишь? – встрял склочник Евкарпий Трофимович. – Ты, поди, и не знаешь, в какой она стороне, деревня!

– Ти-ха! – пресек ссору в самом зародыше Анисим Клавдиевич. – Деревня – она со всех сторон. Если по любой улице идти все прямо да прямо – рано или поздно выберешься из города. А там уж и она!

Общество загалдело. Вот как раз тут председатель оказался не прав. Потому что в одну сторону идти – будет долгий лес, а в другую – свекольные поля величиной с какую-нибудь Голландию или Бельгию.

Мартын Фомич толкнул Тришку, чтобы спросить, что это за края такие – ближе или дальше Америки. Но внук понял вопрос без слов.

– Это еще Европа, – шепнул он. – Я тебе потом на глобусе покажу.

Дед несколько обиделся: он хотел, чтобы растолковали на словах, и немедленно. Хотя вряд ли нашелся бы такой знаток географии, чтобы растолковать на словах мало что разумеющему за пределами своего жилья домовому дедушке, что еще за Бельгия такая.

– Никифор Авдеевич, тебе жену на окраине сосватали, ты сам ее перевозил, – сказал Анисим Клавдиевич. – Далеко ли оттуда до деревни?

– Там уже огороды начинаются, а есть ли за ними деревня – того не знаю, – честно отвечал молодожен. – А слыхал, хозяева говорили, что когда по грибы в лес ездили, то за лесом на шоссейке, у заправки, бабы с лукошками сидели, торговали, которая картошкой, которая яблоками, иные – грибами. Значит, где-то и деревня неподалеку.

– За долгим лесом? – переспросил председатель. – Ну, братцы, припоминайте, не осталось ли у кого там родни.

– Какая уж родня... – вздохнул чей-то хрипловатый басок.

И общество призадумалось.

– Стало быть, наугад пошлем гонца? – полюбопытствовал склочник Евкарпий Трофимович. Ему, видать, до смерти хотелось побаловаться с кладбищенской землицей.

– Наугад! – рявкнул председатель. – Выберем кого помоложе – и снарядим!

– У меня жена! – завопил Никифор Авдеевич. – Семейных гонцами не шлют!

– И помоложе тебя имеются... – Анисим Клавдиевич, смешно шевеля широкими ноздрями, повернулся прямехонько туда, где меж стопками старых журналов примостились Мартын Фомич и Тришка. – Мартын Фомич, давай-ка, яви обществу подручного!

– Нет у меня подручного, нет более! Со двора согнал! – заталкивая Тришку поглубже в щель, возразил дед.

– Да вон же он, я чую! Чего ты врешь?!

Делать нечего – Тришку вывели на всеобщее обозрение.

– Крепок, – одобрило общество. – Дойдет!

– Молчок нам всем нужен, без него хоть узлы увязывай да из дому беги, – сказал председатель. – Доставишь – наградим. В хорошую квартиру домовым дедушкой внедрим. Будешь с нами на равных.

Тришка только голову повесил: вот те и Америка...

– Припасов в дорогу соберем, слышите, братцы? Чтоб скряжничать не могли! – прикрикнул Анисим Клавдиевич. Чего греха таить: домовые дедушки скуповаты и прижимисты, это у них от избыточного усердия идет.

– Анисим Клавдиевич, он бы ежа моего прихватил, что ли, – проскрипел Феодул Мардарьевич. – Сил моих не стало!

– Какого еще ежа?!

Старенький домовой дедушка являлся в обществе редко, все больше дремал и отмалчивался, соседи даже полагали, что совсем хозяйство запустил. И надо же – еж у него завелся!

Оказалось, хозяева дурака валяют. Притащили скотинку из лесу, решили: пусть будет заместо кошки. А ежу в спячку укладываться пора. Дома тепло, он никак не поймет, чего делать, то под ванной в тряпках заляжет, то опять вылезет. Так надо бы отогнать бедолагу в лес, чтобы устроил себе логово по всем законам природы. Тем более что идти гонцу – как раз лесной дорогой, вот бы и доброе дело заодно сотворил...

– Вот не было печали! – воскликнул Мартын Фомич. – Мы так не договаривались! Гонцом на деревню – это одно дело, а ежей гонять – совсем другое!

Евкарпий Трофимович обрадовался скандалу – и понеслось!

Тришка только уши поджал и головой вертел: надо же, сколько из-за него шуму, куда там ночному клубу до сходки домовых!

Деду не удалось отстоять внука. Общество приговорило: идти Тришке гонцом, прихватив с собой ежа, и без Молчка не возвращаться.

В ту же ночь он и отправился.

Провизии ему собрали – недели на три, Тришка даже крякнул, как мешок на спину взгромоздили. Часть ее предназначалась на представительские цели – чтобы тем, кому вопросы придется задавать, были городские гостинцы. Вручили лоскуток бумаги с адресом – чтоб на обратном пути не заблудился. Выдали также хворостинку – ежа подгонять. Вывели на улицу, туда же Феодул Мардарьевич с помощью соседей доставил заспанного и совсем бестолкового ежа. Еж щетинился и все норовил свернуться клубком.

– Ступай, чадо! – торжественно послал Мартын Фомич, указывая

направление. – Ступай, ступай, авось в дороге поумнеешь! Американец!

Тришка подхлестнул ежа и зашагал вдоль кирпичной стены магазина.

И ни разу не обернулся.

Город был по человеческим понятиям невелик, но Тишка не сразу выбрался на окраину, а должен был устроить дневку в каком-то подвале. Возник у него соблазн оставить там ежа: не все ли равно, где скотинке зимовать? Сбыли с рук – и ладно. Однако не удалось. Не успел Тришка на цыпочках отойти от сонной зверюги на сотню шагов, как был ухвачен за шиворот.

– Мне подкидышей не надобно! Своей скотины хватает!

Тришка сплюнул. В ином квартале вообще ни домового, ни дворового, ни какого иного жителя, а тут в первую дыру сунулся и на подвального напоролся! Хорошо еще, не сразу его подвальный заметил, а только на выходе.

– Да ладно тебе, ладно! – заверещал Тришка. – Заберу, только пусти!

Подвальный, судя по железной хватке лап – из бывших овинников, привычных ворочать мешки с зерном, встряхнул Тришку и отбросил в сторону.

Надо полагать, он шел на запах и на звук, а глазами незваного гостя увидел, только когда тот гость, выронив мешок, приложился к стене и сполз на пол.

– Ого! – сказал подвальный. – Кто ж ты таков? Я и не разберу!

– Из домовых мы, – тряся башкой, чтобы выгнать из нее гул, отвечал Тришка.

– А мастью в кого уродился?!

– Да смою я эту масть, она у меня временная!

– Скрываешься от кого, что ли? – Тут подвальный поскреб лапой в затылке, осознавая ситуацию. – Ежа угнал, что ли?

– Да на кой он мне? – Тришка вздохнул. – Хочешь – забирай его насовсем. Или подари кому. Ежи мастера мышей ловить, когда не спят.

– Нет, ежа не надобно. Куда же ты, домовой, собрался?

– В лес его, дурака, отогнать велели.

– Кто велел?

– Да старшие.

– А потом?

– Потом – еще дельце есть.

– А потом?

– А потом – домой. Коли жив останусь.

– С ежом я тебе пособлю. У нас тут автомобильный служит, я с ним уговорюсь. А ты оставайся. Подкормим тебя, а то, гляжу, совсем хилый.

Тришка хотел было возразить, что общество назвало его крепким и для трудного пути пригодным, но посмотрел на подвального и понял, что возражать тому следует как можно реже.

– А что за автомобильный? – спросил он, чтобы поддержать беседу.

В доме, где служил Мартын Фомич, жило немало владельцев личного транспорта. Это были мужчины серьезные и свои машины так лелеяли, что куда там домовому! Потому и не приходило никому в голову нанимать особую обслугу для транспорта. Однако в богатом хозяйстве могли держать автомобильного просто чтобы выделиться и заставить о себе говорить.

– На третьем этаже у нас Панкратий Дорофеевич служит. Там богато живут: и домовиха есть, и подручных четверо, хозяин рес-то-ран держит. А рес-то-рану постоянно провизия требуется. Вот у них хозяйская машина есть, хозяйкина, сыну купили, а еще колымага – картошку с капустой возить. Там задние сиденья сняли, много чего загрузить можно. И она, колымага, оттого грязная, да еще вечно какую картофелину забудут, или луковицу, или еще чего, вонь потом стоит. Панкратий Дорофеевич подумал и взял безместного Никишку в автомобильные. Так вот, хозяин на деревне с кем-то уговорился и туда за провизией раза два-три в неделю непременно сам съездит, отберет самое лучшее, никому более не доверяет. Можно твоего ежа в багажник загнать, а потом Никишка его втихомолку выгонит. А на деревне еж сам сообразит, куда деваться.

– И то верно, – согласился Тришка. – Не знаю, как тебя и благодарить, дяденька, прости – имени-отчества не ведаю.

Он радости, что удалось без лишних хлопот избавиться от ежа, он пустился в стародавние любезности, до сих пор принятые у пожилого поколения домовых.

– Я батька Досифей.

– А по отчеству?

– И так сойдет.

Тришка побоялся даже плечиками пожать. Батька Досифей, при всем при том, что заговорил ласково, вид имел грозный. Одна густая и жесткая волосня чего стоила.

– Стало быть, спешить тебе некуда, – решил подвальный. – Я до Панкратия Дорофеевича дойду, потолкуем. Может, даже прямо завт-

ра ежа твоего отправим. А ты жди меня тут. Вернусь – ужином тебя покормлю, на ночлег устрою.

И пошлепал прочь.

Молчок может и подождать немного – так решил Тришка, когда батька Досифей привел его в свои хоромы.

Подвал был поделен на клетушки, где жильцы раньше хранили дрова, а теперь – всякую дребедень. В одной подвальный нашел ящик с детскими игрушками, совсем древними, и там оказалась мебель – кровать, шкаф, стол со стульями, да все – не на тощих теперешних кукол, а на старинных, основательных. Все было покрыто чистыми лоскутками, на столе стояли плошечки с едой, Тришка еще мешок развязал – прямо хоть пир устраивай!

Пока разложили припасы – заявился и Панкратий Дорофеевич с домовой бабушкой.

– А что? – сказал он, охлопывая Тришку по спине и по плечам. – Малый справный. Такому не помочь – грех. Никишка завтра в дорогу спозаранку отправляется, я ему велел ежа в багажник загнать.

– Я помогу! – вызвался Тришка. – Багажник высоко открывается, ежу придется досточку положить, иначе не залезет, да как бы еще с нее не свалился.

– Сам справится, – отрубил Панкратий Дорофеевич.

Тришка понял: завидовать бедному Никишке не приходится.

Матерый домовой меж тем продолжал его изучать.

– Ты из которых будешь? – спросил наконец.

Тришка растерялся. Конечно же, батя учил его отвечать на этот вопрос, да только задали его впервые в жизни. До сих пор Тришка встречался только с теми, кто и без вопросов знал всю его родню.

– Я из Новых Рудков, – сказал он, имея в виду городской район, где родился.

– Выходит, и Старые есть? – удивился Панкратий Дорофеевич. – Нет, ты мне про род. Кто батя, кто дед, кто прадед. Когда пришли, чем занимаются.

– Батя, Орентий Фирсович, в Новых Рудках домовым в девятиэтажке, мамка при нем. Дед – Мартын Фомич...

– Дед – Фирс, а по отчеству? – перебила его супруга, Акулина Христофоровна, весьма почтенная домовая бабушка.

Тришка смутился: дед Фирс, женив сына, перебрался куда-то на покой, так что внук его почитай что и не знал.

– Да ладно тебе, – вмешался батька Досифей. – Видно же – из домовых.

– Не встревай! Нам род хороший надобен! Чтобы старших много! – прикрикнул на него Панкратий Дорофеевич. – А Мартын Фомич – кто?

– Мамкин батя. Я при нем подручным.

– Где служит? – не унималась домовиха.

Тришка, как умел, описал квартал в центре города.

– Место приличное, – согласился Панкратий Дорофеевич. – Теперь про соседей давай.

Тришка умаялся языком молотить. Когда добрался до старенького Феодула Мардарьевича, собеседник обрадовался:

– Этого я знаю! Этот – наш! Почтенный! А ты, стало быть, Трифон Орентьевич?

– Так я ж еще не женатый! – удивился Тришка. И точно: молод он был, чтобы зваться по имени с отчеством, не заматерел. Хотя многие безместные молодые домовые сами себя с отчеством величают, и ничего.

– Ешь давай, Трифон Орентьевич, – велел дядька Досифей.

Тришка, обрадовавшись, что можно помолчать, занялся делом.

Поужинали, проводили гостей, и тогда батька Досифей указал Тришке место для ночлега.

После дневки сон не шел. Тришка ворочался, улаживался то так, то сяк, и все ему было плохо. Вдруг он услышал осторожный голосок.

– Эй! Как там тебя! Спишь, что ли?

– Не-е, не сплю, – шепотом отвечал Тришка, потому как в двух шагах похрапывал на постели грозный дядька Досифей.

– Иди сюда живо...

– Ты кто?

– Никита я, автомобильный... Давай живее!

Первое, что пришло на ум: автомобильный не может управиться с ежом. И то – поди заставь такую здоровую скотину подняться наверх по тонкой и узкой досточке.

Тришка на цыпочках покинул уютное жилье подвального.

Никита ждал за углом.

– За мной! – приказал он. И повел вон из подвала, на двор, где стояла вверенная его попечению колымага.

Еж действительно торчал у приоткрытого багажника, вот только ни досточки, ни чего иного Тришка не заметил – а ведь зрение у домовых острое, они впотьмах видят не хуже, чем днем.

– Ты, дурень, гляжу, никак не поймешь, во что вляпался, – хмуро сказал автомобильный. – Бежать тебе нужно отседова! Бежать без оглядки. Пока не оженили!

Домовой не сам придумывает, что жениться пора, а за него это старшие решают.

Коли видят, что не ленив, хозяйством занимается в охотку, в меру строг, в меру ласков, дурью башки ни себе, ни соседям не забивает, – то и начинают невесту присматривать.

Невест мало. За хорошей через весь город сватов посылают. Так вот отец Тришкин женился – потом ночей пять приданое перетаскивали. А Никифор Авдеевич аж на окраину жениться ездил. Тришку как раз к деду переселили, и он свадьбу видел, потом помогал приданое таскать. Позавидовал, но в меру. Он уже тогда решил, что всеми правдами и неправдами доберется до Америки. А там уж невеста найдется!

Про свой умысел он только одному холодильному Ермилу и рассказал. Ермил в целом одобрил: он и сам, притерпевшись к холоду, хотел уйти в рефрижераторные, чтобы уехать отсюда подальше. Но внес поправку.

– Жену лучше везти с собой. Там еще неизвестно, сыщешь или нет, а так – она завсегда под боком. И семейного везде лучше примут. Видят – домовой основательный, на хорошее место определят.

Проповедовать о пользе жены Ермил мог долго – а толку что? Все равно дед Мартын Фомич о внуковой семейной жизни и слышать бы не пожелал...

Поэтому Тришка, услыхав странное Никишкино сообщение, первым делом обрадовался.

– Вот и ладно! – воскликнул он. – Я-то не против, была бы невеста согласна.

– Да ты ее хоть раз видел?

– А что, нужно?

Тришкина мать суженого только за свадебным столом увидала – и ничего, живут дружно. Ей перед свадьбой нарочно посланные родственники донесли, каково у него хозяйство, как содержит, сколько добра и припасов. Она еще покапризничала: кровать хотела с мягкой перинкой, да еще дома к черносливу пристрастилась – так чтобы на новом месте запас чернослива ее ожидал. Сделали по ее слову – она и пошла замуж довольная.

Тришкиному отцу тоже хватило того, что про невесту рассказали. Хозяйственная, некрикливая, и роспись приданого длинная, пока сваха наизусть выпалила – взмокла. Он только желал, чтобы супруга была в масть, чуть с рыжинкой. Ну так на то есть порошок из травы, «хной» называется.

Была ему к свадьбе эта самая рыжинка! Ну а потом как-то обтерпелся и с естественной супругиной мастью.

– Ох, ну ты и дурень...

Тришка застыл с разинутым ртом.

– А чего на нее смотреть? – неуверенно сказал, когда очухался. – Домовиха – она домовиха и есть... Мой батя женился не глядя – так что же, и он – дурень?

– Он на твоей мамке женился, а ты на ком собрался?

Никишкина логика заставила Тришку вдругорядь разинуть рот. Автомобильный вроде и нес околесицу – но на ум не брело, как же ему, поганцу, возразить.

– Так домовиха же... – другого довода у Тришки не нашлось.

– Домовиха! Как же! Во-первых, не домовиха, а подвальная. Батьки Досифея дочка. Во-вторых, девка она порченая.

– Это как?

– А так. Гуляет. Вот ты у батьки Досифея ночевать укладывался – она дома была?

– Не было, – согласился Тришка.

– Только к утру заявится, – авторитетно заявил автомобильный. – И, думаешь, трезвая?

– Кто, домовиха – нетрезвая? – это в Тришкиной башке никак не совмещалось.

– Подвальная! И курит к тому же. Ее тут все уже знают, ей жениха не найти. Свахи этот подвал за три версты обходят. Даже если какая дурочка придет принюхаться – соседи ее просветят. А тут ты заявился! Вот он я – берите меня голыми руками! Конечно, батька Досифей и не чает, как за тебя свое сокровище сбыть. И Панкратий Дорофеевич ему помогать собрался. Они сообразили, что ты хорошего рода, только простоват, вот и взялись за работу!

– Так что же теперь? – спросил потрясенный таким предательством Тришка.

– А что пожелаешь! Хочешь – возвращайся к Досифею, жди, пока суженая с гулянок прибредет. Но я бы на твоем месте...

Тут автомобильный прислушался.

– Замок лязгнул! – сообщил он. – А у нас еж еще не усажен! Живо!

Они вдвоем подтащили дощечку, прислонили ее к багажнику и погнали ежа вверх. Он идти не захотел, а свернулся клубком – хоть кати его, подлеца!

– Хозяин по лестнице спускается... – тыча в ежа палкой, шептал Никишка. – Ну, пропали мы! Заболтались!

Тришка взбежал по досточке и изучил внутренность соединенного с салоном багажника. Кроме пустых ящиков, увидел он еще несколько

прочных мешков, в том числе один небольшой. Схватив его и выбросив, сам выпрыгнул следом.

— Ты чего? — удивился Никишка.

— Я мешок придержу, а ты его туда закатывай!

Пользуясь длинной щепкой как рычагом, Никишка закатил колючий шар в разверстое чрево мешка, и тут же Тришка захлестнул его веревкой. Потом они подтащили мешок к досточке, забрались повыше и поволокли его вверх. Еж сопел, пыхтел и фыркал, но воспротивиться не мог.

— Ахти, а у меня и не подметено! — тихонько восклицал Никишка. — И луковой шелухи гора! Ахти мне, зазевался!

Когда хозяин, зевая, подошел к машине и отворил дверцу, все было готово — и даже мешок развязан, чтобы еж, покочевряжившись, вылез и ехал с удобствами.

— Он всегда спозаранку выезжает, а к обеду уже обратно с грузом, — шепотом объяснял автомобильный Тришке. — Там и теплица есть, он помидоры берет. Знаешь, какие помидоры? Ни в магазине, ни на рынке таких нет! Всякие заморские сорта, они уже и на помидоры не похожи. Их в ресторане за большие деньги подают. И картошка разных сортов. «Адрета» — она для картофельного пюре хороша, а на драники эту, как ее, нужно... Тьфу, забыл. И морковка желтая! Красная — она в салаты, а желтая — в плов, вот. А как выбирает! Пятнышко — с мушиный глаз, а он его видит и тотчас морковину бракует!

Машина двинулась.

— Ох ты! А как же я?! — Тришка метнулся к дверце.

— Прыгай, прыгай! — посоветовал Никишка. — Как раз и суженая, того гляди, заявится! Опохмелять свою гулену будешь!

— Да не женят же меня против воли! — возопил Тришка.

— Тихо ты! Не женят, думаешь? Еще как женят! В тычки жениться поведут! Батька Досифей — он такой.

Хозяин слышал возню в багажнике, но о том, что Панкратий Дорофеевич нанял автомобильного, не знал, а полагал, что там поселилась мышь. И очень даже просто: когда берут картошку из буртов, вместе с ней можно и целое мышиное семейство прихватить.

Машина выехала со двора, завернула за угол и по пустой утренней улице резво понеслась к окраине — туда, где улица перерастала в междугородное шоссе.

Прыгать было поздно...

Полтора часа спустя Никишка сообщил, что уже немного осталось. И точно: машина, сойдя с шоссе, протряслась по большаку, еще куда-то

свернула и остановилась посреди большого двора, где порядок, возможно, был, но для городского взгляда какой-то непонятный.

Хозяин вылез и пошел в дом. По дороге он успел позвонить по сотовому, сказал, что подъезжает, и его уже ждали с горячим чаем.

– Первым делом ежа выгоняем, – распорядился автомобильный. – Еще диво, что не обгадился.

Еж от дороги совсем обалдел, опять свернулся и признаков жизни не подавал.

– Ну, сверху вниз-то полегче будет, чем снизу вверх, – заметил Тришка. – Отворяй багажник.

Но тут-то он и дал маху.

Вредный еж забрался в щель между ящиками, и никакими щепками невозможно было его оттуда выковырять.

– Ну, не скотина ли? – пожаловался автомобильный.

– Скотина, – согласился Тришка. – Знаешь, что он у Феодула Мардарьевича учудил? Хозяйские носки воровать повадился. Люди разуваются на ночь, носки же никто не прячет. А он на шубу их наколет – и под ванну, гнездо вить.

– Умный, – неожиданно одобрил шкодника Никишка.

– Умный – а Феодулу Мардарьевичу каково? Ему и так за порядком уследить трудно, а тут еще этот вредитель!

– Шел бы на пенсию, – заметил автомобильный.

– На пенсии теперь долго не протянешь. Раньше всем миром за стариками смотрели, теперь каждый в одиночку выкарабкивается. Хорошо, если у кого дети. А если нет? Вот в Америке – другое дело...

Никишка посмотрел на Тришку с большим подозрением.

– Ты там был, что ли?

– Не был, а по телевизору видел. Там богато живут! У каждого свой дом, в доме по восемь комнат, по десять! Значит, команда домовых нужна! Значит, домовые в почете и тоже живут богато! Вот ты тут – автомобильный, на гнилой картошке спишь, а там будешь домовым дедушкой. Поехали вместе, а? Я уж английский язык учить начал!

Ответить автомобильный не успел: из кустов раздался тихий свист, который подействовал на ежа как будильник. Зверь вскочил на ноги, которые тому, кто с ежами незнаком, могут в выпрямленном состоянии показаться непропорционально длинными, и поспешил из багажника прочь. На самом краю остановился – но свист раздался снова, да такой требовательный! И еж, соскочив вниз, понесся к кустам. Там и пропал.

– Ахти мне! – воскликнул Никишка. – Это же хозяин здешний! Ну, доигрались!

И полез за ящики.

– Ты куда? – изумился Тришка.

– Лезь за мной, дурак! Может, отсидимся! А то как отбиваться будем?! У-у, деревня сиволапая!

Действительно, в кустах показался некто сивый и тут же сгинул.

– Америка, Америка! – передразнил Тришку автомобильный. – Тут тебе сейчас такое кино будет – хуже всякой Америки!

– Да чего ты с ними не поделил? – совсем растерялся Тришка, послушно втискиваясь в какие-то занозистые щели.

– А ничего я с ними не делил! Просто мы – городские, они – деревенские! Вот они нас и не любят. В ящик лезь... вот сюда... и бумагой накройся...

– Они что же – на приступ пойдут?

– Чш-ш-ш!

– Так ты мне хоть палку, что ли, дай...

– Палку ему!.. Их и дрыном не проймешь!..

Но не деревенские жители пошли штурмовать багажник – из дому вышел хозяин автомобильного с другим хозяином – тем, кто продавал ему овощи.

Как выяснилось, это дело было у них отработано. Товар уже ждал покупателя в ящиках – оставалось только убедиться в качестве. Мужчины выставили на жухлую осеннюю траву пустые ящики из машины, загрузили ее полными, попрощались, и хозяин автомобильного уехал.

Тришка же, сжавшись в комочек, трепетал и прислушивался. Ящики колыхались и гремели. Когда же шум и движение прекратились, он выглянул в щель и ахнул.

Овощевод отнес пустые ящики под навес и составил их многоэтажной стенкой. И таково было Тришкино везенье, что он оказался на самом верхнем этаже.

– Никиша! Автомобильный! – позвал Тришка.

Никто не откликнулся. И даже когда стало понятно, что автомобильный ухитрился остаться в машине, Тришка звал еще некоторое время. А потом замолчал и крепко затосковал...

Все его имущество осталось в подвале. Ни крошки продовольствия он не имел. Правда, судьба избавила его от ежа. Но ничего хорошего взамен не дала. Тришка даже не представлял, куда его завезли и в какой стороне город.

Одно он знал твердо: уж английский-то язык тут точно не понадобится...

Голод, страх и одиночество – горести, плохо переносимые домовыми. Настоящего голода они, кстати, и не знают: всегда сыщут, чего бы по-

жевать. Бояться же не привыкли – наоборот, это их всегда побаиваются. С одиночеством вообще забавно: домовой считает себя выше неразумного хозяина, однако хозяин с семейством его, домового, забавляют, и, живя в доме, принимая участие в человеческой деятельности, он даже не задумывается о нехватке собеседников своего роду-племени.

Тришка целый день просидел голодный и одинокий. Страха в конце концов не стало: скорее всего, местные домовые даже и не знали, что вместе с автомобильным приезжал еще кто-то. А если и услышали шум, поднятый вокруг ежа, то решили, что горожане как приехали вдвоем, так и уехали. Правда, до таких умных вещей Тришка досображался не сразу.

Наконец он осторожно слез с ящиков и пошел вдоль стенки, натыкаясь на неизвестные и совсем ему непонятные вещи. Он был городским домовым уже в четвертом, чтоб не соврать, поколении и отродясь простых грабель не видывал.

Хозяйство у овощевода было просторное, за навесом стояла теплица, за теплицей – длинный сарай с огромными воротами, туда Тришка и шмыгнул на всякий случай.

Он увидел каких-то железных уродов, вовсе не похожих на известные ему автомобили. Обходя одного такого, на высоченных колесах, он обнаружил у стенки кое-что знакомое. Хозяева называли это «иномарка». Нарядная желтенькая иномарка была словно со зла запихана между грязнобокими чудищами. Тришка подошел поближе – и тут в него угодил камушек, пущенный чьей-то меткой лапой. Ойкнув, Тришка шлепнулся на задницу и потрогал бедро. Тут же пролетел другой камушек, но на сей раз незримый враг промахнулся. Поняв, что подлец спрятался за колесом иномарки, Тришка кинулся прочь. Перед порогом сарая он споткнулся, шлепнулся и тут же услышал человечьи шаги. Перекинувшись на всякий случай котом, он сел ждать – не прозвучат ли какие-нибудь умные слова.

Слова прозвучали.

– Ну и долго Сашка собирается держать тут эту дрянь? – спросил женский голос. – Из-за нее не повернуться! Значит, его драндулет под крышей, а ты свой под открытым небом ставь? Что, и зимой тоже так будет?

– Не под небом, а под навесом, – отвечал мужской голос. – Дурак я был, что тебя послушался. Гараж нужно было весной ставить, нормальный, с ямой, а ты – семена, семена, органика, торф! И много дала твоя теплица?

– Моя теплица нас всю зиму кормить будет, – возразила женщина.

– И органика у нас не купленная. А Сашке я сама позвоню. Смотреть же надо, что покупаешь! За цвет он, что ли, этого кабысдоха взял? Сколько он на этой тачке наездил? Два километра? Полтора?

– Перестань, не надо звонить. Он мне обещал, что продаст машину на детали. Уже почти нашел покупателя. Приедет и заберет.

– Вечно ты его выгораживаешь!

Мужчина и женщина пересекли двор и вошли в хлев, голоса тут же как отрубило.

Тришка не то чтобы разбирался в машинах – скорее, он разбирался в Америке. Он знал, что там можно всю жизнь прожить без паспорта – были бы автоводительские права. Кроме того, у хозяина имелось то, что вся семья называла «тачкой». Тришка видел тачку из окна, но слова «зажигание», «сцепление» и «карбюратор» оставались для него пустыми, он только знал, что они имеют склонность барахлить, капризничать и даже издыхать, отчего предположил как-то, что в автомобиле, как и в доме, есть свое население. Но Ермил, который готовил себя в рефрижераторные, его разубедил.

И вот теперь возникло подозрение, что Ермил – не такой всезнайка, каким хотел казаться перед Тришкой. Но кто там швырялся камнями, карбюратор или иной деятель, Тришка догадаться не мог.

На всякий случай он выскочил из сарая.

Если хозяева ходят по двору, возможно, в доме никого нет – так он подумал, потому что очень хотелось есть. Конечно, тут городских не любят – но удалось бы хоть сухую корочку стянуть, и то ладно! А потом выйти на дорогу и попытаться понять, в какой стороне город.

Тришка крадучись добрался до порога, где и был подхвачен за шиворот чьей-то не в меру сильной лапой.

– Куда?! – прогремел бас.

Вспомнив, как автомобильный боялся нападения, Тришка забился и тихонько завизжал.

– Кто таков?! Чего по чужим дворам слоняешься?

– Й-и!.. Й-и-й-а-а... – собрался было отвечать Тришка, но тут порог перед его глазами поехал.

Тришку несли, не дозволяя ему коснуться подошвами земли, и донесли до черной дырки, и сунули в эту дырку, так что он наконец ощутил твердое под ногами и невольно пробежал несколько шагов по довольно широкому лазу. Тут же наступил полный мрак: тот, кто Тришку сюда закинул, загородил собой дыру.

– Ну?! Будешь ты говорить, вражина?!

– Ай! – вскрикнул Тришка, споткнувшись о большой железный болт.

– Ай, а дальше?

– Ай, – ощутив некое озарение, повторил Тришка. – Ай эм. Эм ай. Гуд монинг, сэр.

– А ни хрена ж себе! – изумился косматый громила, что растопырился в дырке. – Это по-каковски?

– Хэллоу, – ответил ему Тришка. – Хау ду ю ду?

И на всякий случай добавил «сэр».

Мудрая мысль заполнила собой всю голову: пока говоришь по-английски, бить не будут.

Городские домовые произошли от деревенских, это всем известно. А вот причин, по которым они плохо ладят с родней, может быть несколько. Допустим, нос задрали. Или своим налаженным бытом зависть вызвали. Или еще что-то этакое произошло, о чем все уже давно позабыли.

Если бы они встречались более регулярно, что ли, то вражда бы обозначилась не только как тягостное чувство, но и словесно, прозвучали бы обвинения, тогда и разбираться было бы легче. Но беда в том, что они почти не встречаются: кто где поселился, тот там и обитает, иной домовой из своего дома за сто лет шагу не ступит. И деревенский кузен для него столь же реален, сколь пришельцы из космоса, которых он, затаясь в углу, смотрит по хозяйскому телевизору.

Таким вот образом Тришка знал изначально, что деревенские его заранее недолюбливают. И то, что старшие послали за Молчком наугад, на том основании, что молод и сложением крепок, ему сразу не понравилось. Но общество приговорило – изволь подчиняться.

Доподчинялся! Полетят сейчас клочки по закоулочкам...

Будь при нем мешок с продовольствием – мог бы поклониться городскими лакомствами, ублажить, расположить к себе. Но мешок-то – в подвале у батьки Досифея, а Тришка-то – здесь!

А где – здесь, и понять невозможно. Нора какая-то, ведет под дом, если все отступать да отступать – неизвестно, куда провалишься. Но как посмотришь на громилу, который, стоя вполоборота, отдает распоряжения незримым подчиненным, так ноги сами перебирать принимаются, унося от злодея подальше.

А злодей меж тем собирал против Тришки многочисленное войско. Были там Пров Иакинфович, Ефимий Тихонович, Игнашка, Никодимка, Маркушка, Тимошка и еще баба Анисья Гордеевна. Громила, надо думать, был здешний домовой дедушка, а прочие – кто дворовым, кто сарайным, кто – овинником (об овинах Тришка имел темное понятие, но слыхивал, что овинники мощны и мускулисты), кто – хлевником, кто – запечником.

Совсем бы погиб Тришка в этой норе, но за спиной услышал фырканье и тихое сопенье. Его обнюхивали!

Повернувшись, Тришка увидел огромную кошачью рожу.

Нора, куда его запихнули, была всего-навсего кошачьим лазом в погреб – вещь очень удобная, потому что кошка в деревне отнюдь не диванное украшение, а труженица, и разлеживаться в тепле ей не позволят: попила молочка, да и ступай-ка, матушка, мышей ловить.

Нельзя сказать, что Тришка так уж боялся кошек. Он сам при нужде перекидывался крепеньким дымчатым котиком, как дед выучил, но близкого знакомства с этими животными не имел. Хозяева четвероногих тварей не жаловали, так что Тришка их лишь издали видел. Но знал: с домовым дедушкой своего дома кошка ладит, если, конечно, ее выбирали дедушке под масть, а чужого может и когтями зацепить.

С отчаянным воплем Тришка помчался, пригибаясь, по норе, боднул громилу башкой в живот и вылетел во двор. Далее понесся, не разбирая дороги, а громила, ругаясь на чем свет стоит, – за ним.

– Сюда! – услышал Тришка. – Ну?! Живо! Свои!

И увидел, как из щели в стене кто-то качнулся ему навстречу.

Разбираться было некогда. Тришка с разгону чуть ли не в объятия угодил и был впихнут в темное и сырое пространство.

– Только сунься, Елпидифорка! Только сунься! Рад не будешь! – пригрозил громиле неожиданный спаситель.

– А вот я тя дрыном! – пообещал громила.

– Елпидифор Паисьич! Назад! Зашибет! – загомонили незримые соратники громилы, и все голоса перекрыл один, пронзительный, бабий:

– Елпидифорушка, не пущу!!!

– Ну вас! – сказал спаситель. – Горазды вы всемером на комара ходить. Тьфу и еще раз тьфу.

С тем и забрался обратно в щель.

Тришка за свою недолгую жизнь видел довольно мало народу из своего роду-племени. Но все, с кем он встречался, за внешностью следили. Даже кто порос густой и непрошибаемой волосней – тоже както умудрялись ее приглаживать. Домовихи – так те вечно прихорашивались, вроде балованных домашних кошечек. Обитатель щели же если когда и расчесывал шерстку – так разве что в раннем детстве, чтобы от мамки не влетело. Чего только не висело и не болталось на нем! Соломинки, сенная труха, даже истлевший березовый листочек Тришка приметил.

– Я – Корней Третьякович, – сурово представился нечесаный спаситель. – При теплице служу. Из полевых. Оформлен тепличным. Доку-

менты в порядке. Так что, гражданин инспектор, я в своем праве. А они бесчинствуют и меня гнобят.

Тришка открыл рот – да и закрыть позабыл.

– Не думал, что моя жалоба докуда следует дойдет. Я с полевым Викентием Ерофеевичем посылал, он обещался с заправки с кем-нито из автомобильных отправить. Добро пожаловать, вот, глядите, как живу, чем питаюсь. Гнилые зернышки, гражданин инспектор! Хозяйских помидоров не трогаю: уговор был не трогать. Корочки заплесневелой два года не видел! Хорошо, с кошкой Фроськой сговорился, я летом за котятами смотрел, она мне с хозяйского стола то сосиски кусок, то колбаски кружок принесет. Хлеба-то ей не давали! Что дадут – тем со мной и поделится. Теперь котят раздали, и опять я на гнилом пайке.

Тришка молча подивился тому, что тепличный сговорился с кошкой. Городские домовые с котами еще кое-как могли столковаться, а кошка – непонятлива, да и беспамятна, кстати говоря. Коли есть котята – так они одни на уме, на иное ума уже недостает. Нет котят – думает, как бы новых завести, других мыслей не держит, вот и все.

– Хозяйство показать? – спросил Корней Третьякович.

– Покажи, – дозволил Тришка.

– Да! Главное! Как тебя, гражданин инспектор, звать-величать?

– А Трифоном Орентьевичем.

– Будь так. И что, всех вас, инспекторов, так наряжают?

– Как наряжают? – удивился Тришка.

– Масть меняют, – уточнил тепличный.

Тут только Тришка вспомнил, что недавно пользовался хозяйским шампунем и сделал себе шерстку ненатурального красноватого цвета.

– Не всех, – туманно ответил он.

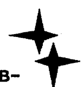
– Главных, что ли? – Тепличный посмотрел на него с некоторым недоверием к его молодости, вздохнул и крякнул: время пришло безумное, к старости почтения, видать, вовсе не осталось, и домовой-молокосос уже может оказаться значительной шишкой.

– Не совсем.

– Ну-ну... Так вот, живу я убого. А они там, на усадьбе, барствуют! С хозяйского стола и сам Елпидифорка питается, и его баба, и весь штат – Провка, Ефимка, Игнашка, Никодимка, Маркушка, Тимошка!

– Куда столько? – удивился Тришка.

– Вот и я спрашиваю – куда? Провка, скажем, у них запечный. А Маркушка? Сарайным был, а в сарае жить не желает, ему дом подавай! Никодимку опять же, когда подрос, чтобы безместным не остался, в хозяйские автомобильные определили. Ну и что, занимается он техникой? Тоже все за печку норовит! Срамные картинки смотреть!

– Срамные картинки-то откуда? – строго спросил Тришка, предчувствуя и любопытную историю, и что тепличный сгорает от желания ее рассказать.

– А к хозяину из города за овощами приезжают, и автомобильный, Никишка, их привозит. Продовольствием не берет, только деньгами, так Елпидифорка наладился у хозяина деньги воровать! Где рубль, а где и десять! А тот автомобильный и берет ворованное! Тьфу! Глаза б не глядели!

– Ишь, шустрый...

– А ты его знаешь? – догадался Корней Третьякович.

– Он меня сюда завез...

– Что завез – правильно сделал! И вообще Никишка далеко пойдет, потому что на верном пути! – тут же, без заминки, перешел от ругани к похвале тепличный. – Он деньги копит, чтобы жениться. Совсем еще недавно безместным был, теперь в автомобильные взяли, так он на этом не остановится! Он у подвального дочку сватать хочет! А как войдет через женитьбу в хорошую семью – так и выше поднимется! Он еще, увидишь, в хорошем доме домовым дедушкой станет!

– Дочку, у подвального? Так она же гуляет и выпивает!

– Кто тебе наплел? Девка смирная. Подвальный для нее хорошего жениха ищет, а она с Никишкой поладила. Я знаю, Никишка при мне с Тимошкой разговаривал, пока ящики грузили.

– Надо же... – пробормотал огорошенный Тришка.

Теперь его паническое бегство в багажнике явилось в совершенно ином свете...

Много чего любопытного нарассказал тепличный Тришке про своих недругов. Как нанимали тепличным – так сулили златые горы. Как приступил к работе – так кукиш под нос! А уходить обратно в полевые некуда... И безместным быть в такие годы – стыд и срам...

– Живут не хуже городских! – возмущался Корней Третьякович. – В тепле, сыты, при всех удобствах! Мне дважды в год чарка вина полагается – где та чарка? Сами выпивают! А я за место тепличного двадцать рублей дал! Сколько лет копил! По копеечке деньги у автозаправки подбирал!

Когда же он всерьез потребовал от Тришки решительных мер, вплоть до выселения Елпидифорки со двора, Тришка уже знал, как быть.

– Я ведь не по жалобе, – склонившись к мохнатому, с кисточкой, уху, прошептал он. – Я по государственному делу.

– Ого?!

Они сидели в теплице, в щели между деревянным столом и стеной, на щепках, под перевернутым ведром, сверху которого стояла картонная коробка с белым порошком. И тепличный взгромоздил щепки для гостя повыше, являя таким образом почтительность. Угощение же выставил нарочно жалкое: пусть гражданин инспектор попробует, потом не отплюется. Рядом с угощением лежала очередная жалоба – мелким почерком, на криво оторванном от края газеты квадрате.

– Мне нужен Молчок.

– Молчок? А кто таков?

– Чш-ш-ш...

История с женитьбой Никишки настолько Тришку обидела, что в нем проснулась совершенно неожиданная для выросшего на книжных полках домового хитрость.

– Вражина? – без голоса спросил тепличный.

– Вражина, – подтвердил Тришка.

– Так что же, Трифон Орентьевич, ты сюда только за тем Молчком и забрался?

– Мы его по всем закоулкам ищем, – как бы нехотя признался Тришка. – Коли чего знаешь – говори.

Он хотел было добавить, что старые сельские жители наверняка помнят, как Молчка подсаживать, и хорошо, что не успел.

– Беглый? Из острога?

Такого домысла Тришка не ожидал. Но кто его, Молчка, разберет?! Может, и впрямь Молчки ныне только в острогах водятся?

– Он самый, – согласился Тришка.

– Стало быть, ловите, чтобы обратно возвернуть?

– Он много дел понаделать может, – туманно намекнул Тришка.

– А если кто покажет того Молчка – тому что?

Вопрос был разумный – жаль только, что ответа на него Тришка не имел.

– Награда будет? – допытывался тепличный.

– Ну... Это в зависимости...

– А какая?

– Соответственная! – неожиданно для себя заорал Тришка. И испугался: тепличный с ним бы одной левой управился.

Однако красноватая масть, недоступная сельскому жителю, внушила Корнею Третьяковичу несокрушимое и при необходимости перерастающее в страх почтение.

– Ну все, все, все, больше не спрашиваю! Я же понимаю! – зачастил он. – Мне бы, конечно, больше продовольствием получить хотелось, но я и на повышение тоже согласен!

– А что? Ты знаешь, где найти Молчка?

– Знаю... – даже не прошептал, а прошелестел тепличный. – Он у нас в сарае живет...

– В сарае? – тут Тришка вспомнил, как в него незримый враг камнями швырялся.

– Ну да, потому сарайный и перебрался в дом! А домовиха его, Молчка, жалеет, еду ему таскает!

– Погоди, погоди! С чего ты взял, будто это – Молчок?

– Так молчит же!

– Молчит, а что еще?

– А ничего боле! Сидит там, как сыч в дупле, и носу не кажет! Вот такие дела, гражданин следователь. Молчка они тут, оказывается, прикормили!

Неожиданно пожалованный в следователи Тришка не возражал. Он уже начал понимать, какого нрава здешний тепличный.

Тришкина задумчивость длилась столько, что Корней Третьякович пришел на помощь.

– Мы вот что, Трифон Орентьевич, мы его оттуда выведем и тут спрячем, а когда за тобой Никишка приедет, свяжем и в багажник сунем. Так ты его до города и довезешь.

– Здорово придумано, – одобрил Тришка. Ему страх как хотелось надавать Никишке по шее. И вдруг он вспомнил про ежа.

– Послушай, Корней Третьякович, я в багажнике не один был, там Никишка еще ежа вез. Ему велели вывезти за город и выпустить в лесу. А он до леса не довез: кто-то из здешних ежу посвистел, еж у нас и сбежал. Прямо из багажника.

Вранье получилось чудо какое складное.

– Свистел ему, поди, Тимошка, он умеет. Его тоже из полевых взяли, только давно. Он теплицы и не нюхал! Тимошка, должно, для лешего старался. Еж – это лешего скотинка. Коты, псы – сам понимаешь, наша. Куры еще, вся хлевная живность, кони. А ежи, ужи, жабы, хори – они хоть к дому и прибиваются, а ведает ими леший.

– Так он ежа к лешему отогнал?

– А кто его знает... Должен был бы, если по правилам. Ну так что? Идем Молчка брать?

Тришка насупился, всем видом являя решимость. Ему не очень-то хотелось шастать по чужому двору в сопровождении тепличного, которому врагами были все, кроме кошки Фроськи. Но и показывать слабость он не мог. Вон Никишка уловил, что повстречал лопоухого, – и что вышло?

– Идем! – сказал Тришка. – Веревка-то у тебя найдется?

Сарай изнутри был страшен – столько всяких железных лап, рогов и закорючек тут имелось.

– Ты не бойся, это культиватор, – сказал тепличный, проводя Тришку под многими железными зубьями. – Сейчас оттуда подкрадемся, откуда он нас и не ждет.

И точно: они зашли в тыл желтой иномарке. А там тепличный погремел кулаком о крашеный бок и отскочил.

Изнутри послышались дребезг и ворчание. Кто-то пробирался по машинным потрохам, лязгнуло, скрипучий голос разразился неразборчивой, но явно гневной речью.

– Гляди ты! Заговорил! – удивился Корней Третьякович.

– Может, и не Молчок вовсе? – предположил Тришка.

– Проверить надобно, – сказал не желавший упускать награду тепличный. – Давай так: я его выманивать стану, ты схоронись. А как он на меня кинется – так и ты на него кидайся! Вдвоем повяжем!

Тришка оценил отвагу тепличного – не совсем бескорыстную, ну да ладно, какая есть.

– Давай, – согласился он и снял с плеча смотанную в кольцо веревку.

Тепличный же снова брязнул кулаком по машине.

– Эх, хорош бы день, да некого бить! – заголосил он. – Вылезай, я те язык ниже пяток пришью! Я из тебя блох повыбью, ядрена копалка!

Тришка подивился странной деревенской ругани. Но еще более изумился, услышав ответ.

Отвечено было по-английски, обещано с той же степенью лаконичности, с какой совершить известное действие грозятся по-русски.

– Погоди, Корней Третьякович, – удержал Тришка тепличного от дальнейшего охальства, а сам завопил во всю глотку:

– Хау ду ю ду-у-у!!!

И воцарилось в сарае полнейшее и безупречное молчание.

– Кам аут! – крикнул Тришка. – Не бойся – бить не будем! Ви а фрэндс!

Прежняя угроза прозвучала, но уже не свирепо, а скорее сварливо: засевший в иномарке незнакомец пообещал кое-что сотворить и с «фрэндс».

Тришка некоторое время конструировал в голове ответную фразу. Английских слов до боли не хватало. То есть он их учил, но они все куда-то подевались.

– Ви кам ту хелп ю! Ту хелп! – заорал он.

Оказалось, что и с «хелп» незнакомец хочет поступить все тем же испытанным способом.

– Чего это ты ему? – спросил тепличный.

– Я ему: друзья мы, мол, не бойся. Он меня – по матери. Я ему: пришли, мол, помочь. Он опять по матери.

– Погоди! А на каком это ты с ним наречии?

– На английском.

– Так твой Молчок – кто? Шпион?!

Тришка вздохнул: теперь он уже вообще ничего не понимал.

– Трифон Орентьевич! – воззвал к нему тепличный. – Так ты – кто? Кому служишь?!

– Известно кому служу, – буркнул Тришка. – Инспекторы мы...

– Инспекторы! Кому же ты, лягушка тебя забодай, продался? – проникновенно заговорил Корней Третьякович. – Я думал, ты и впрямь инспектор по жалобам от населения! А ты? Потом думал, следователь по особо опасным! А ты? И что же выясняется? Ну нет! Долго я молчал, а теперь все выскажу!

– Опомнись, Корней Третьякович, – попросил Тришка. – И так башка от мыслей трещит, а тут ты еще со своими дуростями.

– Не отдам Молчка! – вдруг заявил тепличный. – Пошел прочь отсюда! Не отдам – и точка.

– Да тебе-то он на кой сдался? – удивился Тришка.

– Пошел! Кыш!

Подхватив с утоптанной земли железку, Корней Третьякович погнал Тришку по сараю. Но Тришка оказался проворнее тепличного – шмыгнул так и сяк, запутал след, а потом возьми да и подкрадись обратно к желтой иномарке.

И услышал он там такую речь:

– Мистер! Сэр! Как вас там?! Выйдите, покажитесь! Дело у меня к вам! Тут демократию гнобят и уже вконец загнобили! Могу жалобу в письменном виде передать! Там все подробно про Елпидифорку, Ефимку, Игнашку, Никодимку, Маркушку, Тимошку и еще домовиху Анисью Гордеевну будет изложено! По-английски я не умею, ну да у вас переведут! И пусть ваши демократы нашим демократам по шее-то надают!

Для пущей доходчивости Корней Третьякович еще стучал по дверце иномарки жестким от черной работы кулаком.

– Опомнись, дядя! – воскликнул, выходя из укрытия, Тришка. – Кому там в Америке твоя жалоба нужна? У них своих забот хватает.

И на всякий случай обратился еще и к незримому ругателю:

– Донт лисн ту хим, хи из э фул!

В ответ из машинных недр раздался громкий хохот.

– Ну наконец-то! – обрадовался Тришка. – Эй! Сэр! Кам хиэ!

На сей раз прозвучала длинная и очень быстрая фраза, в которой

Тришка ни черта не разобрал. Но признаваться в том тепличному не пожелал.

Вдруг дверца приоткрылась. Оттуда протянулась рука. Тришка, не будь дурак, за эту руку ухватился и был втянут внутрь, успев крепко лягнуть Корнея Третьяковича, вздумавшего было его за ноги обратно вытаскивать.

Дверца захлопнулась.

Тришка утвердился на ногах и наконец-то увидел своего Молчка.

Когда живешь на книжных полках и постигаешь мир по черненьким значкам на белой бумаге, этот мир получается, как правило, лишенным цвета, запаха, а также многих важных деталей. Следует также учесть, что в библиотеке, присматривать за которой определили Тришку, были книги в основном научные. И он какие-то вещи знал неплохо, на иные набрел случайно, а прочих и вовсе не ведал.

Так, он вычитал в словаре, что английских и, видимо, американских домовых называют «брауни», и сделал разумный вывод: мастью они все коричневатые. Но прочие подробности их жизни оставались покрыты мраком.

А между тем, прибыв в Америку, он тут же обнаружил бы, что не только между городскими и сельскими брауни имеется противостояние, но и внутри каждого клана – свои давние склоки, и есть такие ответвления у старинных почтенных родов, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И влип бы в местные разборки куда хуже, чем сейчас: тут он все-таки был пока среди своих, и даже врун Никишка воспринимался как свой, и даже кляузник Корней Третьякович.

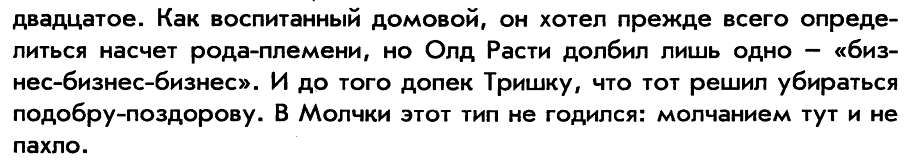
Тот, кто стоял сейчас перед Тришкой, был откровенно чужой, хотя и держал улыбку от уха до уха. Его нездешнее происхождение чудилось Тришке решительно во всем. Во-первых, оно явственно проступало в зеленых штанах. Уважающий себя домовой яркого не носит (он должен быть неприметен), и даже домовихи наряжаются только в домашней обстановке, за ванной или на антресолях. Во-вторых, ступни оказались подозрительно похожими на утиные, под хилой шерсткой – перепончатыми. В-третьих, рожа. Рот на ней был знатный, зато носа – почти никакого.

– Хай! – сказал этот чужак и потряс в воздухе мохнатым кулаком.

– Хай! – ответил Тришка. – Ай эм Трифон Орентьевич. Вотс йор нэйм?

– Олд Расти!

И начался довольно странный разговор. Незнакомец частил и трещал, Тришка понимал даже не с пятого на десятое, а с десятого на

двадцатое. Как воспитанный домовой, он хотел прежде всего определиться насчет рода-племени, но Олд Расти долбил лишь одно – «бизнес-бизнес-бизнес». И до того допек Тришку, что тот решил убираться подобру-поздорову. В Молчки этот тип не годился: молчанием тут и не пахло.

– Гуд бай, дарлинг! – выбрав подходящий, как ему показалось, момент, выкрикнул Тришка и кинулся наутек. Олд Расти что-то завопил вслед, но Тришка уже выметнулся из желтой иномарки.

– Ну? Как? Будем брать? – зашипел из-за тракторного колеса Корней Третьякович. Он, видать, уже забыл, что сгоряча и Тришку посчитал шпионом.

– Не сейчас, – ответил Тришка и крепко задумался.

Он пытался понять, какой у этого брауни может быть бизнес в деревенском сарае.

Это слово в его понятии означало прежде всего торговлю. У хозяина бизнеса не было, у хозяйки был, у хозяйских детей недавно завелся свой. С бизнесом владельцев «Марокко» дело было темное – домовые не пришли к единому мнению. Одни считали, что там продается втихомолку дурь и с того много народу кормится – кстати говоря, это было чистой правдой. Другие полагали, что основной упор делается на алкоголь. Третьи даже до такой теории возвысились, что «Марокко» торгует производимым в нем шумом. Тришка сделал вывод, что бизнес возможен только там, где много народу. Что мог продавать или же покупать Олд Расти – было пока уму непостижимо.

– Так он шпион или не шпион? – допытывался тепличный.

– Шпион, но жалоб не принимает.

– Это почему же?

– Не велено.

– А-а... А будет?

– Когда велят.

Тепличный еще чего-то хотел узнать, но замер с открытым ртом.

– Аниська... – прошептал он. – Во, гляди... А мешать не моги...

Домовиха Анисья Гордеевна, озираясь, спешила с узелком к желтой иномарке.

Вообще домовые к женам и дочкам строги, требуют порядка. Но есть одна область, куда они носу не суют. Эта область именуется «жалость». Если домовихе взбрело на ум кого-то пожалеть и оказать ему покровительство, мужья и сыновья даже не ворчат – молча терпят. Такое ее право.

Судя по всему, Анисья Гордеевна пожалела брауни.

Она постучала в дверцу иномарки, дверца приоткрылась, и Олд Рас-

ти соскочил вниз, заговорил с большим достоинством, только вот домовиха, судя по личику, ровно ничего не понимала.

– Ешь, горе мое, – только и сказала, развязывая узелок. – Ешь, непутевый...

Олд Расти набросился на еду так, словно его три года не кормили.

– Ехал бы ты домой, что ли, – сказала Анисья Гордеевна. – Пропадешь тут с нами.

– Бизнес, – набитым ртом отвечал Олд Расти.

– Нет тебе тут никакого бизнеса. Ну, что ты умеешь? Есть да девок портить, поди? Невелика наука. Ешь, ешь... колбаски вон возьми, да с хлебушком, так сытнее выйдет...

Тришка и тепличный следили из-за колеса, как расстеленная тряпица все пустеет и пустеет.

– Пойду я. А ты подумай хорошенько. Надумаешься – на дорогу выведу.

Домовиха говорила так, как если бы Олд Расти был способен ее понять. Но он только ел и ел. Когда ни крошки не осталось, утер рот ладонью и произнес по-английски нечто благодарственное.

– Ну, полезай обратно, – дозволила домовиха и, свернув тряпицу, пошла прочь.

Стоило ей завернуть за культиватор – тут и заступил дорогу Тришка.

– Здравствуй, матушка Анисья Гордеевна! – с тем он поклонился. – Я Трифон Орентьевич, из городских. Пожалей меня, Анисья Гордеевна!

– Пожалела, – несколько подумав, сообщила домовиха. – Какое у тебя ко мне дело?

– Молчок мне нужен. Меня наши за Молчком снарядили – чтобы узнал, как его подсаживать. В городе уже разучились, а на деревне, наверно, еще умеют.

– Молчка подсаживать? – Анисья Гордеевна хмыкнула. – А что? Это мы можем. Я тебя к бабке сведу, она еще и не то умеет. Молчок – это ей запросто!

– Пойдем, пойдем скорее! – заторопил домовиху Тришка.

Ему совершено не хотелось объясняться по поводу Молчка с тепличным. И хотя Тришка был уверен, что окажется включен в очередную жалобу, он решительно последовал за Анисьей Гордеевной туда, куда ей угодно было его повести.

По дороге выяснилось много любопытного.

Никишка, понятно, ни с кем не ссорился: ему просто хотелось вконец заморочить голову простофиле Тришке, чтобы навеки избавиться от со-

перника. На мешке с провизией, оставленном у подвального, Анисья Гордеевна советовала поставить крест – нет более мешка, и точка. А насчет бабки Ждановны понарассказала чудес. У бабки-де полка есть, длинная, в два роста, и на ней пузырьков несметно. В ином червяк, который по ветру пускается, когда нужно хворь наслать, в ином любовное зелье, а в тех, что с левого края, – Молчки, один другого краше. Можно хозяину подсадить – будет тих и кроток. Можно – хозяйке, или детям, или даже в скрипучую калитку, чтобы более не смазывать.

Бабка Ждановна жила далековато – по человеческим понятиям не так чтобы слишком, а домовому – топать и топать. Добирались долго. Но Тришка заранее радовался: возвращение с победой всегда приятно.

По дороге толковали о разном. И очень Тришке было любопытно, как Анисья Гордеевна с обитателем желтой иномарки договаривается. Но она и сама этого не знала. Так как-то получалось – и ладно. Не обязательно понимать слова, чтобы покормить голодного.

– А чем он занимается – поняла? – допытывался Тришка.

– Да ничем. Ничего он не умеет.

– А ты откуда знаешь? – удивился Тришка. – Ты же по-английски не понимаешь!

– Аль я не баба? – ответно удивилась домовиха. – Я и без английского тебе скажу, который мужик дельный, а который – одно звание. Этот работы не любит и не понимает. Сюда же приперся бездельничать, да не вышло.

– Еще как вышло, – возразил Тришка. – Вон, сидит в иномарке, бездельничает, а ты его из жалости кормишь – чем ему плохо?

– А и верно! – воскликнула домовиха. – А я-то думаю, чего он бубнит «бизнес, бизнес»! Вон у него, оказывается, что за бизнес! Ну, все, кончилась моя жалость!

Тришка ахнул. Сам того не желая, он обрек Олд Расти на голодную смерть.

Когда дошли до поселка, где проживала бабка Ждановна, Анисья Гордеевна сказала дворовому псу «цыц, свои», велела подождать снаружи, а сама пошла к бабке кошачьим лазом. Пробыла недолго, вскоре выглянула и поманила Тришку.

Бабка Ждановна вдовела. Но супруг под старость лет сильно болел, и она уж так наловчилась исполнять его обязанности, что смерти одряхлевшего домового никто из хозяев и не заметил, все продолжало идти своим чередом. Вот только молодой кот Барсик затосковал и ушел из дому, но во двор наведывался, и домовиха не теряла надежды его вернуть.

Анисья Гордеевна привела Тришку в ладное подполье, где всякого добра хватало, и солений, и мочений. Там имелся закуток, куда в незапамятные времена сложили инструмент хозяйского прадеда, потому что пожалели выбрасывать, да и не заглядывали больше ни разу. В этом закутке расположилась бабка Ждановна со своим знахарским хозяйством.

— Молчок, стало быть, надобен? — уточнила она. — Имею такого и научу, как подсадить. Вот он, в жестяночке заперт.

Это был древний металлический патрончик от валокордина, с навинчивающейся крышкой. Бабка Ждановна взяла его с полки и тряхнула.

— Слышишь? Молчит!

И точно: в патрончике было совсем тихо.

— А подсаживать как? — спросил Тришка.

— А плати — научу.

— Сколько платить-то?

— Молчок у меня хороший, нашего производства, не чета заграничным, — повела торг бабка Ждановна, а Анисья Гордеевна стояла рядом и кивала. — Он пьяного шума — и то не допускает. Дерутся, скажем, при нем пьяные, кулаками машут, друг дружке морды кровенят, а — беззвучно! Такой Молчок много стоить может, но, раз уж тебя кума Гордеевна привела, чересчур не запрошу. А дай мне за него сто рублей! Дашь — научу, как подсаживать.

Ста рублей у Тришки, понятное дело, не было. У него даже рубля — и то не было. И он прямо-таки изумился — как расценкам, так и тому, что деревенские домовые стали падки на деньги.

Как ни странно, в городе расчеты все еще велись натурой. Возможно, потому, что все жили за своими хозяевами неплохо, если кто и оказывался безместным — место скоренько находилось, и в монетах с бумажками просто не было нужды. На деревне же, оказывается, все складывалось иначе.

Потом уже Тришка узнал, что было время — люди уезжали в города, и из безместных домовых примерно четверть подалась следом, а прочие выжили с большим трудом, тогда-то и стали все мерить деньгами.

— Помилуй, бабушка! — воскликнул Тришка. — Откуда у меня сто рублей?!

— А то нет?

— Точно — нет!

— Чтобы у городского — да ста рублей не нашлось? Я знаю, вы там богато живете!

— Ни один Молчок ста рублей не стоит! — убежденно сказал Триш-

ка и вдруг вспомнил цифры. – Вот у Анисьи Гордеевны тепличный за место двадцать рублей дал, так то же – место! На всю жизнь!

– И Молчок – на всю жизнь!

Долго они препирались, старая домовиха уже сбавила цену до восьмидесяти, но проку было мало.

– Ну, вот иной Молчок, подешевле, за семьдесят отдам! – Она указала на пузырек с пробкой. – Этот попроще будет, постарше, не такой ядреный!

Тришка хмыкнул.

– Нам простой Молчок нужен, без всяких там прибамбасов, – объяснил он.

– Ну, вот еще подешевле, за полсотни отдам.

Анисья Гордеевна была права: на полках имелась целая коллекция Молчков, один другого краше.

Наконец сошлись на самом простеньком и невзрачном, всего за тридцатку. И Тришка объяснил, что вообще-то его послали разведать, что да как. Значит, теперь нужно возвращаться в город за деньгами. Никто же не знал, что за Молчка платить нужно.

– Экие вы! – буркнула бабка Ждановна.

Тришка только вздохнул: даже если он благополучно вернется, где домовым деньги взять? Воровать у хозяев всегда считалось недопустимым, даже ради такого доброго дела, как избавление от ночного клуба «Марокко». А вот сельские домовые, похоже, воровать уже привыкли – что там Никишка рассказывал про срамные картинки?

Решили так: Анисья Гордеевна и Тришка переночуют у бабки Ждановны, а потом Тришку выведут на дорогу, туда, где бабы продают шоферне пирожки, соленые огурцы и картошку. Там окликнут знакомого автомобильного, и Тришка будет доставлен в город. По дороге же он сговорится с автомобильным, и тот научит, как из города опять к бабке Ждановне попасть. Вот таким сложным делом оказалось приобретение Молчка.

Договариваясь, Тришка словно бы раздвоился: один Тришка торговался, как умел, а другой слушал его вранье и ужасался. Тридцать рублей – за хорошего Молчка деньги небольшие, в складчину городские домовые это потянут, однако сходка может встать на дыбы. Всегда в обществе найдется бешеный домовой, готовый костьми лечь за нравственность.

А потом Тришку уложили спать в противоположном углу подполья, на стопках старых журналов. Выдали драную брезентовую рукавицу – хоть ею накрывайся, хоть в нее заползай. А вот покормить отчего-то забыли...

На голодный желудок не сразу засыпаешь. Даже если убегаешься, уходишься и умотаешься до того, что конечности гудят. В этом домовые совершенно не отличаются от людей.

Лежа в рукавице, Тришка ворочался и барахтался. Возможно, ему и удалось бы заснуть, но сквозь дырку он увидел буквы.

Это было его горе и сладкое проклятье – не мог спокойно смотреть на черные значки. Знакомые домовые, видя, как он решительно хватается за каждый газетный клочок, уже наладились дразниться: «Буквы! Буквы!» И если бы значки перед его носом сложились во что-то непонятное, в какой-нибудь ультрасингулярный креациоморфизм – еще куда ни шло. Однако они образовали слово «брауни»!

Тришка тут же выполз из рукавицы и стал развязывать бечевку. Тут он несколько погорячился: стопка журналов, прихваченная этой бечевкой, накренилась, и, стоило узлу разойтись, все поехало, Тришка полетел на пол. Уже на полу он, почесываясь, стал разбираться. Любопытное слово было напечатано на журнальной обложке, и не просто так, а обещало целое расследование: «Английские брауни – легенды, факты, гипотезы». Тришка тут же вспомнил обитателя желтой иномарки, которого ему пытались выдать за Молчка.

Но недолго наслаждался он историей английских домовых. Послышались голоса и невесомые, похожие на прикосновения кошачьих лап шаги.

– Спит? – еле слышно спросила бабка Ждановна.

– Спит, поди... – отвечала Анисья Гордеевна. – Ну, не может же быть, чтоб совсем безденежный...

– А коли в рукавице?

– Тогда хуже...

Тришка в этот миг добрался до самого захватывающего места, и странное появление домових вытряхнуло его из блаженного состояния чтения, как из мешка в ледяную воду. Он замер.

– Гляди ты, нашкодил...

– Что ж это у тебя бечевки сами развязываются?

– Недоглядела...

– Спит вроде... Давай-ка мне, а то сослепу порежешься...

Тришка так никогда и не узнал, хотели домовихи вытащить у него несуществующие деньги, и только, или же замыслили кое-что пострашнее. Книжные премудрости в его лохматой башке не были еще разложены по ровненьким полочкам, валялись в натруску, но иногда вспоминались очень вовремя. Вот и сейчас нарисовалась красными буковками неведомо чья мысль: лучший способ защиты – это нападение.

Взвизгнув, Тришка вскочил на ноги и, оттолкнув домових, понесся че-

рез весь погреб наугад. Он помнил, что неподалеку от закутка бабки Ждановны должен быть кошачий лаз.

Где-то вдали вопили и ругались домовихи. Тришка вертелся, принюхиваясь, пытаясь уловить движение воздуха, и вдруг обнаружил, что стоит у полки с пузырьками. В азарте он схватил самый главный, валокординовый, со сторублевым Молчком, и тут же догадался, где лаз.

Опомнился он даже не на дворе, а на дороге, совершенно не понимая, как удалось проскочить сквозь забор. Вслед лаял дворовый пес.

Тришка ударился бежать...

За поворотом шоссейки он перешел на шаг. Даже если домовихи и погнались за ним, то наверняка безнадежно отстали: куда старым дурам гоняться за молодым?! Обозвав их совершенно незаслуженно старыми дурами, Тришка сел и поставил меж колен железный патрончик.

Он знал, что Молчка следует выпускать в нужное время и с определенным наговором. Но стало страшно любопытно: каков этот, сторублевый? Тришка чуть отвернул крышечку, понюхал – тоненько пахло лекарством, и ничем более. Он потряс патрончик – никакого шума. Тогда он отвернул крышку до конца, так что образовалась щель, и подул туда. Молчок должен был хоть как-то обнаружить свое присутствие, но не обнаружил. С нехорошим предчувствием Тришка перевернул патрончик вверх дном. Ничего не вывалилось – ни телесное, ни эфемерное.

Патрончик был совершенно пуст.

Тришка в ужасе еще постучал по металлическим бокам – и звонкий стук стал единственной его добычей.

Мир был исполнен вранья, наглого вранья, бесстыжего вранья!

Сидя в пожухлой траве, на обочине ночной неведомой дороги, Тришка ревел в три ручья, как маленький, хуже маленького, как девка-домовиха, которую свахи обходят, и вот она жалуется на горькую свою долю, забравшись в печную трубу и отказываясь вылезать ныне, и присно, и во веки веков. И от ее тихих тоскливых стонов и причитаний люди крестятся, всуе поминая нечистую силу.

Отстрадав и отжаловавшись незримой во мраке ночной живности, Тришка встал и утер сопли.

Да, мир за пределами квартиры оказался гнусен и скверен, мерзок и гадок. Но иного мира у Тришки попросту не было.

Следовало как-то устраиваться в этом.

Нюх у домовых не такой острый, как у собак, но все же внушает уважение. Тришка несколько попортил свой книжной пылью, однако вернуться назад по собственному следу вполне мог – что он и сделал.

Он даже до такой степени успокоился, что не зашвырнул со зла железный патрончик в канаву, а по-хозяйски прихватил с собой.

Шел Тришка долго, хотя и быстрее, чем с упитанной Анисьей Гордеевной. А по дороге думал, вспоминал, сопоставлял и увязывал новые сведения об английских брауни с теми, которые уже имелись в голове.

Все-таки кое-что любопытное он в том журнале вычитал...

Добравшись до сарая с сельскохозяйственной техникой, Тришка спокойно туда вошел, отыскал желтую иномарку и треснул кулаком в порожек.

– Хай! – приветствовал он незримого обитателя. – Кам аут, сэр гремлин!

Олд Расти ни черта не ответил. Слышал зов – но затаился.

Это Тришку не смутило. Теперь он знал, почему Олд Расти оказался на чужбине, и знал также, какую пользу из него извлечь.

Английские брауни, эмигрировав в Америку, сохранили прежние привычки. Поскольку принадлежали они к той же расе, что и наши домовые, то и за океаном пристроились в хозяйства к фермерам и стали следить за порядком, такое у них в жизни было назначение.

Но там, где сто брауни что-то создают, непременно найдется один, который вздумает все разрушить.

У домовых наметилось было появление таких уродов, но земля, где они жили, стала терпеть одно бедствие за другим, то войну, то голод, а то опять войну. Это не позволило заразе распространиться вширь, и она заглохла. Ведь и человек, и домовой дурью начинают маяться, когда чересчур хорошо живется, а коли не до жиру – быть бы живу, то и всякие умствования сами собой отпадают.

Английским и американским брауни, видать, очень уж хорошо у фермеров жилось (Тришка даже позавидовал, читая статью, что им каждый вечер ставили блюдце сливок), и очень много лет назад объявились первые разрушители. Сперва их действия подпадали под обычное баловство: брауни любят почудить. Потом старики забеспокоились, и уродов отовсюду погнали прочь.

Само собой получилось, что повышение благосостояния людей, породившее в итоге такое извращение среди брауни, объяснялось еще и техническим прогрессом. Пароходы были уже давно, а потом появились велосипеды, автомобили и разнообразные летательные аппараты. Вот их-то и оккупировали изгнанники.

Они уже из принципа не желали ничего делать, а только портить и коверкать. Летчики, столкнувшись с этой бедой, сообразили, что проще откупиться, и стали их подкармливать, только бы не безобразнича-

ли. Бывшие брауни, которых кто-то додумался звать гремлинами, плодились и размножались на аэродромах, думали, что так будет всегда, но нашлась и на них управа.

После нескольких крупных аварий, когда вместе с самолетами кануло на дно морское немало гремлинов, кто-то умный сообразил обратиться за помощью к магам. Эпоха материализма была на излете, возвращалось время суеверий — вот и нашелся мастер, в одночасье изгнавший с аэродрома гремлинов, как тараканов.

Дальняя родня отказалась помогать потомственным бездельникам, они кинулись осваивать иную технику, кто-то нашел себе уютное местечко, а кто-то оказался безместным. Хуже того, гремлины не сообразили, что летчик будет всеми силами спасать свой самолет, а хозяин автомашины, в которой поселился вредитель, не станет ставить в углу гаража выпивку с закуской, а просто машину продаст и купит новую.

Настали тяжкие времена.

Дармоеды пытались выжить как только могли, и многие эмигрировали обратно в Европу. Но там их с распростертыми объятиями не ждали.

Тут просочились слухи, что есть-де на востоке земли, где живет простой народ, не шибко ученый, готовый оказать приют и покровительство всякому жулику, объявившему, что у него-де бизнес. Запахло удачей!

Домовые еще не сообразили, какой десант приземлился, но нашлись умные люди и принялись писать об этом статьи в газетах и журналах. Таких ненормальных любителей букв, да еще изучающих английский язык, как Тришка, среди городских домовых, пожалуй, больше и не нашлось бы, вот они и блаженствовали в неведении.

Тришка же, сложив два и два, наконец догадался, в чем суть, кто такой Олд Расти и почему он оказался в желтой иномарке. Иномарку эту ему стоило бы хоть чуточку поберечь — пока хозяин не сообразит, что к чему, и не начнет откупаться сливками. Но гремлин на радостях испортил все, что подвернулось под шаловливую лапу, и иномарка стала на вечный прикол у хозяйского родственника в деревенском сарае. До лучших времен, понятно, пока найдется олух, согласный взять ее хоть на детали.

Надо сказать, что, пролив слезы на обочине и нажалев себя на сорок лет вперед, Тришка решил действовать сурово. Он уже и тепличному явил всю строгость официального лица — но это случилось скорее с перепугу. Теперь же он был готов двигаться напролом — и даже не верить встречному-поперечному, развесив уши, тоже был готов. А это для любителя букв очень трудная обязанность.

– Кам аут, олд феллоу! – еще раз позвал он. – Итс ми, Трифон Орентьевич!

Гремлин отмалчивался. И Тишка прекрасно понимал, в чем дело: разрушитель крепко не поладил со здешними домовыми, увидевшими в нем врага. Только тепличный, состоящий в оппозиции к домовому дедушке и его свите, не выступал против блудного гремлина, да еще Анисья Гордеевна не вовремя принялась его жалеть. И ведь раскусила баба заморского гостя, не способного ни к какому труду! А все равно жалела – впрочем, понимание бабьей души Тришка отложил на потом.

– Кам аут! – рявкнул он. – Айл гив ю ту газл!

Обещание дать пожрать вызвало у гремлина интерес, и он приоткрыл дверцу – хотел увидеть, чего это ему вдруг принесли. Тришка же был наготове: подпрыгнув, вцепился в гремлина, повис на нем, и оба грохнулись наземь. После чего друг от дружки отпрыгнули, и Олд Расти встал в боксерскую стойку. Но Тришка решил соблюсти давние правила вежества.

– Я к тебе с поклоном. – Он размашисто поклонился гремлину. – У вас товар, у нас купец! Ай хэв эни бизнес фо ю! Бизнес, слышишь? Бизнес энд ту газл!

Врун Никишка для того и был нанят автомобильным, чтобы держать обе хозяйские машины в порядке и сопровождать хозяина в поездках, а отнюдь не для того, чтобы совращать дочку подвального.

Выполняя свои обязанности, он два дня спустя отправился за товаром – картофелем, морковкой, помидорами заковыристых сортов из теплицы, свеженькой зеленью.

Но ждали его в деревне сплошные неприятности.

Он подозревал, что обманутый Тришка бродит где-то поблизости, и лишний раз из багажника не высовывался, но ждала его крепкая разборка не с Тришкой, а с Елпидифором Паисьевичем.

А когда пришли к соглашению, когда до отъезда оставалось несколько минут, а хозяин зашел еще за чем-то в дом, машина сама собой тронулась.

– Эй! Эй! – завопил Никишка, карабкаясь из багажника в салон, где ради ящиков были убраны задние сиденья. – Эй!

Он знал, что такое ручник, и хотел, повиснув на нем, остановить машину. Однако был схвачен невесть откуда взявшимся Тришкой.

– Я те дам останавливать! – Тришка облапил врага и заорал: – Форвардс, Олд Расти, форвардс!

– О'кей! – откликнулся откуда-то из мотора гремлин.

Едва не снеся ворота, машина вылетела на шоссе. Тришка бросился на руль, повис, карабкаясь по баранке, как обезьяна, и заставляя ее поворачиваться. Машина сделала размашистый разворот и понеслась прямиком к городу.

– Форвардс, Олд Расти! – вопил Тришка, лягая Никишку изо всех сил.

– Да что ты, умом тронулся?! – взвыл Никишка, наконец схлопотав пяткой по зубам. – Слыханное ли дело – хозяйскую машину угонять?!

– Слыханное, слыханное... – Тришка соскочил на переднее сиденье. – Ну, теперь только прямо да прямо, это я помню. И попробуй пикни! Я ведь тут не один. У меня в моторе знаешь сколько народу сидит?

– В моторе?!

– Ага. Олд Расти, хау а ю?

– Сплендид! – отозвался гремлин.

– Слышал?

– Ага... – потерянно произнес Никишка. – Ну, будет мне...

– Сам виноват, – резонно заметил Тришка. – А теперь давай корми меня. Я из-за тебя мешок с провизией утратил? Утратил! Пошли, я знаю, где ты свои припасы прячешь.

Он столкнул Никишку на пол и сам прыгнул следом. Но в щели между стенкой и ящиком оказался не только спичечный коробок с дневным пайком. Там еще лежал сильно недовольный путешествием еж...

– Это что еще такое? – грозно спросил Тришка.

– Что-что! Обратно везти велели! – плаксиво отвечал Никишка. – Его здешнему лешему показали, леший говорит: не мой, да и порченый, везите откуда взяли! А лешего ослушаться – раскаешься! Елпидифор Паисьич с ребятами его обратно сюда загнали... А я что?.. Разве это мой еж?.. А они не слушают!..

– Ну и куда повезешь?

– В лес велели!

– Ну, вези! – дозволил Тришка. – Как мы до места доедем – так и вези.

– Да как же я?! – взвыл Никишка.

– А как знаешь. Не моя печаль.

И точно: это лишь домовихам положено святую жалость проявлять, а домовой при нужде может быть очень даже безжалостным. Поэтому Тришка пригрозил врагу, что в случае нытья не ежа, а его самого выкинет на обочине – и иди потом братайся с лешим!

Конечно, можно было остановить машину и наконец избавиться от ежа – но Тришка не хотел сбивать гремлина с настроения. В кои-то веки бездельник пустил в ход знания – а в технике он разбирался лучше

всякого шофера и наловчился так ее портить, что никакой автосервис концов сыскать не мог.

Поэтому он хмуро молчал, держа на физиономии очень нехорошее выражение, чтобы Никишка с глупостями не лез.

А потом на помощь пришел гремлин – попросил сесть на руль, потому что скоро, похоже, начнутся повороты. Уж как он догадался, Тришка не понял, да и понимать не желал. Однако Олд Расти оказался прав: машина въехала в город. Тут уж обстановка была такова, что домовой за рулем просто бы не управился.

– Стоп, Олд Расти, стоп, стоп! – закричал Тришка. – Летс гоу он фут! Пока в какой-нибудь «мерс» не впилились!

До Тришкиного дома было, может, еще очень даже далеко. Но машина уже шла по городской улице, вокруг стояли дома, в них жили домовые – значит, было у кого спросить дорогу.

Машина встала, Тришка выкатился из багажника и понесся к капоту, откуда должен был выскочить Олд Расти.

– Трифон Орентьевич! Не погуби! – раздалось вслед.

– Ничего с тобой не сделается! – бросил через плечо Тришка. И добавил глумливо: – Вопишь, как баба, а еще жениться собрался! Тоже мне жених!

– Хай! – крикнул, выпрыгивая на асфальт, гремлин.

– Хай! – весело отвечал Тришка. – Фоллоу ми! Форвардс!

Проблукав сколько положено, потыкав бумажку с адресом в нос пяти домовым, двум чердачным, четверым подвальным и незнамо скольким автомобильным, Тришка довел-таки гремлина до своего дома. Тут и призадумался.

Показывать Олд Расти старикам было опасно. Его иностранный вид и неумение говорить внятно могли сослужить дурную службу: старики поперли бы находку прочь со двора. Поэтому Тришка вразумил гремлина посидеть до темноты в дыре кирпичной стенки, что огораживала мусорные контейнеры. Сам же пошел докладывать о возвращении.

Прямо у контейнеров он же и снарядился – открыл железный патрончик, запустил туда маленького, но очень шустрого таракана, все это увязал в тряпицу и закинул узелок за спину, приобретя вид странника, несущего ценную добычу.

Он осознавал, что умение врать – не лучшее из всех возможных приобретений, но иного выхода не было: не возвращаться же гремлину обратно в деревню, где запас жалости Анисьи Гордеевны был исчерпан навсегда, и не помирать же ему голодной смертью.

Дедушка Мартын Фомич молча кинулся обнимать и целовать внука.

– Ну, как? – наконец дрожащим голоском спросил он.

– Ну, принес. Вот он. Гляди, не открывай. Мне старые домовые с наговором дали: пока не заглядываешь, Молчок там сидит, заглянешь – а его уже и нет.

– Ишь ты! – восхитился дед. – А каков он из себя?

– Мне не показали.

Видя дедово огорчение, Тришка добавил:

– Но я уж исхитрился, краем глаза глянул.

– Ну и как?

– Да показалось, вроде таракана.

Все-таки хоть какую-то правду он в это дело вплел...

Дел усадил внука обедать, сам поспешил с радостной новостью к соседям. И в квартиру потянулись гости. Всем Тришка давал послушать, как шебуршит в патрончике мнимый Молчок. А потом объявил, что велено ему-де подсаживать Молчка в полном одиночестве, чтобы никто наговора не подслушал. А то Молчок не сработает.

Ни у кого, впрочем, и не было особого желания лазить в «Марокко».

Дождавшись рассвета, когда последний пьяный гость убрался и обслуга тоже разбрелась, Тришка и Олд Расти пошли на дело.

– Фоллоу ми, – велел Тришка. – Кип сайленс!

– Йес, сэр! – отвечал Молчок.

Они через вентиляционную трубу выбрались в туалет ночного клуба, оттуда проникли в коридор, из коридора – в опустевший зал, причем Тришка всю дорогу повторял как заклинание «фоллоу ми», а гремлин шепотом соглашался.

– Хиэ ю а! – Тришка показал на большую алюминиевую пирамиду, главный источник воплей и грохота. – Гуд машина! Вот – как и было обещано!

И добавил по-русски:

– Будет тебе чего портить! Надолго станет!

– Оу! Й-е-е-е-ес-с-с-с!!! – воскликнул Олд Расти, кинулся к пирамиде, нашел какую-то незримую для Тришкиного взгляда щель и – фюить! – только его и видели.

Тришка усмехнулся да и пошел прочь.

Тем и кончился кратковременный триумф ночного клуба «Марокко». Никакие специалисты не могли управиться со взбунтовавшейся техникой. Хитрый гремлин приноровился прятаться по закоулкам. Онемевшую аппаратуру увозили, новую привозили – тут он и внедрялся.

Тришка бегал к нему в гости, кормил, совершенствовал свой англий-

ский. Кроме того, он уговорился с домовой бабушкой Неонилой Терентьевной, и она раззвонила по окрестным дворам, что есть-де знающий домовой Трифон Орентьевич, коли где от техники шумно, может Молчка подсадить. Поэтому, когда клуб закрыли, гремлина ожидало другое рабочее место. Безместным не остался!

А к Тришке повадились свахи. И спасу от них нет! Женись да женись! Оно и понятно: всякому хочется заполучить зятя, который умеет Молчка подсаживать. Зять при бизнесе – это основательно.

Через свах Тришка осторожно пытался выяснить судьбу вруна Никишки. Узнал странные вещи: призрак-де в городе завелся. По ночам-де является на улицах, гоня перед собой ежа, и у всех спрашивает, как бы к лесу выйти. Коли молча пробежишь мимо – то и спасся. А коли вздумаешь отвечать – еж разинет пышущую жаром пасть, и тебя более не станет.

Так-то...

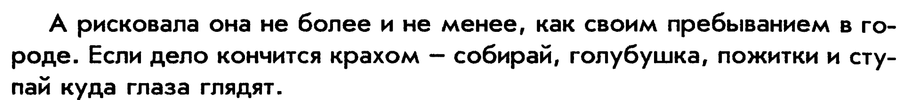
Пустоброд

Сваху Неонилу Игнатьевну принимали достойно: угощение выставили с хозяйского стола. По негласному и очень древнему уговору домовые для таких случаев могли пользоваться хозяйской провизией. Сам домовой дедушка, и впрямь приходившийся невесте дедушкой, Матвей Некрасович, за круглым столом из красивой заморской банки посидел недолго, сам ушел и сына, Гаврилу Матвеевича, увел. Все эти заботы о приданом – бабье дело.

Однако еще накануне, перед приходом свахи, наказал невестке Степаниде непременно посетить местожительство жениха и убедиться, что любимица Маланья Гавриловна будет там как сыр в масле кататься.

Неонила же Игнатьевна заварила такую кашу, что и сама уж была не рада. Она поспорила с другими свахами, что уж ей-то удастся оженить одного из наилучших в городе молодцов, Трифона Орентьевича. А он вступать в супружество что-то не больно желал, да еще его дед от нашествия свах крепко зазнался, одних гонял, других привечал и вообще потерял последнюю совесть.

Заклад был хороший, можно сказать, знаменитый заклад: соперницы-свахи поставили на кон восемнадцать наилучших городских кварталов вместе с обитавшими там невестами и женихами. Выиграй Неонила Игнатьевна – и все эти богатые дома будут ей принадлежать отныне и до веку, век же у домовых долгий, вчетверо, а то и поболее, против человечьего.

А рисковала она не более и не менее, как своим пребыванием в городе. Если дело кончится крахом – собирай, голубушка, пожитки и ступай куда глаза глядят.

Было над чем поломать голову...

Уже и безместный домовой – печальное зрелище. Он, конечно, может приткнуться и к кому попало, но большинство людей настроено против загадочного подселенца, будут травить и выживать. Того, что домовой принесет удачу и поможет в хозяйстве, они не разумеют. А безместная домовиха, при том, что среди домовых именно по части женского пола недостаток, – совсем уж жалкая картина. Уважения к ней никакого – это до чего же нужно дожиться бабе, чтобы в безместные попасть? Уходить из города, в котором почитай что вся жизнь прошла, скитаться по проселочным дорогам, по заброшенным деревням с заколоченными домами, побираться у автозаправок – тьфу!

Так что погорячилась Неонила Игнатьевна – и теперь сильно беспокоилась о своем дельце. С одной стороны, дед Трифона Орентьевича не говорил ни да, ни нет, а самого жениха она только раза два и сумела сманить с книжных полок, где он пропадал денно и нощно. С другой – Степанида Ермиловна, наученная Матвеем Некрасовичем, а может, и свахами-соперницами, говорила кислым голоском и хвалилась, что-де дочка у нее нарасхват и охота отдать замуж поскорее, потому что тогда можно женить сынка, Лукьяна Гаврилыча.

К решающей встрече Неонила Игнатьевна приготовилась так, что лучше не бывает. И заговоры на удачу прочитала, и заветную ладанку надела, вот только отворить дверь ногой не удалось: не дверь там была, а молния.

Семейству Матвея Некрасовича хозяевами была предоставлена большая дорожная сумка в кладовой, ровесница хозяина, не иначе, с двумя широкими боковыми карманами, которые занимали дети, Маланья и Лукьян. Внутри Степанида Ермиловна обустроилась так, что любо-дорого посмотреть. Да еще к приходу свахи порядок навела. Хозяйская квартира тоже блестела-сверкала: домовиха умела подсказать хозяйке, когда отложить все дела и взяться за уборку, и сама на зубок пробовала все новомодные чистящие средства. Не стыдно было, набивая цену невесте, хоть дюжине свах показать!

То ли заговоры, то ли ладанка – что-то сработало. Старшие, покряхтев, сообщили, что они не против, и тогда Неонила Игнатьевна спросила девицу Маланью Гавриловну. Маланья Гавриловна отвечала, что из родительской воли не выйдет, а только хочет сперва вместе с матерью поглядеть, где ей жить придется.

Тут Неонила Игнатьевна и ахнула беззвучно.

Такого подвоха она не ожидала.

Конечно, у Трифона Орентьевича с хозяйством все в порядке. И можно в любой час гостям его показывать. Но как привести туда двух домових, когда жених еще своего согласия не давал? Это же что получится? Это же получится разборка с криком и визгом!

А визжать домовихи умеют. Этому искусству они с малолетства обучаются. А если допустить, что соперницы следят теперь за каждым шагом Неонилы Игнатьевны, то тут же кто-нибудь и объявится с любопытной рожей и наставленным ухом.

Пообещав, что вот этой же ночью и будет показан женихов дом, Неонила Игнатьевна убралась с миром, но далеко не ушла: тут же, в межэтажных перекрытиях, села и задумалась.

Думала она долго – и так, и сяк, и наперекосяк, а выходило одно – скандал.

Там, в перекрытиях, ее и обнаружил безместный домовой Аникей Киприянович.

Внизу, под лестницей, за батареей парового отопления был угол, куда нога человека не ступала, поди, лет сорок. И у самого пола на стене висели объявления: вон домовой дедушка из сорок пятой квартиры банного искал, сорок пятая была изумительно велика, и хозяин додумался установить там сауну. Или вон в семнадцатую квартиру подручный требовался... Аникей Киприянович лишился хорошего хозяина, уехавшего из этого самого дома за границу, с новым не поладил, но дома покидать не стал – знал, что рано или поздно он кому-нибудь пригодится, жил под самой крышей, кормился доброхотством соседей, а занимался исключительно объявлениями: то в ближних домах развешивал, то здешние проверял, то ходил знакомиться.

– Ты что же это, кумушка? – изумился он. – Да этак об тебя споткнешься и ноги переломаешь!

– Ахти мне! – отвечала домовиха. – Ввязалась я сдуру в это дельце, а теперь вижу, что и костей не соберу!

Аникей Киприянович сваху знал – и знал ее склонность к рискованным затеям.

– Кого с кем на сей раз сосватала, кума? Давай, винись!

Это он имел в виду давнее дельце: прослышала Неонила Игнатьевна, что на окраине-де семейство деревенских домовых обосновалось, а у них на выданье Ульянка. И, не спросясь броду, да бух в воду. Поспешила, полетела предлагать девице Ульянке в женихи Сидора Кузьмича. А как охнула Ульянкина мать, да как взрычал Ульянкин батя, да как вышел к старшим дородный добрый молодец Ульян Панкратьевич

– так и вылетела пулей, и неслась наскипидаренным котом среди бела дня по улице!

– Ох, Аникеюшка...

– Ну, ну?

– Ох, Аникеюшка!..

Долго бился безместный домовой, пока вытянул из свахи правду. А как вытянул – поскреб в затылке.

– Хочешь, кума, я тебя научу?

Неонила Игнатьевна уставилась на него с невыразимой надеждой.

– Но с условием, – продолжал Аникей Киприянович. – Я тебе извернуться помогу, а ты мне место хорошее приищи.

– Да слыханное ли дело, чтобы сваха место искала? – удивилась домовиха.

– А коли неслыханное, так тоскуй дальше, я пошел.

Словом, сговорились.

Первым делом поспешили эти заговорщики к дому, где жил Трифон Орентьевич с дедом.

По дороге сваха обстоятельно расписала помощнику, в которой квартире кто из домовых прописался. Эти квартиры им были без надобности – а следовало очень быстро изучить другие, еще домовыми не освоенные. И желательно на том же этаже, лучше всего через стенку от Трифона Орентьевича.

Такая квартира сыскалась. Забравшись туда, Неонила Игнатьевна и Аникей Киприянович прямо онемели. Судя по всему, здешний хозяин зарабатывал бешеные деньги. На стенках пустого места не было – ковры, да картины, да всякие диковины, да горка с фарфором и хрусталем, да шторы оконные чуть ли не из церковной парчи!

– Ну, вот сюда и приведешь, – решил Аникей Киприянович. – Давай, разглядывай, что тут и как, а то опростоволосишься.

– А потом?

– А потом девка будет уже замужем, – резонно отвечал советчик. И то верно: развода у домовых нет.

В назначенную ночь сваха повела невесту с ее матерью смотреть новое местожительство. Вела с трепетом: накануне она опять уламывала Трифона Орентьевича, пока он не сбежал в книжки, а дедушка Мартын Фомич на сей раз был помягче и даже изъявил желание ознакомиться с росписью приданого. Если бы он случайно наткнулся в своем доме на Степаниду Ермиловну и Маланью Гавриловну, если бы понял, что сваха плетет козни, – хрупкое согласие разлетелось бы в мелкие ошметочки.

Шли межэтажными перекрытиями, а сзади на всякий случай крался Аникей Киприянович – мало ли что...

И прав оказался безместный домовой: его помощь таки потребовалась.

На самых подступах к богатому жилью сваха услышала шаги и замерла. Не могло ж такого быть, чтобы они вдвоем не учуяли в той квартире присутствия домового! И тем не менее тот, кто брел навстречу, был именно домовой.

– Кто это? – прошептала Степанида Ермиловна. – Уж не вор ли?

Воровство среди домовых встречается крайне редко, однако бывают недоразумения. Решают их сходкой, и виновник торжества, если только он виновник, получает по первое число – могут и ухо откусить. Не сгоряча или со зла, а чтобы все видели, с кем имеют дело.

– Ахти мне! – шепотом же отвечала сваха. – Нишкни, кума, сейчас увидим...

Три домовихи прижались друг к дружке, готовые разразиться бешеным визгом.

Тот, кто вышел им навстречу, вид имел до крайности унылый и жалкий. Так обыкновенно выглядит безместный домовой, пришедший в город издалека, оголодавший, нечесаный и еле волочащий ноги. Сходство усугублялось палкой, о которую он опирался, и не палкой даже, а целым посохом. Да еще тощим узелком за спиной.

Увидев домових, этот странник вздохнул, покачал головой и еще раз вздохнул, хотя полагалось бы какое-никакое приветственное словцо молвить. А тут и Аникей Киприянович подоспел.

– Ты кто таков? – строго спросил безместный домовой бродячего домового.

– Твое какое дело? – уныло огрызнулся тот. – Брожу вот, места себе ищу, да повымерли людишки, все повымерли...

– Как это – людишки повымерли? – чуть ли не хором спросили сваха и ее помощник.

– А кто их разберет? Куда ни глянешь – нет хозяев, дома пустые стоят, в квартирах – один сор, а раньше-то и столы, и стулья, и кровати водились! Куда ни пойду – всюду одно, так и странствую... И вы ступайте, ничего более в мире хорошего нет...

– В своем ли ты уме, дядя? – удивился Аникей Киприянович.

– В своем, в своем! – обнадежил странник. – Вот за версту слышно было, тут квартира знатная (он мотнул башкой, показывая себе за спину, и сваха с ужасом поняла, о которой квартире речь). Сунулся туда, думал, с хозяином полажу. Какое! Ни тебе хозяина, ни обстановки! Словно перед моим приходом все вынесли!

– А... а жених?.. – спросила изумленная Степанида Ермиловна.

– И с женихом вместе.

– Ахти мне... – прошептала потрясенная сваха и села, потому что ноги больше не держали.

– Ты ври, да не завирайся! – прикрикнул Аникей Киприянович. – Я сам здешний домовой дедушка, знаю, кто приехал, кто уехал! Вон домовихи пришли женихово жилье смотреть, а ты их пугаешь!

– Кабы врал... – тоскливо произнес странник. – Не домовой ты дедушка, а самозванец. Не знаешь, кто в доме живет, а кто съехал. Пусти, побреду далее...

– А ну, пошли вместе! – закричал Аникей Киприянович. – Хочу своими глазами увидеть, как это в богатой квартире вдруг все пропало! Она хоть и не моя, хоть пока и без домового, а твердо знаю: никто оттуда не съезжал! А вы, красавицы, погодите тут.

И поспешил по перекрытиям к вентиляции, а странник, в очередной раз вздохнув, поплелся за ним. И в знатную квартиру они заглянули одновременно.

– Что за притча! – воскликнул безместный домовой.

– Пойдем, я тебе другие комнаты покажу, всюду одно и то же, – предложил странник.

И точно: квартира была пуста, один сор на полу.

– Как же оно стряслось? – сам себя спросил потрясенный Аникей Киприянович. – Не собирались же отсюда съезжать!

– Не собирались, а съехали. И давно. Гляди, и паук вон сдох.

– Как – давно? Что ты врешь? Двух дней не прошло, как я сюда заглядывал!

– Каких тебе двух дней? Тут уж долгие годы никто не живет! А сказывали, квартира богатая, добра много! Врут! Неладное с этим городом творится! Я отсюда прочь пойду, да и ты уходи.

Странник подумал и значительно добавил:

– Пока жив.

– Тьфу на тебя... – совсем растерявшись, сказал Аникей Киприянович. И вслед за тяжко вздыхающим странником побрел к вентиляции.

То, что случилось, никак у него в голове не укладывалось. Сам же видел!

– Сам же видел... – пробормотал он.

– А трогал? – осведомился странник.

– Не-е...

– Трогать надо. Это тебе отвод глаз был – будто тут богатое житье.

– Кто ж его, отвод глаз, сделал?

– А ты не понял?

– Не-е... – Аникей Киприянович совсем присмирел.

– А кикимора.

– Кто, кикимора? Они ж на деревне!

– В город, видать, подались. Глаза отвести – это они мастерицы. Кроме кикиморы – некому...

Когда домовихи увидели унылую рожу странника и растерянную – Аникея Киприяновича, сваха тоненько взвизгнула «ой!».

– Вот те и ой, – буркнул безместный домовой. – Убираться отсюда надобно. Кикимора завелась, и...

Увидев приоткрывшиеся рты, он решительно заткнул уши и правильно сделал: домовихи так завизжали в три глотки, что весь дом вздрогнул.

А потом пустились наутек.

Ни о каком осмотре жилья уже не было и речи.

Вражда между кикиморами и домовыми не то чтобы совсем из области преданий, но, скажем так, имеет исторические корни.

Домовые сжились с людьми, называют их хозяевами, блюдут их интересы. Кикиморы же, наоборот, вредят. Все они – старые девки, никому не нужные, и коли одной из десятка посчастливилось, набредя в лесу на холостого и не шибко умного лешего, стать лешачихой, то прочие девять, маясь своим девическим состоянием, копят злобу и пакостят, где только могут. Особенно от них достается молодым хозяйкам: раньше пряжу путали, ткацкий стан разлаживали, молоко заставляли киснуть буквально на глазах, а также метили домашний скот, выстригая шерсть на боках. Иная вредная кикимора могла и девичью косу серпом отхватить, за что изгонялась знающим человеком в лес, на сухую осину, там и висела лет по десять и более, до полного отощания, скуля и воя на ужас всему лесному населению.

Теперь, когда бабы не прядут, не ткут, коров не доят, скота не держат, кикиморы заскучали. Устроят себе жилище в печной трубе и хнычут там целыми ночами. Задобрить их сложно: им бы мужика справного, а где его взять? Домовые этих красавиц, понятное дело, гоняют, и даже успешно гоняют. Но попадется кикимора поумнее – может и домового из дому выжить вместе с хозяином...

А главное, искать в их поступках хоть какую-то логику – безнадежное дело.

Вот поэтому ни Аникей Киприянович, ни Неонила Игнатьевна, ни невестина мать с невестой даже не задумались, какой прок кикиморе в этом отводе глаз. Шкодит – и точка.

И Неонила Игнатьевна даже вздохнула с облегчением: свахи-соперницы, узнав про вмешательство кикиморы, наверняка отнесутся к делу с пониманием и отменят битье об заклад. Даже с определенной бабьей радостью отменят: все они обломали зубы об Трифона Орентьевича с его дедом, так что проказы кикиморы были бы неплохим наказанием для несговорчивого жениха! И даже слушок пустить можно — что жених-де уже кикиморой попорченный! Недоглядел дед — а они и того!

А вот Маланья Гавриловна, которую мать чуть ли не в охапке вытащила из заколдованного дома, призадумалась.

Она была девицей на выданье, а ничего домовихе так не хочется, как замуж. Опять же, девок у домовых мало, выбор женихов препорядочный, за кого попало девку не отдадут, и Малаша уже настроилась на лучшего в городе жениха.

Она еще не любила его — должна была полюбить при встрече. Однако уже видела в нем мужа. И то, что Трифон Орентьевич попал в беду, ее огорчило.

Пока сваха со Степанидой Ермиловной ахали, охали, причитали да клялись, что ноги их в этом доме больше не будет, а Аникей Киприянович благоразумно смылся, Малаша тихонько подошла к страннику. Тому, видать, было все равно, куда направить стопы, раз он без всякого движения стоял неподалеку от галдящих домових.

— А что, дедушка, — почтительно обратилась она, — кикимора только глаза домовым отводит или чего похуже может натворить?

— Домовым? — уточнил унылый странник.

— Домовым.

— А не ведаю. Сейчас нам вот глаза отвела, а потом, может, дымоход заткнет, с нее станется.

Даже не задумавшись, откуда бы в доме с центральным отоплением взяться дымоходу, юная домовиха продолжала расспросы:

— Что же этот Мартын Фомич от кикиморы-то избавиться не может? Ведь к ним ни одна невеста не пойдет, коли там кикимора угнездилась.

— А кто его разберет...

— А ты не слыхал ли, дедушка, как ее извести? Может, наговор прочитать надо? Или можжевеловым дымом покурить?

— Почем я знаю!

Малаша задумалась.

— Послушай, дедушка! А какая она из себя? Большая, маленькая?

Странник поскреб в затылке.

— Разные, поди, бывают, — уклончиво отвечал он. — Я вот одну ви-

дывал – так с тебя ростом, пожалуй, была. Такая неприбранная, простоволосая.

– С меня? – И тут Малашенька, невольно поправив на голове платочек, крепко задумалась.

О том, что все кикиморы – старые девки, она знала. Так не пакостит ли здешняя, чтобы хорошую невесту от Трифона Орентьевича отвадить да самой за него замуж пойти?

– А лицом какова?

– Уймись, девка. Я на ее рожу не смотрел, – уже не очень вежливо отвечал странник.

И Малаша поняла, что кикимора, возможно, даже попригляднее домовихи будет. А что старая девка – так это потому, что их много развелось.

О том, кто и для чего рожает кикимор в таком количестве, вмиг ставшая ревнивицей Малаша тоже не задумалась.

Она вспомнила, как нахваливала жениха Неонила Игнатьевна, и увидела его перед собой как живого – красавчика писаного, собой крепенького и нравом приятного.

Такого жениха нельзя было уступать приблудной кикиморе! Он, бедненький, поди, и не понимает, кто вокруг него петли вьет!

То, что пришло Малаше на ум, было для домовихи отчаянной смелостью. Она вдруг решила отыскать жениха и открыть ему глаза на разлучницу. И пусть этот Трифон Орентьевич после попробует на ней не жениться!

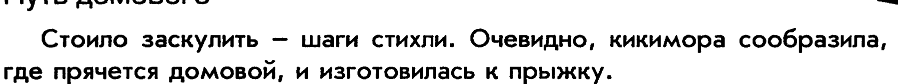
Время было ночное, однако совсем немного оставалось до рассвета. Понимая, что мать вот-вот возьмет ее за руку и поведет из женихова дома прочь, Малаша бочком-бочком, да в щелку, да подвалом, да в неизвестно куда ведущую трубу – так и скрылась.

И не услышала, как сваха с матерью заголосили наперебой:

– Ахти мне! Кикимора невесту унесла!

Аникей Киприянович хотел немного отсидеться в подвале, а потом уж пробираться в тот дом, где имел местожительство на чердаке. Он порядком испугался кикимориных шкод и затаился тихо, как мышка. Так бы и сидел, думая о своем, но вдруг услышал легкие бабьи шаги.

Аникей Киприянович стал отступать, но шаги его преследовали и по межэтажным перекрытиям, и по вентиляционной шахте. Это оказалось настолько страшно, что он тихонечко заскулил. Злая и голодная кикимора шла по его следу – а ростом эти твари бывают даже с человека, так ему рассказывала давным-давно бабушка. Схрумкает – и не подавится!

Стоило заскулить – шаги стихли. Очевидно, кикимора сообразила, где прячется домовой, и изготовилась к прыжку.

– Ты меня не тронь! – негромко, но по возможности внушительно предупредил домовой. – Я вот наговор скажу – и тебя отсюда ветром вынесет!

Никакого наговора он, понятное дело, не знал.

– А ты не грозись, тетенька! – отвечал дрожащий девичий голосок. – Я тебе за жениха глазенки-то повыцарапаю! Ишь, ловкая нашлась – чужих женихов отбивать!

– Какая я тебе тетенька?!

Тут воцарилось молчание. Оба собеседника боялись пошевелиться.

– Это ты, Аникей Киприянович, что ли? – первой догадалась Малаша.

– Маланья Гавриловна?

Они поспешили друг к дружке.

– Как же ты, Аникей Киприянович, не заметил, что к тебе в дом кикимора забралась? – укоризненно спросила Малаша. – Она, поди, на моего жениха глаз положила и всех, кто свататься затеет, будет пугать.

Тут только безместный домовой вспомнил, что корчил из себя одного из здешних домовых дедушек.

– Так она же след путать умеет, – выкрутился он. – И может голодная хоть полгода, хоть год сидеть.

– Так что же – она тут у тебя уже год сидит? Так за год же она с моим женихом спутаться могла! – закричала Малаша. – А дуре свахе и невдомек!

– Тихо ты, девка! – прикрикнул Аникей Киприянович. – Откуда я знаю, что у кикиморы на уме? Коли она уже старая, ей, может, жениxов дед, Мартын Фомич, полюбился?

– Пошли разбираться, – решительно сказала Малаша. – Вдвоем не так страшно.

Тут и выяснилось, что домовиха прекрасно запомнила дорогу в богатую квартиру, которая внезапно оказалась самой что ни на есть разоренной.

– Трифон Орентьевич! – позвала Малаша и выглянула из вентиляции.

Зарешеченная дырка выходила на кухню, и сперва Малаша, а за ней и Аникей Киприянович увидели: вся мебель на месте и даже оконные занавесочки сверкают белизной.

Они спустились так, как умеют спускаться по стенам только домовые, используя вместо ступеньки любую трещинку и даже завиток узора на обоях.

– Что за диво! Все как было! И ковер вон! И ваза! – приговаривал Аникей Киприянович, ступая по паркету из натурального дуба.

– Ты их позови, – велела Малаша. – Сперва Мартына Фомича, а потом Трифона Орентьевича.

Безместный домовой прекрасно знал, что никто ему не отзовется, но исправно голосил, пока не стало ясно: хозяева в отсутствии.

– А не похитила ли их кикимора? – предположила Малаша.

– Для чего бы? – удивился было Аникей Киприянович, но вдруг вспомнил всю суету со сватовством, вспомнил Неонилу Игнатьевну и решил, что лучшего способа помочь ей просто на свете нет. – А что? Очень даже может быть! Я слыхивал, что кикимора со злости и выкрасть домового может.

– А потом?

– Потом мучает. Щиплет, теребит, шерсть ему дерет, – страшным голосом врал Аникей Киприянович.

– Ахти мне! Так спасать же надобно!

– Уже не спасешь. Пойдем-ка лучше, мать твою отыщем со свахой да всех предупредим, что в доме кикимора шалит.

Аникей Киприянович рассчитал разумно: чем больше тумана теперь напустить вокруг этого сватовства, тем больше надежды, что свахи-соперницы расторгнут договор и Неонила Игнатьевна не пострадает. А если свахи испугаются и какое-то время не станут сюда более соваться, глядишь, разборчивый жених и одумается. Тут-то Неонила Игнатьевна его и сцапает!

Он только не мог понять, что же происходит на самом деле в этой странной квартире. Если кикимора – чего она тут забыла? Ведь коли она принялась бы отводить глаза здешним хозяевам – они бы давно съехали. А вот живут же, из спальни хозяйский храп доносится, в детской тоже кто-то сопит...

Выведя утирающую слезки Малашу, сдав ее с рук на руки перепуганной матери, Аникей Киприянович тихонько дернул Неонилу Игнатьевну.

– Доведешь их до дому – и жди меня под лестницей, – приказал беззвучно, однако внушительно.

Сам он хотел подождать, пока домовихи отойдут подалее, и тогда уж пуститься в дорогу. Кроме того, что следовало оправдывать свое вранье, домовой просто не хотел слушать бабьи причитания. Иная домовиха так расхнычется, что хуже всякой кикиморы...

Он неторопливо двинулся вдоль стенки, соображая, с кем бы из стариков посоветоваться о странном деле. И споткнулся о вытянутые ноги.

Привалившись к стене и закрыв глаза, сидел странник и тяжко дышал.

– Да ты, никак, помираешь?! – схватился Аникей Киприянович и уложил страдальца плашмя.

– Тяжко... – прошептал странник. – Пусто... Никого не вижу...

– А слышишь?

– Слышу...

– Ты продержись немного! Сейчас я позову кого-нибудь, в тепло тебя отнесем, вылечим! – пообещал Аникей Киприянович и понесся через асфальтовую дорожку и газон в магазин-стекляшку, где вполне мог жить кто-то из своих. Магазин – такое место, где простые женщины работают, которые еще понимают необходимость домовых и угадывают их присутствие, там и еды на тарелке в углу оставят, и по праздникам – рюмочку...

Магазинный домовой был ему незнаком. Обнаружил его Аникей Киприянович занятого делом – дохлую мышь на двор выволакивал.

– Развелись, спасу нет! – пожаловался магазинный. – Их ядом травят, а яд неправильный попался, они от него только толстеют.

– А эта от обжорства, что ли, померла?

– А эта в ловушку попала. Я на них ловушки ставлю там, где не видно.

Аникей Киприянович растолковал, что на дворе, у стенки, того гляди, покойник образуется.

– Может, его просто-напросто покормить следует? – предположил весьма упитанный и кругломордый магазинный. – Сейчас ко мне заведем, у меня тут всякого добра – прорва!

Подхватив странника с двух сторон, они через щель, образовавшуюся между квадратными бетонными блоками, дорожкой выложенными вокруг магазина, и магазинной стеной, втащили его на склад.

– Ну, выбирай чего душеньке угодно! – щедро распорядился магазинный.

– А чего выбирать? Пустота одна... – прошептал странник. – Стенки голые, пыль на полах... одни запахи остались...

– Какие еще голые стенки? – Магазинный обвел взглядом свое хозяйство и вдруг дико заорал:

– Обокрали!!!

Впоследствии, вспоминая эту диковинную историю, Аникей Киприянович очень удачно изображал в лицах, как вопил магазинный и как сам он, увидев взамен ящиков и стеллажей с товаром полнейшую пустоту, тряс башкой и протирал глаза. А с особым удовольствием и успехом – что было потом.

– Бежать, бежать скорее, искать воров, ловить, схватить! – голосил

магазинный. – Может, еще недалеко утащили! Телефон у заведующей! В милицию звонить!

Подвал был длинный, в конце имелась дверь – очевидно, открытая, потому что именно к ней понесся магазинный, и вдруг его что-то отбросило. Башка его мотнулась, он шлепнулся на мохнатый зад и схватился рукой за лоб.

Аникей Киприянович поспешил на помощь.

– Тут кто-то есть, – заплетающимся языком сообщил магазинный. – К двери меня не пускает. Ступай ты, может, тебя пропустит...

– Ага, и меня по лбу благословит! – огрызнулся Аникей Киприянович и стал мелкими шажками продвигаться к двери, и не просто так, а в стойке кулачного бойца – левым боком вперед, левая согнутая прикрывает грудь, правая готова сверху нанести крутой и стремительный удар, при удаче стесывающий вражий нос вровень со щеками.

Именно потому, что он двигался медленно, то и не пострадал, а уперся плечом в нечто плотное, хотя и незримое. Тут только до него дошло, что в дело опять вмешалась кикимора и отвела всем глаза. Ощупав незримое, он установил, что это край железного стеллажа, на котором стоят пакеты и банки.

– Эй! Ты того... не волнуйся! Ничего не украдено! – сообщил Аникей Киприянович магазинному. – Это нам кикимора глаза отвела...

Сказал он это – и задумался.

Выходит, кикимора за незваными гостями следом поплелась?

И на кой ей это все нужно?

– Отродясь у меня тут кикимор не бывало, – обиженно отозвался магазинный. – Я за порядком круто слежу! Кабы завелась бы – я бы всех на помощь позвал, а ее выставил!

– Кого это – всех?

– А тут у нас общество, – сообщил магазинный. – В соседних домах довольно много домовых завелось, мы на чердаке собираемся, это зовется сходка. Кикимора никому не нужна, мы бы ее всем миром выперли!

Аникей Киприянович знал, что у домовых нет такой привычки – что-то делать всем миром. Впрочем, кикимора – такой подарок, что ради нее, пожалуй, и самые сварливые домовые дедушки объединят усилия.

– Иди к старшим, собирай сходку, – сказал Аникей Киприянович. – А пока хоть на ощупь нужно чего-то сыскать и найденыша покормить, чтоб не помер. Где тут у тебя ну хоть печенье в пакетах?

Растирая правой лапой пострадавший лоб, а левой ведя вдоль края стеллажа, магазинный пошел искать печенье.

– Морок это, – вдруг сообщил странник. – Нет тут печенья и не будет.

– Точно, нет печенья... – удивленно подтвердил магазинный. – Это что же делается?!

Аникей Киприянович опустился рядом с найденышем на корточки и крепко встряхнул его за плечи.

– Будешь под лапу говорить – пасть порву, – тихо, но увесисто пообещал он. – Ишь, разболтался, покойник!

– Ты меня не трожь... – прошипел тот. – Меня обижать не велено...

– Кем это не велено?

– А не помню, – основательно подумав, произнес странник, и по роже было видно: прекрасно помнит, но скрытничает.

– Ну, ладно... – Аникей Киприянович выпрямился. – Ну-ка, брат магазинный, помоги мне найденыша обратно на двор вытащить! Обижать его не велено! Ну так и кормить тоже не велено!

– Погоди... – Магазинный обшаривал полки. – Тут у меня шпроты, тут сардины...

– Потом банки сочтешь. Бери его слева, а я справа.

Через ту же щель они выволокли странника и уложили на травку.

– Пусто, сыро... – пробормотал тот.

– На кой хрен ты с ним связался? – безнадежно спросил магазинный. Но Аникей Киприянович, не отвечая, полез обратно в щель.

Как он и думал, магазинный склад был виден во всех подробностях.

– Ступай сюда! – крикнул он. – И гляди внимательно, все ли на месте!

Магазинный ворвался на склад и ахнул.

– Как это у т-т-тебя получилось? – спросил, теряя и вновь обретая дыхание.

– Беги, собирай своих, – велел Аникей Киприянович. – А я этого постерегу. Близко подходить уже не стану. Кто это диво разберет – вроде помирает, а никак не помрет и вон что творит...

– Да что ж это за диво такое? – уже предчувствуя ответ, без голоса произнес магазинный.

– Сдается мне, что это мы с тобой кикимору изловили...

Деревенские домовые хотя и плохо знают повадки нежелательной соседки, однако ни разу на превращении в мужской пол ее не ловили. А городские домовые уже не знают, какой пакости ожидать, и потому ожидают всех пакостей разом. С другой стороны, вот вычитал Трифон Орентьевич в книгах не шибко длинное, но ученое слово «мутация». И как сели разбираться – так и обнаружили, что городской домовой от

деревенского уже заметно отличается: шерстка шелковая, особенно у домових, у которого растут усы — так длинные и упругие, как у холеного кота, и уши как-то иначе торчат.

Сказалось, видимо, и то, что городским очень хотелось чем-то отличаться от деревенских родственников.

А раз с домовыми приключилась эта самая мутация, то почему бы ей не приключиться с кикиморой? Раньше не умела мужиком перекидываться, а теперь вот выучилась. И ведь ее, заразу, от домового не отличить! Правда, от домового тощего и изможденного, а такие встречаются очень редко. Но на то, чтобы упитанность изобразить, у проклятой кикиморы, надо думать, сил уже недостало.

Так рассуждало высыпавшее из квартир на улицу незримое для человека население.

К тяжко дышащему страннику близко подойти боялись — следили за ним из углов и щелей, строили домыслы и догадки, иной домовой помоложе кидал в него камушком и получал за это от старших подзатыльник.

— Кто эту дрянь сюда приволок — тот пусть и уволакивает! — распорядился домовой дедушка Анисим Клавдиевич. — Эй, ты, безместный! Твоя ведь работа!

— Так я ж ее из дома выманил, на двор доставил! — отбивался Аникей Киприянович. — Кабы не я — она так бы и шкодила в доме!

— Пришибить ее, и точка! — перебегая с места на место, убеждал каждого поодиночке сварливый Евкарпий Трофимович. — Раз уж попалась нам в лапы — беспременно пришибить. А как дух испустит — сразу к ней ее натуральный облик вернется!

Почтенный домовой дедушка Мартын Фомич не столько вопил, сколько поглядывал по сторонам: вот-вот должны были появиться люди.

Дом, из которого Аникей Киприянович с риском для жизни, как ему теперь уже казалось, вытащил кикимору, уже был разбужен до срока совместным визгом трех домових. Мартын Фомич знал, что люди с утра что-то больно суетились, нервничали, и очень не хотел, чтобы такой вот нервный и недоспавший человек случайно вмешался в сходку. Заметить домового в кустах и в траве мудрено, и даже на куче гравия мудрено, и с асфальтом он уже научился сливаться, но голоса-то не спрячешь!

— Ступал бы ты прочь, — посоветовал он Аникею Киприяновичу. — Как ты смоешься, так и они угомонятся.

— А кикимора?

— Жалеть ты ее, что ли, вздумал? Все одно помирает.

– А коли притворяется?

– Хм... Ну, ты все равно ступай. Сами разберемся. Где живешь-то?

– За Матвеевским рынком.

– Ого... Ишь откуда забежал... А чего у нас в доме ночью искал?

– Да вот мимо пробегал, как-то оно вышло... притомился... – забормотал безместный домовой, но Мартын Фомич был сметлив.

– Невесту нам сватали из-за Матвеевского рынка. Уж не по этому ли дельцу ты приходил? – Он задумался, почесал в затылке, и тут его осенило: – Понял! Раскусил! Это ты нарочно все затеял, чтобы нашего жениха опорочить! Да ведь как станет известно, что мы из дому кикимору изжить не можем, так ни одна девка за него не пойдет!

И кинулся домовой дедушка с кулаками на Аникея Киприяновича.

Домовые нередко схватываются драться, но там, где никто их забаве не помешает. Правила драки у них довольно расплывчаты. Давным-давно, еще в пору деревенского житья, они были более определенными: одно дело, когда домовой дедушка защищает свое жилье, и совсем другое – когда пришлый домовой на это жилье покушается. Но один закон соблюдается свято: людей в свои разборки не путать!

Так что побоище на обочине асфальтовой дорожки можно объяснить только временным помешательством умов от вторжения кикиморы.

Прочие домовые сразу не сообразили, из-за чего лай и склока, потому с изумлением наблюдали за дракой, не решаясь вмешаться и развести буянов по углам.

И тут явился наконец виновник всей этой катавасии – тот, из-за кого сваха Неонила Игнатьевна билась об заклад с соперницами и затеяла свой хитросплетенный обман. Явился молодой домовой, ходивший пока в подручных у родного деда, – сам Трифон Орентьевич, наизавиднейший жених во всей округе.

– Дед, ты сбрендил? – с тем Трифон Орентьевич решительно отпихнул Аникея Киприяновича, а Мартына Фомича поймал в охапку.

– Пусти! Пусти, крысиный выкормыш! – верещал дед. – Я ему все кости переломаю! Ишь, чего удумал! Кикимору в наш дом подсадил!

Вот как преобразилось событие в голове у шибко взволнованного домового дедушки.

– Кикимор не бывает, – строго отвечал внук. – Это одни предрассудки деревенские.

– Ни хрена себе предрассудки! Вон же она лежит, кикимора!

– Где?

– Вон, на травке!

– Не вижу никакой кикиморы.

И точно: пока домовые дрались, помирающий странник подхватился и убрел куда-то.

– Морок! – воскликнул Анисим Клавдиевич. – Я ж ее своими глазами видел! Вот тут лежала и кряхтела!

– Кто? Кикимора? – уточнил Трифон Орентьевич. – И как же она выглядела?

– Да вроде... – Мартын Фомич задумался. – Вроде нашего дедушки Феодула Мардарьевича. Такая же ветхая. Только вся в клочьях...

– То есть кикимора была с лица как мы, домовые? – продолжал следствие Трифон Орентьевич.

– С лица – да. Это она так перекинулась! – сообразил магазинный.

– А ты, дядя, когда-либо кикимору видел? Неперекинутую?

Оказалось, что нет, и никто из присутствующих тоже не встречал.

– Так, может, это и был домовой?

– А глаза кто тогда отводит?!

Услышав, как на складе исчез и снова возник товар, Трифон Орентьевич крепко задумался.

– Значит, безместный домовой из-за Матвеевского рынка при вашей кикиморе состоял? – уточнил он. – И где же тот домовой?

Но Аникея Киприяновича, понятное дело, уже не догнали.

Матвеевский рынок был по человеческим понятиям далеко – сперва на трамвае до вокзала, потом оттуда на другом трамвае. Но если у кого ноги здоровы и нет нужды тащить кошелку с дешевыми продуктами, то можно и пешком напрямик. Домовые транспортом не пользовались, разве что у кого брат-сват пошел с горя в автомобильные. Да и то – скорее ради баловства. Куда домовому путешествовать? На какие курорты?

Трифон Орентьевич прикинул – кто из знакомцев обитает за Матвеевским рынком. Очень его заинтересовала вся эта история с беглой кикиморой. То всё в книжках про диковины вычитывал, а то – вон она, диковина, сама в гости пожаловала. И, потолковав еще с молодым домовым дедушкой Никифором Авдеевичем, обнаружил: знают они оба из тамошнего населения только сваху Неонилу Игнатьевну.

Женатому Никифору Авдеевичу сваха была уже не страшна. А вот Трифон Орентьевич призадумался: уж больно настырно она его домогалась, девку какую-то ему на шею пыталась навязать. А что за девка может жить за Матвеевским рынком? Безграмотная какая-нибудь, с кем разумного разговора не заведешь, а только приставить ее мертвую паутину обчищать и подгоревшие сковородки по ночам надраивать...

Однако любопытство оказалось сильнее неприязни к свахе и ее девке. Трифон Орентьевич собрался в дорогу.

Возня с книжками принесла ему ту пользу, что он немного освоил географию и выучился читать планы городов. У хозяев были хорошие автомобильные атласы, был и отдельный план, изданный для туристов и очень подробный. Трифон Орентьевич ночью расстелил его в кабинете, поползал по нему, сколько требовалось, и срисовал на бумажку маршрут до Матвеевского рынка. А на следующую ночь и отправился.

Домовые, как кошки, умеют перемещаться очень быстро, но на небольшое расстояние: дыхание у них короткое. Трифон Орентьевич был еще слишком молод, чтобы от быстрого шага за сердечко хвататься, но берег себя, двигался где шажком, где – короткими перебежками. Рынок обошел чуть ли не за три версты: ходили слухи, что там обосновалась колония совсем уж одичавших безместных домовых, зовущих себя рыночными, и питаются они всякой дрянью, а говорят так, что не сразу и поймешь. Нравы, сказывали, у них мордобойные.

За рынком было уже попроще: начинались деревянные дома, а там чуть ли не за каждой печкой свой брат домовой проживает. На первом же дворе Трифон Орентьевич переполошил сторожевого барбоса, вылез готовый к труду и обороне местный домовой дедушка, а дальше, слово за слово да от двора ко двору, к рассвету Трифон Орентьевич добрался до свахиной квартиры.

Неонила Игнатьевна обитала у доброй старушки. Старушка, впрочем, была убеждена, что подкармливает домового дедушку, а не домовиху-сваху. Правда, казалось ей странным, что не ведется никакой войны ни с тараканами, ни даже с пауками, о чем она особо просила, выставляя в чулане блюдечко с молоком. Откуда старушке было знать, что гонять тараканов – мужское занятие! А пауков Неонила Игнатьевна откровенно побаивалась.

Жила эта наивная старушка на втором этаже, третьего не было, а только чердак. Оттуда можно было попасть в чулан – так Трифону Орентьевичу и растолковали. И он спокойно двигался по указанному маршруту, когда из-за чердачной рухляди услышал приятный голосок:

– Неонила Игнатьевна! А я тебя заждалась!

Он остановился.

– Я это, Малаша, не бойся! – продолжал голосок. – Что же ты? Разведала? Узнала?

Трифон Орентьевич чуть вслух не охнул: девку из-за Матвеевского рынка, которую ему сватали, тоже звали Маланьей!

– Что ж ты встала в пень, Неонила Игнатьевна? Я одна пришла, без мамки! Не бойся!

Трифон Орентьевич понял, что сваха чем-то против невестиных родителей согрешила.

– Кхм... – Он насколько мог тоненько прокашлялся.

– Неонила Игнатьевна! – Девка Маланья полезла из своей засады навстречу. – Просквозило тебя, что ли? Так сейчас пойдем к тебе в чуланчик, травками полечимся! И все мне расскажешь! Судьба мне или не судьба быть за Тришенькой?

Трифон Орентьевич понял: она! Она самая!

И ведь как ласково выговорила «Тришенька»!

Хотя до свадьбы таращиться на невесту не полагается, но, во-первых, еще неведомо, будет та свадьба или нет, а во-вторых, дело такое, что не до старинного вежества. И Трифон Орентьевич решительно шагнул навстречу девке.

– Ахти мне! – воскликнула Малаша. – Ты кто еще таков? Откуда взялся?

– К свахе по своему дельцу пришел, – честно отвечал Трифон Орентьевич. – А свахи, как я погляжу, и нет.

– Вот и я ее жду. Она как к бабке Бахтеяровне убрела, так и пропала.

– А что за бабка Бахтеяровна? – очень удивленный странным восточным прозванием, полюбопытствовал Трифон Орентьевич, во все глаза пялясь на Малашу.

Девка была как раз такая, что хоть сию минуту женись. Росточком маленькая, ладненькая, кругленькая, с виду – настоящая домовитая домовиха, и глазки этак живенько поблескивают.

– А умная бабка. Она уж совсем ветхая, у правнуков на покое живет и по важным делам гадает, – объяснила Малаша.

– Откуда ж у нее отчество такое нездешнее?

– А кабы не сама себе придумала... Знаешь, молодец, коли гадалка – Терентьевна или там Федотовна, то к ней уважение одно, а коли Бахтеяровна или еще вот Рудольфовна – то уважение совсем другое!

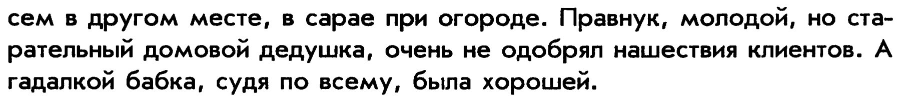
– Что, и Рудольфовна тоже есть?

– Есть, только далеко, она за банным замужем, а баня у нас через... через восемь кварталов наискосок!

Ишь ты, обрадовался Трифон Орентьевич, и счету обучена!

Они еще потолковали об отсутствующей свахе и вздумали, что с ней могла стрястись неведомая беда. Так что следовало обоим спешить к гадалке Бахтеяровне, а оттуда – по следу незадачливой свахи.

Бабка Бахтеяровна жилище имела в одном месте, в подполье хорошего дома, настоящего стародавнего сруба-пятистенка, а прием вела сов-

сем в другом месте, в сарае при огороде. Правнук, молодой, но старательный домовой дедушка, очень не одобрял нашествия клиентов. А гадалкой бабка, судя по всему, была хорошей.

Едва увидев на пороге сарая парочку, она прищурилась и с ходу заявила:

– Будет прок! Только рановато вы вместе-то ходите! Не положено!

– Какой прок, бабушка? – спросил Трифон Орентьевич и вдруг все понял. Малаша же сперва уставилась на бабку Бахтеяровну в полнейшем недоумении, а потом возмутилась.

– Потому и вместе, что мне этот молодец – никто! А жених мой – Трифон Орентьевич, что за Матвеевским рынком живет!

Жених чуть было не брякнул: «Да сама же ты, девка, живешь за Матвеевским рынком!»

Бабка Бахтеяровна посмотрела на него из-под ладошки.

– Про рынок не скажу, а прок вот с ним будет.

Малаша повернулась к своему спутнику.

– Пойдем, молодец, что-то нам бабушка не то говорит. Я ради тебя от своего жениха не отступлюсь, так и знай.

– Так вот он и есть твой жених! – воскликнула бабка. – Ты спроси, как его звать-то! Да пусть не врет!

Малаша уставилась на незнакомца во все глаза. И вдруг сообразила!

Ахнув, она вылетела из сарая и опрометью понеслась по грядкам.

– А ты стой как стоишь! – велела гадалка. – Нечего до свадьбы с невестой ходить. Неприлично!

– Я по другому дельцу, – сказал Трифон Орентьевич. – Сваха у нас пропала, Неонила Игнатьевна. Пошла к тебе, да и не вернулась.

– За сваху не беспокойся, оснований нет.

– Есть основания. У нас тут кикимора пропала...

– Кто пропал?!

– Кикимора. – Тут Трифон Орентьевич понял, как нелепо прозвучали его совершенно правдивые слова.

– И у вас?!

– А что, еще у кого-то?!

– Ну-ка, выкладывай все, как есть! – приказала бабка.

Трифон Орентьевич вкратце рассказал про переполох в своем доме, про домового-странника, который, возможно, на самом деле – перекинувшаяся кикимора, про безместного домового из-за Матвеевского рынка, которого он полагал сыскать с помощью свахи, и еще про то, что коли кикимора увязалась за тем домовым и оказалась в здеш-

них краях, то беспокойства от нее может быть много. Тут и выяснилось, что они имеют в виду одну и ту же кикимору.

Сам он не очень-то верил в эту загадочную особу, но кто ее разберет — вдруг окажется, что она есть и шкодит на полную катушку? И, вопреки всем древним правилам, перекидывается домовым?

— Говоришь, ободранный весь, облезлый, морда жалобная, мослы торчат? — вдруг принялась уточнять бабка Бахтеяровна.

— Как будто десять лет не ел, не пил, — подтвердил Трифон Орентьевич.

Бабка хмыкнула.

— Насчет свахи не бойся, я ее как раз за тем безместным домовым и послала, который с этой вашей кикиморой возился, — утешила она. — Им бы вдвоем прийти следовало, ну да ладно. Сдается мне, знаю я эту кикимору, ох, знаю, ох, знаю...

И замолчала. Крепко замолчала. Надолго. Трифон Орентьевич отродясь не видывал такого тяжкого, увесистого молчания. Он сперва ждал, что старая домовиха еще чего-нибудь изречет, а потом вдруг понял, что и дышать боится.

Тут на пороге сарая появились Неонила Игнатьевна с Аникеем Киприяновичем.

Увидев жениха, Неонила Игнатьевна, до смерти напуганная последними событиями, сперва глазам не поверила: она же шла к гадалке, чтобы узнать будущее с учетом появления кикиморы — сладится или не сладится эта свадьба? И ей показалось, что бабка Бахтеяровна, слава о которой шла великая, колдовским путем перенесла сюда Трифона Орентьевича. Решив, что вот сейчас начнется разборка и выплывет правда о хождении в чужую квартиру, она метнулась было прочь, но Аникей Киприянович вовремя словил ее за шиворот.

— Умом тронулась, кума?!

— Сюда ступай, — велела гадалка. — Садись в угол, жди. А я с вами, молодцами, побеседую. Ты у нас — безместный Аникей Киприянович, что ли?

— Он самый.

— Место будет. И недели не пройдет, как будет. А теперь рассказывай, какие такие чудеса творила кикимора? Как именно отвод глаз делала? И каковыми побочными явлениями сие сопровождалось?

Трифон Орентьевич прямо в восторг пришел — до чего же складно гадалка выразилась! А безместный домовой уже в который раз принялся докладывать про опустевшую квартиру и опустевший магазинный склад.

— Довольно, — сказала бабка. — Погоди-ка...

Она полезла в свои колдовские припасы, вынула травку сушеную, побормотала над ней, искрошила ее в прах и упаковала в фунтик из газетной бумаги.

– Поджечь да покурить в том доме, где отвод глаз делался, – велела она. – Более кикимора там носу не покажет. Неси скорее (это уже относилось отдельно к Трифону Орентьевичу) да при всем обществе курение произведи. Чтобы все видели и поняли: кикимора не вернется!

С тем оба домовых и были выставлены из сарая.

– Выходит, кикиморы все же есть? – удивленно спросил Трифон Орентьевич.

– Есть, выходит, коли от них курение помогает, – ответил Аникей Киприянович. – Пойдем, провожу. И до свадьбы тут носу не кажи. Бабы правы: непорядок.

Трифон Орентьевич подумал, что ни на какую свадьбу согласия еще не давал, однако возражать не стал. Но безместному домовому не следовало напоминать о брачных делах: тут же Трифон Орентьевич вспомнил, что за всей суетой так и не спросил безместного, какая нелегкая понесла его вместе со свахой в жениховский дом.

Сказать правду об этом деле Аникей Киприянович никак не мог: правда бы единым махом разрушила все это многострадальное сватовство! В придачу подсовывание фальшивого местожительства испортило бы свахе репутацию навеки, да и тому, кто выдумал эту пакость, не поздоровилось бы, поэтому Аникей Киприянович забормотал несуразицу: он-де по объявлению, а сваха просто так следом увязалась.

Трифон Орентьевич не так давно сильно пострадал из-за вранья, чуть было родного дома навеки не лишился – и с того времени стал чуять вранье примерно так же, как пес чует след. Он, возмутившись, гаркнул на Аникея Киприяновича, тот сперва огрызнулся, а потом дал деру. Здешние места были ему родные – главное было успеть пересечь огород, а потом уж он успешно затерялся в закоулках. Трифон Орентьевич гнал его, гнал, упустил да и плюнул.

Не все ли равно? Врет, не врет – какая разница? Зато невеста хорошая оказалась, с правильным понятием о бабьей верности, и счету обучена.

Может, не стоит больше гордость разводить, нос задирать, на свах фыркать?

Когда домовихи остались одни, сваха долго ждала, чтобы бабка Бахтеяровна умное словцо изронила. Но та опять замолчала.

Вдруг гадалка горестно вздохнула.

– Хоть тебе покаюсь... – пробормотала она.

– А что, бабушка, а что?

– Натворила я дел...

– С кикиморой?

– Какая кикимора?.. Нет никакой кикиморы...

– А кто же в жениховом доме шалил?

– То-то и оно...

Старая домовиха взяла горстку мелких камушков, раскинула на дощечке, получилось что-то нехорошее. Она смахнула камушки обратно в мешок из мышьей шкуры.

– Думаешь, почему я так зажилась? – спросила вдруг. – Вот уж и правнуков вынянчила, и скоро праправнука обещались мне принести?

– Здоровье у тебя такое оказалось, – предположила Неонила Игнатьевна.

– Ну, и здоровье тоже, я его то и дело поправляю. Средство у меня такое имеется. Поправим, что ли?

Средство оказалось ядреной настойкой, от которой во рту – огонь, а в башке – сперва блаженная пустота, потом мысли, похожие на разноцветный птичий пух.

Возможно, бабка Бахтеяровна просто хотела самой себе развязать наконец язык.

– И когда же это было? А, поди, при государе императоре... – неожиданно сказала она. – Хозяева лошадей держали, хозяйский сынок в каваре... кавареле... ка-ва-лер-гардах служил! Да ты пей, пей, оно не вредное. И посватали мне домового дедушку из хорошего, богатого дома. А я девка была норовистая – нет и нет! Другой мне полюбился...

– Как это? Так не бывает, чтобы девке кто-то полюбился! – убежденно воскликнула уже пьяненькая сваха.

– Не галди! Бывает! И я к нему самовольно ушла.

– Ахти мне!

Действительно, дело было неслыханное, и для теперешнего шалопутного времени отчаянное, а при государе императоре – и вовсе невозможное.

– Вот те и ахти... Недолго я с ним прожила: он счастья своего не умел понять! – грозно произнесла бабка. – Другую ему сватать стали. Гляжу, он к свадьбе готовится! Три дня и три ночи ревела я, не переставая, – слышишь, девка? Теперь так уже не ревут!

Неонила Игнатьевна на «девку» не обиделась: понимала, что для бабки Бахтеяровны она еще – несмышленыш.

– И от этого рева в меня сила вошла...

– Какая сила, бабушка? – удивилась сваха.

– Сама не пойму. Я даже и не заметила, как это сделалось. Вот я его перед собой поставила и спрашиваю: ну, так с кем из нас жить будешь? Он жался, изворачивался, наконец брякнул: к той пойду! И я ему в ответ: пойдешь, да не дойдешь! Помяни мое слово!

– Ахти мне! – в который уже раз ужаснулась сваха.

– Кабы он мне не перечил – может, и обошлось бы. Так нет же! И чего такого сказал – не помню, только взбеленилась я до крайности! Ступай, кричу, и чтоб те пусто было, крысиный выкормыш, чтоб те было пусто! И кто слова-то подсказал, до сих пор не ведаю. Он и пошел...

– Куда, бабушка?

– А не ведаю. Знаю только, что до той невесты так и не дошел. Искали его, искали, да и бросили. Пропал. Я потом опомнилась, поумнела, скромненько жила, замуж меня взяли. Но только после того крику стала я гадать. И как-то на него камушки бросила. Знать хотела, жив или уж нет. А ему все дорога да дорога выпадает, идет он и идет, все никак до своей невесты не дойдет, поганец! И всюду ему – пусто...

– Вон оно что! – догадалась сваха. – Так погоди, бабушка! Неужто та пустота – заразная? Вот ведь и Аникею Киприяновичу она померещилась! И потом – магазинному...

– Выходит, заразная... – Старая домовиха вздохнула. – Или же пустота в нем самом до того разрослась, что ее уже на все окрестности с лихвой хватает... Столько по миру бездомно шастать – и впрямь пустой сделаешься, ну как пакет из-под картошки...

– Да-а... – пробормотала Неонила Игнатьевна, с трудом осознавая, какую горестную судьбу устроила своему изменщику бабка Бахтеяровна. – Это значит, куда бы он ни сунулся – всюду ничего, окромя пустоты, не находит?

– Что сам в себе несет – то и вокруг находит. Это я уж потом поняла. А как теперь быть, ума не приложу! Освободить бы его пора – а как?

– Ну, скажи: чтоб те полно было! – предложила сваха.

– Пробовала. Не выходит.

– Может, сперва вдругорядь три дня и три ночи реветь надо?

– Может, и надо. Да только стара я стала и так, как тогда, реветь уж не умею.

– Крепко ты его припечатала! – с неожиданным для самой себя восхищением воскликнула сваха.

– Ага, крепко. Да и себя заодно. Чем дальше – тем хуже. И его я этим отчаянным словом по миру гоняю, и себя обременила...

– Тебе-то что? Детей родила, внуков вырастила, правнуков, вот полезным делом занимаешься, – стала разбираться сваха. – Все тебя уважают, подношения тащат.

– Дочку с зятем пережила, сына с невесткой пережила. Для домовихи что главное? Семья! А ведь я свою семью пережила...

И пригорюнилась бабка Бахтеяровна, повязанная чересчур сильным словом, не имеющим супротивного слова, и, глядя на нее, пригорюнилась сваха Неонила Игнатьевна.

А в щели между дверью и порогом уже блестели молодые глаза – это Малаша, уняв свой девичий испуг, принеслась выспрашивать о знатном женихе Трифоне Орентьевиче. И ей хотелось знать сию же минуту, понравилась она или не понравилась. Раз уж в этом сватовстве все не по правилам, не по прежнему разумному порядку, раз уж они до свадьбы встретились – то ведь очень важно понравиться. А то, глядишь, и никакой свадьбы не будет...

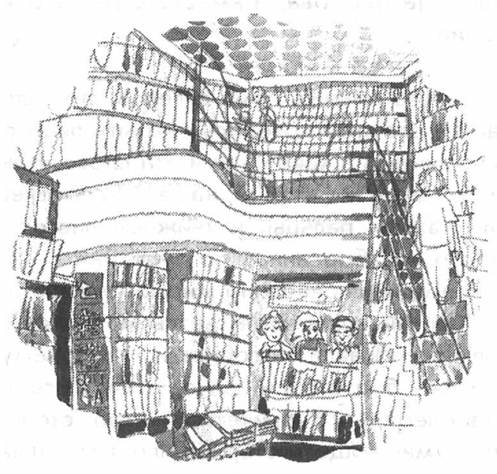
А коли свадьбы не будет – так будет рев в три ручья, и будут всякие злые и глупые слова, и много всяких неприятностей.

Довольно уже и того, что бредет не-разбери-куда позабывший свое имя дряхлый домовой, бредет от пустоты к пустоте и остановиться не может. Лишь изредка вспоминает: вроде бы к невесте шел. И тут же забывает обратно.

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазине «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), в магазине «Молодая гвардия» (ул. Б.Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Московском Доме книги (ул. Новый Арбат, 8, ст. м. «Арбатская»), в супермаркете «Книжная страна» (Страстной бул., 8а, ст. м. «Пушкинская»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), в «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в магазине «Ad Marginem» (1-й Новокузнецкий пер., 5/7, ст. м. «Павелецкая»), в сети «Новый книжный» (Сухаревская пл., 12, ст. м. «Сухаревская»; Волгоградский просп., 78, ст. м. «Кузьминки»; просп. Андропова, 38, ст. м. «Коломенская»; просп. Мира, 182/2, ст. м. «ВДНХ»; ул. Первомайская, 87, ст. м. «Первомайская»; ул. Бутырская, 6, ст. м. «Савеловская»; ул. Братиславская, 12, ст. м. «Братиславская»; ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в с/к «Олимпийский»;

в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»), на лотках возле ст. м. «Пионерская», а также на книжной ярмарке в ДК им. Крупской;

в Кирове и Саратове – в киосках «Роспечати».

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток - «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург - «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону - «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Пермь - «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара - «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар - «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа - «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград - «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).

Александр Маслов

КОКОНЫ

Автор рассказа «Коконы» еще ни разу не печатался в центральной прессе. А вот в прессе Северного Кавказа, где он дебютировал в 1996 году, у него вышло несколько произведений... Живет Александр Маслов в Ставропольском крае, в Пятигорске, там и работает в Комитете по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ — да-да, том самом, который до 1 июля назывался налоговой полицией. Видимо, служба в налоговых органах и сделала Александра скептиком по отношению к будущему человечества, из чего, как можно понять, и произрос публикуемый в «ЗД» рассказ. Сюжет его перекликается с «Бегством мистера Мак-Кинли» Леонида Леонова, и вместе с тем это вполне оригинальное произведение...

«Ей снова снились семь ангелов, тихо спускавшихся с неба и глядевших так строго, что хотелось закрыть лицо руками и рыдать...» Он не мог вспомнить, из какой книги эти слова. Конечно, из очень старой, может быть, такой же старой, как все человеческие страхи, мечты и грехи. Губин разжал пальцы, и книжный листок упал, смешавшись с тысячами других, разбросанных по пустырю.

Сегодня снова было много коконов. Их приносило откуда-то с запада. Они висели в небе светлыми точками, соединялись в гроздья и молчаливо уплывали за горизонт. Их почему-то всегда влекло друг к другу — они будто бы и сейчас оставались людьми, спешившими выстроиться в очередь у турникета в метро, столпиться в беспомощной тишине у тела умирающего старика или выкрикивать хлесткие лозунги на тесной от ропота площади. Некоторые коконы спускались вниз и плыли, касаясь деревьев, похожие на воздушные шары, которые когда-то продавали связками на улицах, — только отяжелевшие и серые, словно утро после шумного праздника.

— Александр Сергеевич!

Губин оглянулся на голос жены и направился к ней, обходя ржавые плети арматуры, торчавшие из земли и бетонных плит.

– А я, пожалуй, возьму это почитать. – Она держала стопку журналов с выцветшими обложками и разлохмаченными краями.

– Что-нибудь интересное? – Приподняв очки, он осторожно взял верхний.

– Так... просто хочу вспомнить, Саш. – Ирина Васильевна встала с обломка бетона и прислонилась к мужу, подняв голову, разглядывая морщины на его лице и припухшие, всегда улыбающиеся губы. – Хочу читать и вспоминать все, что было до две тысячи двенадцатого.

– Пойдем, Ириш.

Они двинулись через пустырь мимо контейнеров с покосившимися и оторванными крышками, мимо груд прелого тряпья и мусора. Возле железнодорожной станции виднелась электричка, которую раньше называли «дачной». Уже семь лет она стояла здесь неподвижно, похожая на перевернутую полузатопленную баржу. На ребрах обрушившегося козырька над перроном сидели птицы, а рядом с фонарным столбом зеленела молодая яблонька. Здесь горько пахло полынью и еще металлом, оставленным на растерзание дождю.

– Саш, с коконами что-то происходит. Раньше они никогда не летали так низко. Недавно видела, как несколько катились по земле. – Она остановилась, расстегнула пуговицу блузки: Александр Сергеевич шел слишком быстро, и ей стало тяжело дышать.

– Да, это началось весной. Сначала я думал, что понизилось давление, сверялся с барометром. Но давление в норме – тогда было около семисот шестидесяти миллиметров. Не знаю, что происходит, Ириш. Сам много думал и начинаю теперь подозревать, что расчеты Дашкевича неверны.

– Они будто... устали. И потемнели. Помнишь, раньше они сверкали на солнце и светились по ночам?

– Что-то происходит с их пограничным слоем. Но я не знаю – что. Как ни крути, это самая безумная затея человечества и, к сожалению, самая последняя. – Он достал из кармана мятую пачку сигарет.

– Не кури, – попросила она. – Ты обещал – в день не больше двух.

– Смотри-ка! – Он повернулся к шоссе, скрытому зарослями лебеды.

Подпрыгнувший кокон медленно спускался к земле, через минуту он дернулся, будто от удара, и взлетел вновь. Быстрым шагом Губин направился к дороге, прижимая журналы к груди, свободной рукой раздвигая жесткие стебли сорняков. Где-то справа послышался свист турбины автомобиля и, кажется, чей-то голос. Щебенка, прикрытая травой, хрустнула под ногами. Он взбежал по насыпи, оглядываясь на едва поспевавшую Ирину Васильевну, и увидел старенький «опель» с

распахнутой дверцей, а рядом – мальчишку лет тринадцати в бейсболке набок и желтых от грязи джинсах.

– Чего, дед? – Парень усмехнулся не по-детски – цинично как-то, словно сплюнул. – Чего ломился... как пес на жратву? Людей, что ли, давно не видел?

– Давно. – Александру Сергеевичу снова захотелось курить, и сильно – пальцы нащупали и сжали пачку сигарет. – Родители где?

– Мои? А отправились уже. Летают где-то. – Щурясь, мальчишка поглядел на проплывавшие в небе точки. – Я их надурил: кнопку не нажал, и всё. Хоп! – Он подбежал к спланировавшему на дорогу кокону и размашисто ударил ногой.

– Господи, там же человек! – Ирина Васильевна замерла, хватаясь за локоть мужа.

– А мне-то что? – В сузившихся глазах парня мелькнуло нахальство. Он сбросил с головы кепку, редкие длинные волосы рассыпались по лбу и щекам. – И ему ничего! Подумаешь, кувыркается. Надоело мне уже здесь! Вот хотите, машину забирайте! Там на сиденье консервы, конфеты и два пистолета. Забирайте! А я у-хо-жу! – Мальчишка выхватил из кармана коробочку гиротаера и откинул крышку. – Батарея на восемьсот лет, между прочим! С родаками точно не увижусь.

– Не смей этого делать! – выкрикнул Губин. – Не смей!

– Оп-ля! – Высунув язык и сморщив нос, парень вдавил кнопку гиротаера.

– Саша! – Ирина Васильевна не то укоризненно, не то жалобно посмотрела на мужа.

– Что ж я сделаю? Не ожидал я... – Он подошел к пареньку, застывшему в нелепой позе – на полусогнутых ногах и подавшись телом вперед, будто лягушонок перед прыжком. Пограничный слой жужжал и уплотнялся, приобретая металлический отблеск. Через минуту мальчишку уже не было видно, кокон стал похож на огромную дрожащую каплю ртути, потускнел и, оторвавшись от земли, медленно поплыл вверх.

– Чертов, чертов Дашкевич, – пробормотал Губин. – Конечно, тогда он и думать не мог, что убьет нас всех... – Он помолчал, ковыряя ногой края воронки, оставшейся от торсионного вихря. – Пойдем, Ириш.

– А давай поедем? – Ирина Васильевна прислонилась к дверце «опеля». – Сердце что-то колет. – Она улыбнулась. – Немножко совсем... наверное, ходили долго... – Когда она так улыбалась, Александру Сергеевичу казалось, что ее большие серые глаза плачут.

Их дача была в четырех километрах от станции, но на машине, доставшейся им после этого неприятного случая, пришлось ехать вокруг виноградников, конечно, заброшенных, как и все в этом поселке, в соседнем городе и дальше — по всей Земле. Асфальт на дороге пошел трещинами, раскрошился, из извилистых щелей, будто щетина, торчали пучки жесткой травы и еще какие-то отвратительные цветы телесного цвета. За развилкой у фермы начиналась грунтовка, разбитая многими годами раньше, — теперь она была пригодна для езды не больше, чем овражистые склоны с лесом сорняков вокруг. Уже через пару минут Губин пожалел, что свернул сюда: машина проваливалась в рытвины и ползла днищем по траве.

— Мы не проедем, — признал он. — Все, прокатились, Ирочка.

— Я виновата. Вот непременно с комфортом старухе захотелось.

— Да... А здесь недалеко, если через лесополосу и по ручью потом. — Он еще раз попробовал стронуть автомобиль, гоняя турбину на низких оборотах, нажатием педали форсируя до стеклянного дребезжащего свиста, но «опель» лишь глубже зарывался задними колесами в грунт.

— Пойдем потихоньку. — Ирина Васильевна сняла его руку с руля. — До вечера доберемся.

Около часа они двигались вниз по ручью. Вдали уже показались дачи и бухта под скалистыми утесами, слева поднимался невысокий, местами поросший терновником холм, который Александр Сергеевич называл Крысиным. Здесь действительно было много крыс, особенно в последние два года. Теперь же вид восточной части холма удивил даже нередко заглядывавшего сюда Губина. От камня, похожего на большой поломанный зуб, по всему крутому изгибу склона тянулись темные отверстия норок. Они составляли шесть ровных рядов, к каждому ярусу вела узенькая тропка, плотно утоптанная тысячами лап, а на самом верху находилась нора побольше, с входом, наполовину скрытым за плоским камнем. Это походило на настоящий, разумно спланированный крысиный город. На голой возвышенности, словно отряд дозорных, сидело несколько рыжих зверьков. Было тихо, только за северным склоном слышалась неторопливая возня.

— Что ж это такое?! — Ирина Васильевна остановилась, с удивлением и страхом разглядывая крысиное поселение.

— В июне здесь такого не было. — Поправив очки, Губин сделал еще шаг. — Бред какой-то.

— Я туда не пойду! — Она схватилась за его рубашку. — Не пойду, Саш.

– Всего лишь крысы. Крысы... – Он сошел с тропы, заглядывая за острый выступ камня.

Один из зверьков, сидевших шагах в тридцати, встал на задние лапы и пискнул. Его отвратительный, будто прикосновение мокрой шерсти, голос подхватили другие. Из нор появились морды – сотни крысиных морд с острыми желтыми зубами, с глазками, блестящими, словно жидкая грязь. Холм ожил от движения множества серых и рыжих существ, воздух, кусты, трава вокруг звенели от гадкого писка.

Губин постоял с минуту, прижимая к груди стопку журналов, а Ирина Васильевна вскрикнула и побежала вниз, к балке, разделявшей холмы. Ноги ступали неуклюже, дважды она едва удержалась на крутом глинистом спуске. Александр Сергеевич нагнал ее уже внизу, подхватил за руку, и они остановились на дне ложбины.

– Ну? Ириш, ты же этих пасюков никогда не боялась. Что на тебя нашло?

– А знаешь, страшно как?! Я думала... – Она дышала часто, с хрипом, сердце тряслось, кололо грудь до ключицы. – Думала, они на нас бросятся. Господи, какой ужас!

– Глупости. – Он оглянулся в сторону Крысиного холма. – Странно, конечно. И развелось их много. Необъяснимо много.

– Саша! – Она, зажимая ладонью рот, опустилась на землю.

Шагах в десяти от нее лежал человек. Вернее, существо, очень похожее на человека. Мертвого человека. Его светло-карие глаза с длинными ресницами смотрели неподвижно и чуть косо. Они были слишком ясны, слишком пронзительны, какими не бывают глаза мертвеца, и от этого становилось жутко. Лицо его и кисти рук, торчавшие из манжет, казались прозрачными, словно застывший студень с извилинами бурых вен. А волосы, редкие, крысиные, осыпавшись, лежали пучками на камнях и черном вороте костюма.

– Не смотри туда! – Губин поднял Ирину Васильевну и прижал к себе. – Не смотри! Это какой-то бред...

– Бред? Все кругом бред?! – Она стиснула зубами ткань его рубашки, сердце болело, воздух стал ватным.

До дачи Александр Сергеевич нес ее почти на руках, измучившись до дрожи в теле и измотав ее. Когда они подошли к калитке, уже вечерело. За темными ветвями сада проступали звезды, и кононы, летевшие непривычно низко, светились, словно сгустки фосфора. Электрогенератор Губин запускать не стал (не было уже сил возиться с капризным механизмом), просто зажег свечи, которые всегда стояли на столе в гостиной, и кое-как развел примус, чтобы вскипятить чайник.

Он присел на диван рядом с женой. Она молчала, несколько минут листала журнал и, должно быть, разглядывала заголовки, едва различимые в полутьме, стараясь отвлечься, не вспоминать о случившемся. Потом вдруг сказала:

– Умру я, наверное, Саш.

– Пожалуйста, не говори такое. – Он погладил ее волосы, седые, отливающие золотом в свете свечей.

– Чувствую, скоро... И тебе придется самому копать картошку. – Она улыбнулась, на глазах были слезы. – Почему все так? Люди бегут в будущее, но почему нельзя в прошлое? Неужели только вперед, Саш? Ведь должен быть способ вернуть все, что было раньше?!

– Нет, Ирочка. К сожалению... – Чайник закипел, и Губин встал, морщась от ползучей боли в спине. – Время – штука однонаправленная. Научились мы его замедлять и ускорять немного. А вот обратно... обратно не сможем повернуть никогда. Теперь уже никогда. – Он налил заварки, пахнущей мятой и кипреем. – И, знаешь, наверное, это справедливо. Справедливо для всех нас: нельзя взять и вот так вот отменить сделанное. Это мы только думаем, что мир для людей. Наивно надеемся, что над всем стоит добрый, всепрощающий некто, а на самом деле мир сам по себе. Он лишь дает нам шанс быть в нем или не быть.

– Когда ты так говоришь, ты кажешься похожим на Дашкевича. – Она приподнялась, беря из его рук блюдечко с горячей кружкой. – Но даже когда ты умничаешь, я тебя очень люблю, Саша.

Он похоронил ее рядом с клумбой роз, за которыми она столько лет старательно ухаживала. На холмике рыхлой земли вкопал столбик с ее фотографией, покрытой лаком; рядом, под кустом рябины, поставил лавочку. Губин сидел здесь каждый день, едва закончив работу в саду, приходил и сидел до позднего вечера, выкуривая по пачке сигарет и вспоминая ее улыбку и серые, влажные от слез глаза. Еще он вспоминал Дашкевича. Изо всех сил сторонился мыслей о нем, прятал их в мутных слоях памяти, но эти мысли всякий раз появлялись, выползали тихо, едва он поднимал взгляд к небу и видел там плывущие низко коконы.

Кто бы мог представить тогда, что Время, вездесущее, вечное Время можно взять и остановить?! Просто спрятаться от его хода, как улитка в ракушку, всего лишь на миг забыть о его течении, затаиться, а потом открыть глаза и ступить в уже случившийся мир через сотни, даже тысячи лет. Дашкевич... Однажды он вошел в лабораторию, открыв двери пинком ноги, небрежно дымя сигаретой, и сказал: «Я знаю!» Его

худое лицо с длинным острым подбородком и широким приплюснутым лбом смеялось над коллегами и над всем миром, смеялось каким-то треугольным, чертовым смехом. Но он действительно знал. Через месяц был построен первый гиротаер – бешеный волчок торсионных полей. Эта штука и впрямь работала – время внутри кокона, который создавал прибор, замедлялось в девять тысяч раз. Очень скоро Дашкевич усовершенствовал его, сделав совсем небольшим и повысив коэффициент до нескольких миллионов. А затем изобретатель испытал прибор на себе. Несмотря на запрет руководства, он прожил несколько долгих, жужжащих, как электричество, недель, прожил за один миг, повиснув коконом в собственной квартире. Потом его выгнали из лаборатории – тихо, без слова по телевидению, без строчки в газетах. Он ушел, рассмеявшись своим нечеловеческим смехом, повернувшись и плюнув на пороге. Зимой стало известно, что Дашкевич продал прибор американцам, некоей компании «Дастинс», и сам выехал в Штаты. Никто не мог вообразить, что за этим начнется безумие, самое последнее безумие человечества – его осознанное самоубийство.

Первая партия гиротаеров, которую «Дастинс» выпустила в продажу 20 мая 2012 года, была раскуплена в Нью-Йорке в тот же день. «В будущее за три секунды!», «Мечта за $200!», «Рай сейчас!» – кричали сияющие рекламные щиты, голоса из телеэфира и пестрые банеры Интернета. Над городами Америки, словно праздничный фейерверк, взлетали и рассыпались тысячами светящиеся фосфором сфероиды, а Япония, Китай, Европа спешно приобретали лицензии на производство прибора Дашкевича. В тот год билеты в светлое будущее от «Дастинс» купили более пятисот миллионов человек. Но 2012-й не был самым безумным годом. Скоро еще более совершенные и дешевые гиротаеры азиатского производства стали доступны каждому, как зажигалки в табачном ларьке. Кто-то восторженно говорил о счастливом разрешении проблем перенаселения, энергетики и экологии, о новой философии мира, религии и даже вечной жизни. Банки обещали пять тысяч процентов по вкладам на триста лет. Почему бы нищему не стать миллионером за несколько секунд, спрятавшись под торсионной оболочкой? Медики говорили об абсолютном здоровье где-то там... Так почему бы не вылечить рак или СПИД сладкой таблеткой будущего? Политики лишь скромно гарантировали Эдем по сходной цене. Над поселками, городами, странами, словно поднятая ветром пыль, плыли миллионы коконов. Человечество сошло с ума. Оно попалось на дьявольскую приманку, предложенную человеком с треугольным лицом. Родители и дети, учителя, рабочие, призывники и генералы, уставшие, измученные президенты – все стремились в будущее, в мир, где нет обычных челове-

ческих бед, нищеты, болезней, неудач и безразличия. В тот самый мир, который сделает кто-то за них через сотни лет. Вот только кто? За два года население Земли сократилось на пять с половиной миллиардов. Не работали фабрики, заводы, остановились корабли и поезда, перестали существовать недавно полные жизни государства. Многие из оставшихся, сжимая в руке коробочку гиротаера, задавались вопросом: «А что же там, в будущем? Чего ждать, если уже теперь от человеческой цивилизации остались крошечные островки, мельчающие с каждым днем и зарастающие сорной травой? Что достанется тем, кто ушел на триста лет, глупо надеясь попасть в техногенный рай? Ведь их ждут лишь руины городов и дикая, чужая земля вокруг». Как и прежде, ответ давали стареющие плакаты «Дастинс»: «Купи последнюю модель гиротаера – заряд на 800 лет! Купи и обмани всех! Купи десять приборов по цене девяти и путешествуй в будущих эпохах! Купи больше!» И многие покупали или просто брали на полках супермаркетов, не принадлежащих уже никому. Какой смысл был оставаться в этом мире, сажать деревья, строить дома, если все еще оставался шанс, что кто-нибудь когда-нибудь сделает это за тебя...

По тропинке среди скал он спустился к морю. Выпавший накануне снег почти растаял, лишь в расщелинах еще лежали рыхлые грязно-белые языки, сочившиеся мутными слезами. Солнечный свет застревал в вязком волокне туч, застилавших небо до горизонта, и коконы казались совсем серыми, скорбными, как молчание у могилы. Тысячи их плавали в бухте, возле скал, выступавших из воды, и у оконечности мыса. Коконы стали необъяснимо тяжелы. Такого не могло быть, ведь заряда батарей даже в первых образцах хватало на триста лет! И все же они снижались, падали в воду, даже тонули. Наверное, что-то происходило с торсионным экраном. Он становился проницаемым, зыбким, только Губин не мог понять – почему. Если бы это видел Дашкевич, он, возможно, нашел бы ответ. Дашкевич... Он всегда был умнее, талантливее его, но на этот раз гений в чем-то просчитался. Волны качали сфероиды, гнали их к берегу. Ветер приносил их с запада и бросал в холодное, как небытие, море.

Губин прошел по берегу дальше, к ржавым сваям, торчавшим у края бухты. Когда-то здесь был деревянный настил, с которого мальчишки ловили рыбу и ныряли с шаловливыми криками. Теперь на этом месте остались лишь столбы с кусками арматуры. Возле кучи мусора Александр Сергеевич остановился и тут увидел девочку лет десяти, лежащую в воде у берега. Она казалась похожей на маленькую русалку с прозрачным, как студень, чуть зеленоватым телом и очень ясными

голубыми глазами. Набежавшая волна перевернула ее, и рука, ударившись о камни, сбросила куски студенистой плоти. Русые волосы, сплетенные с водорослями, течение относило в сторону, туда, где лежали прозрачные мертвые люди. Их было много на мелководье вдоль берега, среди камней, выступавших над белыми лохмотьями пены, на дне, уходящем в холодный сумрак зимнего моря...

– Господи! – Александр Сергеевич закрыл глаза, перебирая пряди своих белых, хрустящих, как соль, волос, нащупал другой рукой сигареты и торопливо, жадно закурил. Человечество... Нет, оно обмануло не Время – только себя. Облетело осенней листвой и пропало так бессмысленно. Неужели нам нужна была только приманка, чтобы плюнуть на все и, хлопнув дверью, оставить этот мир в поисках чего-то лучшего?! Неужели за столько лет мы так и не поняли, что Вселенная – не игрушка, подаренная заботливыми родителями?..

Глотая дым, Губин смотрел на коконы, тихо падавшие в море, на прозрачные тела, лежавшие в холодной воде. Где же ваши души, думал он, где ваши души, поднимавшиеся прежде в небо, отражавшиеся от его светлой чаши и наполнявшие мир желанием, разумом?! Он затянулся в последний раз, бросил окурок и вспомнил о странном крысином городе. Нечто необъяснимое и в то же время властное влекло его туда. Постояв еще немного, он зашагал к тропе, взбиравшейся между скал. Поднялся до грунтовой дороги и уже там ощутил взгляд – такой знакомый, преследовавший его много месяцев. Он огляделся по сторонам, посмотрел вдоль дороги, тянувшейся между сухих сорняков, и вдруг увидел на камне маленькую крысу с серыми влажными глазами.

Лора Андронова

ПО ВЕЛЕНИЮ ГРОМА

Сказать по правде, этот рассказ талантливой рижанки Лоры Андроновой мы напечатали бы и так — в силу его увлекательности и сюжетной изощренности. Но у нас есть еще один повод сделать это: в конце весны журнал «Звездная дорога» совместно с сайтом «Самиздат» при Библиотеке Мошкова (www.lib.ru) провел конкурс для молодых писателей-фантастов. В конкурсе приняли участие около 200 человек, а победителями стали Лора Андронова (наши постоянные читатели наверняка помнят ее рассказ «Вода окаянная», опубликованный в «ЗД» в прошлом году) и Юлия Сиромолот (знакомство с ее творчеством состоится в ближайших номерах журнала). Поздравляем обеих писательниц и надеемся, что они еще не раз порадуют любителей фантастики своими произведениями!

Он почувствовал это первым.

Надвигался вечер. Слуги сновали по залу, зажигали свечи и лампы, подбрасывали дрова в камины. От разлившегося тепла натертый паркет замаслился, заблестел, и в воздухе запахло воском. Расслабившиеся после сытной трапезы гости прогуливались, разглядывая гобелены.

— Я так рада снова тебя видеть, Ренье, — хрипло сказала тьена Алета. — Хочется о многом тебе сказать.

Фире Ренье Мейрах бросил на нее короткий взгляд. Он стоял возле окна, скрестив руки на груди. Свет закатного солнца играл на его гладких волосах, зажигал пряди охряной рыжиной.

— Ты такой... — Алета смешалась. «Восхитительный? Странный? Притягательный? Равнодушный?» — хотела она сказать. — Такой... Такой...

— Какой? — спросил он и улыбнулся.

Ренье знал, что от него хочет Алета — несколько страстных взглядов и фраз, допустимый в обществе поцелуй в щеку, ласковый шепот на

ушко. Вздох, полунамек – что угодно, лишь бы увериться в реальности их вчерашнего свидания. Он все понимал. Потому только улыбался. Улыбался и молчал.

– Ренье? – жалобно позвала Алета. – Как ты добрался до дома?

Фире Мейрах пожал плечами, показывая, что не понимает вопроса.

– Добрался, – ответил он.

– В городе сейчас так неспокойно!

– В городе всегда неспокойно, тьена. Или всегда спокойно – зависит от точки зрения.

Алета нервно сжала пальцами платок. Не таким ей представлялся этот разговор, совсем не таким!

– Но ведь война, – заметила она.

– Пока никакой войны нет, поверьте уж советнику вана, – усмехнулся фире и уселся на подоконник.

Мельком посмотрел на статую Грома Спокойного – сгорбленного, опиравшегося на посох старца, – механически прошептал слова молитвы и прикрыл глаза.

Тогда-то Ренье и почувствовал это. Отворилась ведущая в никуда дверь. Обжигающий поток коснулся его сознания, завертелся вихрем, опалил острым, чуждым жаром. Заскрипели нечеловеческие голоса, сливаясь в один пронзительный крик.

«Я пришел... Пришел... Пришел...»

«Вы все умрете!»

«Умрете!!!»

Крик перешел в визг – тонкий, режущий бритвой – и стих.

Ренье открыл глаза и вытер со лба капли холодного пота. Его пальцы сжались на рукоятке меча – бесполезной придворной игрушки – и тут же разжались.

Фире Ренье Мейраху было страшно. Очень страшно. Он поднял глаза и увидел, что Гром смотрит на него пристально, словно ожидая чего-то. Мраморное лицо бога казалось печальным.

– Проклятье, – прошептал фире. – Проклятье, проклятье.

Сидевшая рядом Алета встрепенулась.

– Ты что-то сказал? – спросила она, подаваясь вперед.

От нее пахло корицей, пудрой и смесью розовых масел. Ренье провел рукой по волосам.

«Проклятье», – подумал он.

– Простите, дорогая тьена, меня зовут государственные дела.

– Когда мы... – начала было она.

«Вы все умрете», – прошептал кто-то издалека.

– Поговорим позже, – отрезал Ренье.

Он соскользнул с подоконника и направился к дверям. Алета проводила его долгим взглядом.

Ван Лийер, Повелитель Земель, полулежал на кушетке и смаковал желе. Рядом, в мягком кресле, расположился советник Гир – бритый наголо шкафоподобный человек с бычьей шеей и цепкими, умными глазами. Второе кресло пустовало.

– А-а, опаздываешь! – Лийер облизал пальцы и принял сидячее положение.

Ренье поклонился.

– Да как-то... Задумался, – пояснил он.

– Ладно, подай сюда бумаги.

На пол легла подробная карта страны. Густо зеленели елочки лесов, нитками тянулись реки, серыми пятнами выделялись города и замки. Придавив углы карты книгами, Ренье уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

– Хотелось бы утвердить некоторые детали. – Лийер потянулся и почесал щеку. – Чтобы ничего не было упущено.

– По велению Грома, корабли готовы к отплытию. Орудия размещены. Полки ждут приказаний, – доложил Гир, раскрывая тетрадь в кожаном переплете.

– Конница?

– Лично проводил проверку, ваше могущество.

– Заклинатели?

Советник позволил себе легкую усмешку.

– На палубах. В цепях и нетерпении.

Ван поболтал ногами в воздухе.

– Скорей бы уж завтра.

Он соскочил с кушетки и присел на корточки возле камина. Поцокал языком, глядя на ревущее пламя. Огненные языки взвивались и опадали, озаряя лицо правителя, отражались множеством блесток в хрустальных вазах.

– Велик ли запас стрел? – спросил ван.

Гир сверился с записями.

– Почти весь Зарехай-лес свели.

– Да ну?! – обрадовался Лийер.

– Так точно, ваше могущество, – подтвердил советник. – Только пятачок в самом центре остался: там чащоба непролазная, да и древесина не лучшего качества. Уж больно сыро.

Ван поднялся и прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Его пальцы непрерывно сгибались и разгибались.

– А как же Слепни?

Гир широко улыбнулся.

– Выкурили их, по велению Грома. Большую часть на месте покрошили, остальных – в кандалы.

– Показательный суд?

– Готовится.

Ван вздохнул и повторил:

– Скорей бы уж завтра. – Он повернулся к Ренье. – А ты чего молчишь, Мейрах? О высоком размышляешь?

Тот с трудом разлепил губы:

– Выступление нужно отменить. Немедленно.

– Что? – Брови Лийера поползли вверх. – Что ты несешь?

Ренье сжал кулаки. Перед глазами вертелись черные круги, сливаясь в бесконечную воронку. Он слышал скрежет и свист, грохот и крики отчаяния. Тревожная музыка гремела в ушах, отдавалась болью во всем теле. Кожа похолодела, застыла, словно покрывшись корочкой льда.

«Вы все умрете», – проревел ветер.

– Выступление нужно немедленно отменить, – громко и внятно проговорил Ренье.

Лийер уставился на него как на умалишенного.

– Да с какой это стати? Ты что, пыльцы нанюхался?

– Надо отложить атаку, – упрямо сказал фире.

Он лихорадочно просчитывал возможные варианты. Хватит ли сил, если собрать все войска? А если мобилизовать запас, народное ополчение?

– Почему мы должны поступить вопреки воле Грома? – спросил Гир. Могучий советник смотрел на Мейраха серьезно, понимая, что тот не станет попусту сотрясать воздух. – Нам было дано ясное знамение: пришла пора начать войну.

– Великий Гром говорил со мной.

Ван ошарашенно открыл рот. Гир приподнял брови, ожидая продолжения.

– Нашему миру грозит опасность. Кто-то вторгся сюда. Кто-то, желающий убивать. Мы должны быть готовы дать ему отпор, уничтожить его.

– Великий Гром сам поведал тебе это? – не без иронии осведомился Лийер.

Ренье чуть побледнел и стиснул зубы.

– Я могу доказать, – тихо проговорил он, глядя на правителя серозелеными, волчьими глазами.

Они вышли из кабинета потайным ходом, поднялись по лестнице к одной из башен.

Несмотря на лившийся в окна свет, здесь было холодно. Стены и потолок, казалось, искрились льдом. Дышали морозом росшие из пола стеклянные сталагмиты. Посреди помещения пылал священный огонь Грома. Ясное, почти невидимое пламя плясало на каменных плитах, не согревая, не освещая. Оно казалось прозрачным, но сквозь него виднелись не стены святилища, а изломанные горы, нагромождение валунов, провалы расщелин.

Ренье встал на одно колено и приложил руку к сердцу. Лийер и советник Гир последовали его примеру.

– Мудрости твоей просим, Великий Гром. Вразуми невежественных, не дай ошибиться, разреши наш спор, – произнес ван. – Ты дал нам знак напасть на островных варваров, смести их, уничтожить, поработить. Стать владыками всех земель. Приказываешь ли ты нам выступить завтра, как и намечалось, или отложить поход?

Ничего не произошло.

– Идиотская затея, – прошипел правитель. – Если бы Гром хотел предупредить нас, он бы сделал это более явно.

– Он сделал это вполне явно, – парировал Ренье.

– Всем известно, друг мой, как я тебе доверяю, как ценю твои советы, но ты часом не перебрал за обедом маковой настойки? – съязвил ван.

В это мгновение раздался гул. Лепестки пламени взметнулись к потолку, затрепетали, налились кровавым цветом. В багровом мареве появилась рука с выставленной вперед ладонью.

Лийер вскочил и попятился. Гир поморщился и потер виски. Оба смотрели на Ренье с ужасом и уважением.

– Великий приказывает нам остановиться, – сказал тот. – Гир, держи армию в полной боевой готовности. Постарайся собрать как можно больше ополчения на защиту городов.

Советник встретился с ним взглядом и кивнул.

– Все так паршиво?

– Не то слово. – Фире помолчал и добавил: – Я чувствую, как оно близится, как прет на нас.

Ван положил руку ему на плечо.

– Знает ли верховный торий?

Ренье помедлил.

– Полагаю, Великий Гром не мог не предупредить первого из своих слуг.

– Интересно, почему же здесь он говорил именно с тобой?

– Я ваш приближенный.

Лийер прищурился.

– А почему не со мной лично? – спросил он. В его словах звучала обида.

– Может, вы слишком заняты, чтобы услышать глас свыше?

Воцарилось молчание. Ван потирал руки, погрузившись в размышления. Потом решительно кивнул.

– Пожалуй, ты прав. Оповещу сеньоров. Пускай зовут народ под защиту крепостных стен. Пойдемте в кабинет, надо решить, что лучше предпринять в сложившейся обстановке.

Ренье немного расслабился.

«Может, справимся?» – подумал он, глядя на священное пламя.

Ладонь исчезла, и огонь снова стал прежним. Прозрачные сполохи взлетали к потолку, мимолетно отражая очертания покрытых снегом гор.

Давешняя музыка еще билась у него в ушах, громыхала барабанами, звенела литаврами. Среди хаоса звуков можно было бы разобрать отдельные слова и фразы, но Ренье не хотел даже пытаться. Он и так знал, что услышит.

На центральной площади, примыкавшей к одной из стен дворца, была давка: сотни челобитчиков стремились попасть на прием к вану, между ними сновали торговцы с лотками, предлагали пирожки, чесночные сухарики, копченую рыбу и сласти. В толпе бродили пестро одетые женщины с оголенной грудью и плечами, сверкали поддельным золотом браслетов и брошек. Провинциальные господа, не имевшие понятия о том, что кратчайший путь не всегда самый верный, ехали во дворец верхом или в экипажах, надолго застревая в людском водовороте.

Ренье остановился на последней площадке западной, почти заброшенной дворцовой лестницы и окинул взглядом бурлящую площадь.

«Они еще не ощущают присутствия, – подумал он. – Пока не ощущают».

Предчувствие тугим обручем стискивало ему виски, пульсировало в венах.

«Вы все умрете», – выдохнули стены дворца.

«Умрете», – злорадно прошептали ступени.

Ренье встряхнулся, пытаясь отделаться от тревожных мыслей. Зашел за колонну, присел на корточки и отодвинул плиту в ее основании. Сбросил плащ, стянул куртку, снял пояс с придворным мечом. Аккуратно свернул одежду в узел и спрятал ее в тайнике. Запустив туда руку почти по плечо, извлек непритязательного вида накидку и перевязь с

любимым клинком. Поставив плиту на место, фире, насвистывая, пошел вниз.

По периметру площади стояли крытые ряды, где можно было купить все – от рыболовных крючков и поношенной обуви до серебра и островных диковинок. Ренье пробирался между прилавками, злобно скалясь в ответ на предложения зазывал. Меч он держал под мышкой, навершием вперед.

Возле лавки старьевщика Ренье свернул налево и углубился в полутемный, вечно сырой квартал бедных магазинчиков и второсортных питейных заведений. Здесь было тихо. Смердели под вечерним солнцем жирные лужи, из щелей высовывались крысиные мордочки. У перекрестка фире будто бы невзначай кинул взгляд через плечо, проверяя, нет ли за ним слежки, после чего нырнул в дурно пахнувшую подворотню, пробежал дворами и вышел на безлюдную улицу.

– Добрый господин! Добрый господин! – окликнул его чей-то голос.

Ренье обернулся. На пороге одного из домов стояла всклокоченная старуха в ветхом сером платье.

– Добрый господин! – Она протянула руки. – Не бросайте нас здесь! У мужа моего ноги отнялись, не ходят. Не успеем мы, не успеем!

– О чем ты говоришь? Куда не успеете?

– Спастись! Спастись, добрый господин! – Старуха бухнулась на колени, прижалась лбом к земле. – Помогите нам, помогите! Муж мой из благородных, писать может, читать. Я стряпаю, посуду мыть могу, полы, стираю, штопаю. Пригодимся вам, добрый господин! Оно уже идет, идет, надо торопиться! Оно близко!

Ренье замер.

– Близко?

Женщина подняла голову. В ее глазах застыл ужас. Губы дрожали.

– Не бросайте нас, – попросила она. По морщинистой щеке скатилась слезинка. – Надо предупредить доченьку, внуков, пока еще не поздно!

– Я должен идти.

– Оно убьет нас! Убьет нас всех!

Ренье повернулся и пошел прочь, слыша за спиной бессильные сдавленные рыдания.

Баня «Последняя капля» была не совсем тем, чем казалась снаружи. Под нарядной вывеской, изображавшей мочалку и перевернутый кувшин, скрывалось заведение весьма подозрительное.

В приемной комнате рядами висели простыни и полотенца, громоздились одна на другую кадки. На полках были разложены куски мыла, бритвы, массажные масла и коробочки с тальком. Вдоль стен стояли покрытые льняными дорожками лавки. Несмотря на сильную влажность и духоту, окна всегда были не только закрыты, но и задернуты шторами.

За стойкой в углу стоял вечно хмурый детина по имени Пнога. Он молчаливым кивком приветствовал завсегдатаев, предлагал пиво или яблочную водку. Несмотря на царившую здесь дружелюбную атмосферу, банщик не слишком радовался приходу новых клиентов – отвечал им односложно, упирал на нехватку дров и отсутствие горячей воды. Самых настырных гостей выпроваживал несильными, но унизительными толчками в грудь.

– Иди-иди, откуда пришел, – приговаривал Пнога. – Объясняют же: поленца закончились, ждем, пока подвезут.

– Так ведь дым из трубы идет, – пробовал протестовать незадачливый, но наблюдательный визитер. – Значит, кто-то парится!

– С собой топливо принесли, стало быть, – не давал сбить себя с толку банщик. – За чужой счет хочешь помыться, ворюга?

Ренье переступил порог «Последней капли» с легкостью заправского купальщика. Небрежно кивнул присутствующим и подошел к стойке.

– Душа просит парку, – негромко сказал он. – И чтобы по высшему разряду.

Пнога открыл дверцу толстобокого буфета, достал бутыль, встряхнул ее и принялся рассматривать на свет.

– Мочи нет, как просит, – проявил нетерпение Ренье.

– Так сильно, говоришь?

Банщик облокотился на стойку, рассматривая пришельца. Очевидно, что-то в его облике показалось Пноге заслуживающим внимания. Он вздохнул и свистнул помощника.

– Эй, Вихратый, подежурь пока.

Из-за буфета вынырнула лохматая голова.

– Чего?

– Подежурь, говорю. – Пнога вручил Вихратому бутыль, неторопливо снял фартук и направился к двери, ведущей во внутренние помещения дома.

Ренье последовал за ним.

В коридоре было темно, сыро и очень тепло. Лампы едва освещали неумело, но пестро разрисованные стены и беленый потолок. На крючках висели пучки высушенных трав и цветов. Где-то невдалеке шумела вода.

Коридор свернул направо, на простенках между дверьми появились выполненные в пастельных тонах гобелены.

– Нельзя ли поживее? – раздраженно спросил Ренье.

Пнога недобро глянул на него через плечо и нырнул в занавешенный портьерой проем. Как и предполагал фире, банщик привел его в комнату для переодеваний. Шум воды усилился, перерос в грохот.

Пнога отодвинул лежанку, свернул ковер и резко ударил ногой по одной из плит. Что-то отчетливо щелкнуло, и плита уехала в сторону, открывая ведущую в темноту лестницу.

– Соблаговолите, – сказал банщик. – Ежели крыс увидите охамевших – не бейте их, они ейные, заклинательские, осерчать может.

Фире кивнул и пошел вниз.

В квадратной зале без окон Ренье бывал не раз, но его все еще завораживало пение фонтанов, звон бегущего в мраморном русле ручья, тревожный перестук капель. Он замер, вдыхая свежий воздух, освобождаясь от давящих мыслей.

Если бы ван Лийер увидел его здесь, то он, вероятнее всего, приказал бы отрубить фире голову. Или подвесить над муравейником за пальцы ног. Или бросить в чан с кипящим маслом. К счастью, ван считал, что таких мест больше нет и слухи о них – лишь пустая болтовня.

Холодные струи оплетали потолок, тянулись от угла к углу, обволакивали колонны и балки, висели пеленой на входе, образуя прозрачный щит. Простая, но сильная магия бегущей воды надежно скрывала от посторонних глаз место обитания последних свободных заклинателей. Могли ли великие и грозные ширам-ши прошлых дней вообразить, что их далеких потомков будут травить, как докучливых и опасных грызунов? Унижать и заставлять служить?

Фире вздохнул, глядя на высеченную в стене фигуру Грома. На каменном лике было множество капель, но бог не казался плачущим: его глаза смотрели угрюмо и нетерпеливо. В могучих руках он держал двуручный меч. Гром-защитник – последняя надежда умирающего народа, единственный якорь, спасение и оплот – был готов покарать любого, кто посмеет напасть на изгоев.

– Ты зачем пришел, Мейрах? – разбил тишину женский голос.

Ренье зачерпнул воды из ближней раковины, плеснул на лицо, пригладил волосы.

– Важное дело, Бруари. И очень срочное, – сказал он.

– Ты ведешь себя как несмышленый чийнах. Что может быть важнее того дела, что мы уже начали? Того дела, которое ты ставишь под угрозу своим поведением?

– Задай этот вопрос себе, ширам-ши. Может быть, тебе подскажет твое сердце. – Ренье отвязал ножны, положил их на пол и сел на корточки, прислонившись спиной к колонне. – А я подожду.

Вода заволновалась, забурлила сильнее, ручьи вздыбились волнами, подпрыгнули вверх струи фонтанов.

– Ты тоже его слышишь? – тихо спросила Бруари, выходя на центр зала.

Это была крепко сбитая женщина с неприятными, очень жесткими чертами лица. На ней не было ни алмазного палантина, ни тиары, но исходившая от ширам-ши сила ошеломляла, заставляя вспомнить былую мощь ее народа.

– Уже несколько часов, – ответил Ренье.

– Я думала... Я решила, что это лишь мое воображение...

– Ты ошиблась. Оно идет сюда.

– Кто это? Зачем оно здесь?

– Не знаю. Но, боюсь, не с мимолетным дружественным визитом, – пожал плечами Ренье.

Бруари села рядом с фире. Возле ее ног тут же примостилась неведомо откуда взявшаяся крыса, заелозила хвостом по мокрому полу и осторожно взобралась заклинательнице на колени. Та погладила ее по спинке.

– По-твоему, сейчас самое время позубоскалить?

– Отнюдь. Сейчас самое время серьезно обдумать ситуацию.

– Судя по твоему тону, ты уже все обдумал и даже принял решение, – бросила ширам-ши сквозь зубы.

Из-за колонны показалась вторая крыса, стремительно пересекла зал и запрыгнула Бруари на плечо. Ренье наклонил голову.

– Да.

– И каково же оно?

– Мы должны отменить восстание.

Гладившая крысу рука замерла. Отточенные ногти впились в шерстку зверька.

– Ах, вот как? – процедила заклинательница. – Так просто – взять и отменить? Чудесная идея, фире.

– Пока не поздно, Бруари, – продолжал он. – Свяжись со всеми. Прикажи выждать. Мне нужно всего несколько часов, чтобы разобраться. Потом я скажу, что надо делать. Может быть, еще не слишком поздно.

Она молча глядела на него, и в ее глазах светилась бешеная злоба.

– Ты рехнулся. Спятил. Ты приходишь сюда меньше чем за день до начала восстания и требуешь повернуть все назад? Оставить пленников

во власти извергов, чтобы те вынуждали их применять священные обряды для убийства островитян? Сказать нашим людям: простите, приходите в другой раз, а пока возвращайтесь в свои берлоги? Ты хочешь уничтожить труд многих лет, разрушить надежды?

– Не забывай, что это был и мой труд, – тихо сказал Ренье.

Ее губы растянулись в улыбке.

– Да. Я помню. Ты – наш герой, Мейрах. Проник в высшие слои, поднялся к самому трону узурпатора, стал советником. Помогал организовывать бунт, добывал необходимые сведения. Поверь, если бы не это, от тебя бы уже остались одни головешки. Маленькие дымящиеся угольки.

Бруари встала, и устроившиеся на ее плечах крысы тоже поднялись на задние лапки, запищали, оскалили острые зубы.

– Мне плевать, что там пришло в наш мир. Ты же сам сказал, что не знаешь, что это и зачем сюда явилось. А если, по велению Грома, удастся использовать его пришествие на благо дела? А если оно поможет нам – прямо или косвенно – разделаться с ваном и его людьми? Освободить наших братьев и сестер?

– Оно сожрет нас всех. И народ материка, и островитян, и заклинателей. Ему все равно, кого жрать.

Послышался дробный перестук коготков, и еще три крысы подбежали к беседующим, уселись рядком, вытянув хвосты.

– Мы не столь беззащитны, как чийнахи, – бросила ширам-ши.

– Мы достаточно беззащитны. Бруари, надо всего лишь переждать. У нас еще будет шанс отомстить.

– Если мы сейчас упустим момент, дадим вану Лийеру расправиться с островитянами, ничего у нас больше не будет.

– Лийер не пойдет на острова, – раздельно произнес Ренье. – Я сказал ему, что Гром говорил со мной и предупредил об опасности. Армия ждет в полной готовности.

– Ты посоветовал вану отложить выступление?

– Да.

– Ты слишком много на себя берешь, – процедила Бруари, зловеще скривив губы.

– Ты действительно думаешь, что пришедший может нам помочь? – очень спокойно спросил Ренье.

Ширам-ши с вызовом кивнула, уперев руки в бедра.

– Я видела его. Это зверь. Любого зверя можно приручить.

Фире пристально посмотрел на искаженное яростью лицо Бруари. Взял за руку. И вложил свои пальцы в ее раскрытую ладонь.

– Значит, ты видела слишком мало. Давай глянем вместе?

– Нет! Нет! – воскликнула она, пытаясь вырваться, но было уже поздно.

Окружавший их мир истаял, оплыл, открывая потусторонний, пугающий ландшафт. От горизонта до горизонта тянулась черная равнина. Кое-где торчали обгоревшие, похожие на обелиски стволы деревьев. В воздухе висел дым.

– Умрете! – проревел доносившийся отовсюду голос.

Сверкнула молния, и на землю обрушился ливень. Вода смыла слой пепла, помутнела, и стало видно, что равнина не черная, а темно-красная, цвета спекшейся крови. Повсюду проступали следы – отпечатки огромных когтистых лап. Громоздились кучи изломанных костей. Висевшие на ребрах черепа покачивались под порывами ветра, издавая тоскливый, стонущий скрип.

– Отпусти!

Руку Ренье обожгло холодом, он вскрикнул и очнулся. Бруари лежала на полу, свернувшись в клубочек. Ее била дрожь. Возле ног ширам-ши валялись мертвые крысы.

– Проклятье, – еле слышно прошептала она. – Нам уже ничто не поможет.

По бледной щеке скатилась слеза. Ренье опустился на колени, погладил заклинательницу по голове.

– Отзови людей, Бруари. Пока не поздно. Они должны быть готовы защищать города.

– Нам уже ничто не поможет, – повторила она.

– Мы сами себе поможем.

Ренье подхватил с пола ножны и направился к дверям. Бруари поднялась на локтях и посмотрела ему вслед.

– Не уходи, – попросила она.

– Я должен идти.

– Это бессмысленно.

– Бессмысленно было бы сразу сдаться.

– Прошу тебя.

– Мы еще увидимся. Главное – отзови людей.

– Не уходи.

– До свидания, Бруари.

Заклинательница тряхнула головой и встала. Оперлась рукой о колонну, прислушиваясь к стихающему звуку шагов.

– Прощай, Ренье, – сказала она и тихо, неумело заплакала.

Когда фире Мейрах снова оказался на улице, солнце уже скрылось за крышами домов. На брусчатке лежали длинные тени, веяло сыростью

и прохладой. Колокола на башне Великого Грома звонили тревожно, предупреждающе.

«Там знают, – подумал Ренье. – Слава богу, там знают, там знают!»

Он поспешно свернул за угол, наискось срезал скверик и, быстро миновав бедный, почти не освещенный квартал, вышел на площадь перед дворцом. Остановился возле прачечной, оправил одежду и зашел внутрь. Навстречу ему выбежал пухлый юноша.

– Что угодно? – спросил он, кланяясь и прижимая руку к сердцу.

Ренье молча положил на стол жетон с выдавленным номером. Юноша кивнул и исчез в соседней комнате. Через несколько мгновений он вернулся и вручил фире бумажный сверток, перетянутый бечевой. Бросив приемщику монету, Ренье вышел из прачечной, свернул за угол и остановился в безлюдном проулке. Развернул обертку, достал выстиранную и выглаженную серую мантию. Накинул ее на плечи, завязал тесемки, спрятал лицо под просторным капюшоном. Из потайного кармана рубашки извлек черный с проседью парик, накладную бороду и несколько разноцветных тюбиков.

Несколько минут спустя из проулка вышел смуглый, приятной наружности монах. Степенным шагом пересек площадь, на минуту остановился возле коновязи дорогого трактира, придирчиво прищурился, выбирая лошадь.

– Вот эту, – приказал он перепуганному слуге, вскакивая в седло. – Передайте ее хозяину благословение Великого Грома.

– Слушаюсь, благородный брат.

Ренье легонько хлопнул кобылку ладонью по боку, та вздрогнула, встала на дыбы и, направляемая наездником, устремилась в лабиринт улочек.

В городе было уже совсем темно. Владельцы кабачков спешили зажечь фонари у своих дверей, пошире распахивали окна. Лавочники же, напротив, гремели засовами, прятались за надежными ставнями и решетками, чтобы подсчитать дневные барыши. Несмотря на поздний час, народу было много. На каждом перекрестке, возле каждого дома стояли небольшие группки взволнованно переговаривавшихся людей. Они еще не понимали, что происходит, но подсознательный, животный страх заставлял их держаться вместе.

Вдоль проспекта, ведущего к башне Великого Грома, выстроилась беспокойная живая колонна. Потрескивали факелы, раздавался нервный смех, ругань.

– Веди нас, Гром-воин! – неуверенно скандировала собравшаяся возле самых стен толпа. – Веди нас к победе!

– Не бросай нас!

– Дай нам знак!

– Мы в твоей власти!

Услышав цокот копыт, толпа хлынула к приближавшемуся всаднику, окружила его. Десятки рук потянулись к стременам, к сбруе, но коснуться даже краешка накидки Ренье никто не решался.

– Благородный брат! – выкрикнул жилистый мужик в мясницкой робе.

Ренье обернулся, глядя на него из-под капюшона.

– Да, друг?

– Что нам делать, благородный брат?

– А почему вы здесь?

Мясник оглянулся на товарищей в поисках поддержки.

– Ну... мы это...

– Потянуло вдруг, – поддержал его кто-то.

– Странность в душе приключилась.

– Непонятные свербения всякие.

– Странность, значит? – хмыкнул Ренье.

Мужики испуганно заулыбались.

– Верно, благородный брат! Дома сидеть мочи нет никакой. Не гоните уж!

– Не гоню, не гоню, не бойтесь.

– Прикажите чего. Авось, мы подсобить сможем, всем миром-то?

Ренье тронул поводья.

– Оставайтесь пока здесь, если уж вам так неймется. Вдруг сгодитесь для чего.

Кобылка дернула головой, обеспокоенно фыркнула и медленно двинулась с места. Толпа живо расступилась, открывая коридор к воротам башни. Когда всадник подъехал почти к самому входу, давешний мясник снова протиснулся вперед и окликнул Ренье:

– Благородный брат! Погодите, благородный брат!

Фире придержал лошадь.

– Да, друг?

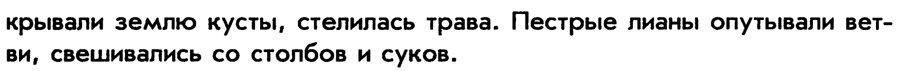
– А что случилось-то, благородный брат?

Шумно переговаривавшиеся люди разом замолчали, стихла брань, звон бутылок. Все повернулись к Ренье, открыли рты, ожидая ответа.

«Вы все умрете, умрете, умрете...» – выводил у него в голове дикий, скрежещущий хор.

– Самое страшное, – помедлив, бросил он и скрылся за воротами.

Храм утопал в зелени. За внешними стенами начинались настоящие джунгли: тянулись в небо заморские деревья, пышным кружевом на-

крывали землю кусты, стелилась трава. Пестрые лианы опутывали ветви, свешивались со столбов и суков.

Возле конюшни Ренье спешился, шлепком направил лошадь к поилке и, привычно лавируя между клумб и грядок, направился к группе озабоченно беседовавших монахов. Служители Великого Грома встретили фире как родного. Его окружили, приобняли за плечи и повлекли во внутренние помещения башни.

– Ты где шляешься, разбойник? Весь храм на ушах стоит с самого ужина! – выговаривал ему беспокойный, как воробушек, дедок, чьи волосы напоминали растрепанный стог сена.

– Наи бегают как прищученные, то построение затевают, то еще какую перекличку. Еле тебя спасли. Сперва сказали, что ты на кухне дежуришь, потом – что с поручением выехал, – вторил ему худющий косой отрок по имени Фред.

Ренье виновато кивал:

– Да вот, задержался что-то. В городе – паника, народ мечется, не пройти, не протолкнуться. Пришлось лошадь прихватить, чтобы к вечернему сбору успеть.

Старик – его звали Вясел – семенил рядом с ним, высоко подобрав полы шерстяной накидки и заглядывая спутникам в глаза.

– Успел – и славно. А то мало ли что. В любой момент ведь может... Шарахнуть.

– На сердце как-то муторно, – вставил Фред. – У многих братьев видения начались. Пророки, почитай, в отключке валяются. Некоторые особо чувствительные – тоже. Чудо-юдо еще до нас не добралось, а мы уже сидим с мокрыми штанами в состоянии полной небоеспособности, лапкоподнятости и невменяемости.

Он говорил весело, с насмешкой и напором, желая зубоскальством скрыть снедавшее его беспокойство.

– Скорей бы все прояснилось, – с тоской выдохнул молчавший до сих пор монах со спокойным, умным лицом – Сирд. – Не помирать страшно, а смерти ждать. Решилось бы все по-быстрому...

Вечернюю тишину рассек звон колокола. В полутемной прихожей он звучал приглушенно, зловеще.

– Вот и зовут. Сейчас все решится, – шепнул Вясел.

Мимо них сплошным потоком шли служители Великого Грома. Младшие наи поторапливали братьев, выговаривали медлительным.

Все спешили занять места вокруг статуи Грома Разгневанного, возвышавшейся в центре молитвенного зала. По углам, в низких чашах, курилась цирея – трава, прояснявшая сознание, освобождавшая разум от бремени земного. В клубах дыма фигура бога была видна не совсем

отчетливо – время от времени сквозь белую пелену проступали то увенчанная рогами голова, то широкая, закрытая пластинами доспеха грудь, то шипастый хвост. Попираемый копытами камень просел и пошел глубокими трещинами.

«Бойтесь гнева Грома», – гласила надпись на пьедестале.

Ренье вздрогнул и потер лоб.

– Время, – сказал он.

Фред посмотрел на него с недоумением.

– Чего?

– Верховный торий у себя, говорю?

Сирд покосился на Вясела. Дедок пожал плечами.

– Кто его поймет. То ли медитирует, то ли размышляет, то ли по другим измерениям бродит. Послы из дворца третий час дожидаются. Но уж к сбору-то появится.

– Мне надо срочно к нему попасть. Минуя привратников и прочих сторожевых псов. Это очень важно. Поможете?

Благородные братья обменялись удивленными взглядами и уставились на Ренье с почтением и испугом.

– Так это он тебя весь день гонял? – догадался Вясел.

– Значит, ты для него шпионишь?

– Оказывается, ты доверенный агент Главного?

Ренье смущенно откашлялся. Ему не хотелось открываться, но в сложившейся ситуации ничего лучшего он придумать не мог.

– Я помогаю верховному торию, – осторожно начал он.

Монахи переминались с ноги на ногу, ожидая продолжения. Их лица в обрамлении серых капюшонов казались на удивление похожими.

– Мне было поручено кое-что разузнать, – Ренье закусил губу, – не привлекая к расследованию половину служителей храма.

Колокол зазвонил громче.

– Не стойте, благородные братья, не стойте! – выкрикивал лысый най. – Продвигайтесь на свои места!

В руке он держал лампу, испускавшую пряный травяной дым.

– Я должен попасть к нему до начала сбора.

Отрок покачал головой.

– Тебя не пустят – только и всего.

Ренье отмахнулся.

– Я пройду тайным ходом. Главное – отсюда ускользнуть. – Он глазами указал на ведущую к верхним этажам лестницу.

– Ты мог бы просто сказать наям...

– Верховный не желает огласки. – Ренье понизил голос. – Вы же его знаете. Если что не так сделаю – раздавит. Разотрет в кашицу.

Они знали тория и потому поверили сразу. Сирд нахмурился, Фред беспомощно захлопал ресницами.

– Но чем мы можем помочь?

Повисло молчание. Наконец Вясел тяжело вздохнул:

– Только не мешайте мне.

Шаркающей походкой старик приблизился к стоявшему возле лестницы наю, делая вид, что хочет пройти к заднему нефу. Стрельнул глазами по сторонам и с громким стоном осел на пол, повалив семисвечник и поставец с глиняной вазой.

– Ой, сердце, сердце кольнуло! Жжет-то как, мочи нет!

Най бросился к нему.

– Ты что, Вясел?

– Ой, кончаюсь, не иначе, – прохрипел симулянт.

– Точно кончается, – поддакнул Фред. – Аж зеленый ликом стал.

– Что ты несешь, болван? Каким еще ликом? – разозлился най. – Быстро дуй за лекарем, а то дежурство внеочередное получишь.

– Давит-то как! – причитал Вясел.

– Воды, скорее!

– Коньяку лучше, – встрял Сирд.

– Помираю, братцы!

Убедившись, что никто на него не смотрит, Ренье проскользнул к лестнице и взбежал по ступеням. Перед ним открылся сводчатый коридор, который заканчивался инкрустированной драгоценными камнями дверью. Еще раз оглянувшись, он провел ладонью по стене, нащупал небольшую выпуклость в форме солнца и последовательно надавил на несколько лучиков. Раздался гул, часть стены отъехала в сторону. Ренье протиснулся в образовавшуюся щель и понесся по темному ходу, все время поворачивая направо. Внизу раздалось хоровое пение.

«Проклятье, уже начали! Только бы успеть», – подумал он, влетая в пахнущую мятой гардеробную.

Отодвинув мантии, Ренье выскочил наружу и оказался в просторных покоях. Свет фонарей просачивался через витражные окна и падал на пол цветными бликами. За дверью переговаривались стражники и послы вана Лийера.

На ходу отлепляя бороду, фире бросился к тазу с водой, быстро умылся, снял серую накидку и облачился в аккуратно разложенное на кровати искристо-черное одеяние. Прикрыл лицо шелковым шарфом и кинул быстрый взгляд в зеркало. Советник вана фире Ренье Мейрах, заклинатель, шпион и первый помощник мятежной ширам-ши, благородный брат – верховный торий Великого Грома был готов к выходу.

Когда Ренье поднялся на балкон, зал уже гудел от нетерпения. Между фигурами монахов струился дым, поднимался к потолку, стелился у подножия статуи.

– Приветствую братьев моих, – сказал Ренье, кланяясь в пояс.

Собравшиеся ответили тем же.

– Вы знаете, вы чувствуете, что принес сегодняшний день, – продолжал он. – Неведомая тварь явилась в наш мир, желая уничтожить в нем все живое.

Его голос звучал приглушенно, почти тихо, но легко разносился по всему помещению.

– Мы можем погибнуть. Если ничего не предпринять, то конец этого дня станет и концом света. Надо забыть о распрях, о раздорах и противоречиях. Надо отложить все споры. Надо отменить войны. Мы должны выступить как одно целое, плечом к плечу. Только тогда у нас есть шанс победить.

Зал разразился криками:

– Приказывайте, торий!

– Возьмите наши жизни!

– Ведите нас!

Ренье поднял руку, и возгласы стихли.

– Сегодня я заглянул во многие окна, во многие души, во многие сердца. Наш мир разрывается на части. Мы на грани смуты, гражданской войны, голода и разрухи. Сосед ненавидит соседа, брат – брата. И только одно объединяет всех... – Он обвел глазами собравшихся. – Вера в Великого Грома. Эта вера поможет нам подняться на борьбу с общим врагом.

Монахи молчали.

– Наи и благородные братья! Идите в город! Созывайте народ в храмы! Но пусть здесь останется каждый десятый: мне понадобятся силы, чтобы провести разведку. Тогда мы точно будем знать, что делать. По велению Грома!

Зал взорвался. Братья поднимали руки, приветствуя тория; выкрикивали слова молитв.

– По велению Грома!

– Скорее, в город!

– Звонари, на башни!

Полилось тягучее пение колоколов. Оставшиеся в храме монахи встали на колени, скрестили руки на груди. Ренье закрыл глаза, втягивая ноздрями остро пахнущий дым, и коснулся открывшихся для него источников. Тонкие струйки потекли к нему, по дороге сплетаясь, вливаясь друг в друга, образуя широкую реку.

— Спасибо, братья! — громко сказал он и нырнул в поток.

Его вынесло к пустынному океанскому побережью. Солнце висело совсем низко над горизонтом, не грея, а лишь едва освещая. Это был полюс — южная оконечность мира.

Чайки с шумом носились по воздуху. Их было так много, что небо казалось темным. Сделав круг над побережьем, птицы собрались в стаю и улетели. Воцарилась тишина.

«Оно войдет здесь», — вдруг отчетливо понял Ренье.

«Вы все умрете», — где-то совсем рядом прошептал гость.

Грань, отделявшая его от мира, становилась все тоньше, истаивая, испаряясь, как корочка льда в теплый день. Ренье уже мог видеть узловатые, тумбоподобные лапы, уродливое туловище, клубки щупалец, жаркие, ищущие пасти. Существо было огромным, невероятно быстрым, гибким и очень, очень опасным. Куда более опасным, чем представлялось Ренье.

«Они не справятся, — с ужасом подумал он. — Они с ним не справятся. Что могут сделать мечи, стрелы и копья против этой шкуры? Что дадут заклинания? Это конец».

Смрадное дыхание отравляло воздух, убивало все вокруг. Возле спинных наростов вились рои мух, по коже ползали пауки.

«Все пойдет прахом».

Краем сознания Ренье чувствовал, как растет питающая его сила: храмы наполнялись истово верующими прихожанами. По его пальцам бегали мурашки, волосы искрились.

«Есть только один способ. Только один».

Он сбросил мантию верховного тория, обнажил меч и через зыбкую пелену шагнул навстречу пришельцу. Тот встретил его неслышным смехом:

«Ты умрешь... Ты умрешь...»

Покрытые присосками щупальца метнулись вперед, желая опутать, поглотить жертву.

«Ты умрешь первым».

Ренье пригнулся, танцующе ушел от удара и стремительным движением меча отсек несколько отростков. Душераздирающий визг разорвал пустоту. Существо подобралось, взвилось вверх и обрушилось на нападавшего. Тот отскочил, закружился, жадно вбирая в себя все больше силы. В путанице безымянных потоков он различал и знакомые: вана Лийера, Гира, могучий источник ширам-ши, коричный ручеек Алеты. Мимоходом дотянулся до Фреда, Сирда и Вясела, зачерпнул чуть больше, чем следовало, оставляя их пустыми, высосанными. Ему не нужны были лишние свидетели.

Узкая пасть щелкнула у самой его груди, прочертив на коже длинные, тут же загноившиеся царапины. Ренье бросился в сторону, перекувырнулся, ударил мечом по незащищенному боку. Из раны полилась вонючая жижа. Зверь пронзительно закричал, замолотил щупальцами, обвил ноги противника, потащил его к себе.

Жгучая ярость затопила Ренье. Бурлившая в нем сила расправила его плечи, налила мускулы невиданной мощью. Широко развернувшись, он двинул по удерживавшим его щупальцам, наискось распорол второй бок пришельца. Соскочил на землю, перехватил меч обеими руками и наотмашь рубанул по глазам. Существо зашипело, задергалось, плюнуло множеством режущих паутинок. Ренье, взлетев в воздух, ударил по открывшимся пастям, повалил чудище на землю и всадил меч в основание бугристой шеи. Навалился на рукоятку всем телом, загоняя клинок глубже.

Существо тонко взвизгнуло, застонало, из разрубленной шеи фонтаном выплеснулась мутная зеленоватая жидкость. Прерывисто дыша, Ренье стоял над ним, наблюдая, как беспомощно и жалко стучат щупальца по скалистой почве. Потом отшвырнул подрагивавшее тело ногой и пошел прочь. Земля проседала под его тяжелыми шагами, отпечатки раздвоенных копыт глубоко врезались в камень.

Он повернулся к океану, наклонил увенчанную рогами голову и прокричал:

– Это мой мир!

Гнев продолжал клокотать в нем. Презренная тварь явилась сюда, чтобы погубить дело его жизни, уничтожить, бездарно сожрать его землю и народ? Разбить лелеемые мечты, разрушить так долго вынашиваемые планы?

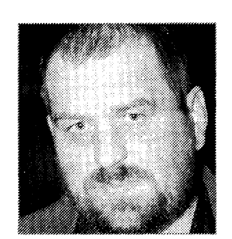
Планы совершенного Апокалипсиса?

Разве тупой зверь может сделать конец света долгим, мучительным и прекрасным? Разве сможет в нужный момент нажимать на скрытые пружины, усиливая и продляя агонию? Взращивать надежды в сердцах, чтобы потом выморозить их безысходностью?

– Я все сделаю сам, – уже спокойнее проговорил Великий Гром и вошел в воду.

Покрытый шипами хвост тянулся за ним по дну, поднимая на поверхность клубы смешанного с песком ила.

Леонид Кудрявцев

ВЕЛИКАЯ УДАЧА

Тот, кто начал читать фантастику в последние годы, вероятно, знает Леонида Кудрявцева как автора двух добротных остросюжетных сериалов — фэнтезийного («Дорога мага», «Тень мага», «Серый маг»...) и научно-фантастического (цикл романов о сыщике Ессутиле Кваке). А вот более опытные читатели до сих пор отлично помнят сборники «Дорога миров» и «Черная стена», которые вышли в начале 90-х в Красноярске и составили писателю репутацию блестящего стилиста с неистощимой фантазией. Приятно, что Леонид Кудрявцев продолжает хранить верность трудному и не всегда благодарному жанру рассказа. Должны же у кого-то учиться дебютанты?! Скажем, тому, как «закрутить» сюжет без всяких перестрелок и драк, за счет одного только интеллекта...

Посвящается Андрею Синицыну и Вадиму Кумоку

– Коктейль? – спросил иск-бармен.

– Кофе, пока только кофе.

Я устроился за ближайшим столиком, и через мгновение передо мной опустилась отправленная по антиграв-лучу чашечка кофе. Отхлебнув из нее, я закурил сигарету.

Бар был пуст, и в другое время я бы не стал в нем надолго задерживаться, но сегодня мне придется просидеть здесь не менее часа. Сегодня – ночь охоты на чудиков, особенная ночь.

Это что-то вроде хобби, истинную прелесть которого может понять лишь другой – такой же, как и я, – охотник за необычной информацией. Я устраиваю такие ночи нечасто. Только если у меня не так уж плохо с деньгами, если нет срочной работы и, конечно, если есть желание слегка поразвлечься.

Вообще-то, положа руку на сердце, я могу признать, что охота за чудиками принесла мне по крайней мере три добротные сенсации, но тут же обязательно добавлю, что на эти три удачи приходится огромное количество попаданий «в молоко». Слишком малый процент попаданий не дает возможности разрабатывать данную жилу в промышленных масштабах, но иногда, для собственного удовольствия, для пополнения коллекции...

Самое главное в охоте на чудиков в том, что ты не можешь даже примерно сказать, с кем в очередной раз столкнешься. Ты просто приходишь под утро в какой-нибудь полупустой, а лучше – совершенно пустой бар, заказываешь себе что-нибудь и ждешь, иногда час, два. Рано или поздно дверь бара открывается, и в него вваливается некто в рубашке не первой свежести и сильно помятом костюме, спрашивает самую дешевую выпивку, садится за столик, находящийся в дальнем углу, и погружается в размышления. Как правило, невеселые.

Можешь себя поздравить: это он – твой объект. Теперь тебе остается только подсесть за его столик, заказать ему выпивку и выслушать его историю.

Причем истории эти по большей части достаточно похожи, словно сшитые в одной мастерской перчатки. Что-то там об обманутом доверии, растоптанной любви, благих намерениях, фатальной неудаче... В общем, они битком набиты разной никому не интересной чепухой. Однако главное в них, самая изюминка в том, что почти в каждой содержится некий чудесный элемент, некая необычная деталь. Допустим, знакомый призрак, старая, поеденная мышами инкунабула с заклинаниями на неизвестном языке, друг, умеющий читать запечатанные письма, а то и тетушка, умудрившаяся выскочить за марсианина.

Именно этим рассказы чудиков отличаются от банальных баек тех, кто любит, хлопнув рюмочку, тут же, за стойкой, поплакаться кому-нибудь в жилетку о своей несчастной жизни. Причем если тебе надоест слушать очередную чудесную историю, ты беспрепятственно можешь утопать в другой бар. Никто не станет тебя догонять, не будет реветь, как насосавшийся пива бабуин, и не сделает попытки разбить твою голову о стойку. Все будет чинно, благородно. Без какого бы то ни было риска.

Чудики... Те три сенсации, почерпнутые мной из их историй, были действительно бесподобны и, случись это лет на сто раньше, возможно, могли бы потрясти мир. В наше же время их хватило всего лишь на несколько вечерних выпусков.

Впрочем, их ценность от этого ничуть не уменьшилась. Как и у каждого настоящего коллекционера, у меня есть своя система оценки ори-

гинальности той или иной истории, и всякой чепухой я свою коллекцию не пополняю. Дешевого вранья в ней тоже нет. Дешевых врунов я вижу за десять метров и к себе не подпускаю. Нет, мне нужны только качественные, действительно необычные истории, способные не просто удивить, но еще и заставить себе сказать: «Черт возьми, может, в этом что-то есть?»

Я положил окурок в пепельницу и допил кофе.

Нет, бар был самый подходящий. Теперь дело лишь за удачей. Благоволит она ко мне сегодня или нет?

Чудики... Почему они приходят именно в это время?

Вот так вопрос. А почему олени ходят на водопой лишь ночью? Потому, что так безопаснее. И предутренний бар – водопой чудиков. А я охотник, устроивший себе схрон возле воды.

Подумав об этом, я не удержался, улыбнулся.

А потом вошел он, и мне стало не до посторонних мыслей, поскольку я почти мгновенно определил его как добычу.

По правде говоря, на чудика он походил не очень и не производил впечатления человека, нуждающегося в деньгах, но некое выработанное за многие годы чутье подсказало мне, что добыча все-таки на водопой пришла. Теперь дело только за охотником. За мной.

Одет он был вполне прилично, можно даже сказать – с шиком. В правом ухе у него поблескивала модная и жутко дорогая разговор-серьга. Я, по крайней мере, смогу позволить себе купить такую только где-нибудь через полгода, когда они, как это водится, резко подешевеют. Еще он был для чудика слишком молод и имел непозволительно уверенный вид, но все равно – я мог бы поклясться, что это мой клиент. Несколько не такой, к каким я привык, но мой. И значит, действовать с ним надо самым обычным образом. Не получится? Ну, значит, я обязательно придумаю что-то еще. Все-таки я считаюсь признанным спецом по сенсациям. А статус – обязывает.

Сделав иск-бармену заказ, чудик окинул меня равнодушным взглядом и уселся за самый дальний столик.

Это меня приободрило.

Я дал ему допить коктейль и сел рядом. Возражений не последовало, и это обнадеживало. Я заказал два коктейля, и когда они появились на столике, один пододвинул чудику.

Возьмет или нет? Ну же...

Чудик немного поколебался, но потом все-таки взял бокал, и я облегченно вздохнул.

Ну вот, трап переброшен. Теперь остается только взойти на борт и выслушать очередную историю загубленной жизни.

– Вы желаете со мной поговорить?

– Утро еще не пришло, – сказал я. – И бар пуст. Почему бы не поразговаривать? Есть же что-то в этой жизни, интересующее вас особенно. Я не ошибся?

– Нет, не ошиблись, – признался он. – А вы – собиратель историй, рассказываемых в барах в предутренние часы?

– А если и так?

Я улыбнулся.

Он был проницателен. Что ж, это неплохо. Шансы получить интересную историю, похоже, несколько увеличились.

– И вы не боитесь услышать вещи, знание о которых само по себе может являться угрозой вашему здоровью, а то и жизни?

Ну, подобное говорят все. Такими заявлениями меня не напугаешь.

– Нет, не боюсь.

– Вы мне не верите? – Он невесело улыбнулся. – Ваше право. Я вас предупредил.

Я слегка встревожился. Таких улыбок я видел немало. Как правило, они предваряли зловещую повесть о кознях «проклятых пришельцев», вознамерившихся, к примеру, похитить здание величайшего на планете квадротеатра и для начала лишивших разума моего собеседника.

Нет, вот такие истории меня не интересовали. Они стоили дешевле, чем бумагопластик, на котором их мог бы записать какой-нибудь начинающий сборщик информации, опрометчиво решивший сделать сенсацию из абсолютно некондиционного материала.

– Так не верите?

– Нет. – Я покачал головой. – Не верю. Впрочем, имеет ли это большое значение?

– Имеет, – сказал он. – Вы угадали, мне действительно хотелось бы кому-нибудь рассказать о себе. Вот только, мне кажется, мои слова нуждаются в доказательствах.

Я заглянул ему в глаза.

Особого блеска, присущего всем этим типам, свихнувшимся на паранормальных явлениях, в них не было. Обычные, серые, спокойные глаза состоятельного, уверенного в завтрашнем дне человека.

Я усмехнулся.

– И доказательства эти привести... – Незнакомец на мгновение задумался, но вдруг радостно встрепенулся. – Да, я могу их привести прямо сейчас. К счастью, у меня есть с собой одна вещица. Полчаса назад она принадлежала некоему отморозку. Ему захотелось изъять у меня денежную карточку, и... В общем, теперь эта вещица у меня. Сам не знаю, для чего я ее прихватил.

– Хорошо, – сказал я. – Предъявляйте ваши доказательства. Я с нетерпением их жду.

– Кстати, меня зовут Сдос, – сообщил он. – Если наш разговор обещает быть долгим, то было бы неплохо узнать имена друг друга. Не так ли?

Я представился.

– Ну вот, – сказал Сдос. – А теперь – доказательства.

Он вытащил из кармана и положил передо мной на стол пистолет, внешне похожий на «дамскую пукалку», на одну из тех безделушек, которые таскают с собой излишне романтичные девицы. Но я-то знал толк в оружии. То, что лежало передо мной, дамской игрушкой не являлось. Это было очень точное и надежное оружие. Называлось оно «тигробоем» и название свое полностью оправдывало. К примеру, пробить обычный бронежилет стража порядка из него можно было запросто.

Я вопросительно взглянул на Сдоса.

Тот улыбнулся.

– Как я уже говорил, это оружие не мое и попало ко мне всего лишь полчаса назад, при весьма любопытных обстоятельствах. Впрочем, к нашему разговору они не имеют никакого отношения. Достаточно уже того, что волей случая у меня оказалось практически безотказное оружие. Вы знаете, что оно славится своей безотказностью?

Я кивнул.

– Отлично, – промолвил Сдос. – Теперь я прошу вас взять в руки пистолет и убедиться в том, что он заряжен. Смелее. Тут нет никакого подвоха. Не стрелять же мне в потолок, чтобы вам это доказать? Мне бы не хотелось потом объясняться со стражами порядка. Они, насколько я знаю, стрельбу в барах не одобряют. Кроме того, их появление может помешать мне рассказать свою историю до конца. Итак...

– Хорошо, – сказал я. – Пусть будет так.

Я ни на мгновение не поверил в то, что он способен исполнить свою угрозу и открыть стрельбу. Просто ему было нужно, чтобы я осмотрел пистолет. Что ж, почему бы не сыграть в его игру?

Надежда моя услышать занимательную историю несколько поблекла, но еще не исчезла окончательно. Может быть, в силу присущего мне от природы оптимизма, не уничтоженного даже теми историями, в которые мне случалось влипать, делая свое дело. Чего стоил, к примеру, один визит в Красноярск, вознамерившийся объявить себя суверенной территорией.

Я взял пистолет, вытащил обойму и убедился в том, что она и в самом деле битком набита оранжевыми коробочками патронов.

Все честь по чести.

– Убедились? – спросил Сдос.

– Да, – сказал я.

Вставив обойму на место, я положил пистолет на стол и отхлебнул из своего бокала.

– В таком случае – смотрите, – промолвил Сдос.

Он быстро – так, что я не успел ему помешать, – схватил пистолет, дослал патрон в ствол, а потом поднес дуло к виску.

– Вы собираетесь застрелиться? – меланхолично спросил я.

– Ничуть не бывало, – сказал Сдос. – Ни в коем случае.

– Тогда положите пистолет обратно на стол. Не стоит играть с ним таким образом.

Вместо ответа Сдос нажал на курок.

Я прекрасно видел, как он это делает, поскольку как раз в тот момент следил за его указательным пальцем. Вот он согнулся, курок сдвинулся, и сухо щелкнул боек. Я ясно услышал щелчок, прозвучавший вместо выстрела.

– Еще раз? – спросил Сдос.

Вид у него был предовольный. Словно у маленького мальчика, которому удалось стащить из соседского сада десяток яблок.

– Почему бы и нет? – сказал я.

– У вас железные нервы, – промолвил Сдос.

– Ничуть не бывало. Просто я умею логически мыслить.

– В самом деле?

Он еще раз нажал на курок, и снова случилась осечка.

Меня это не сильно удивило. Честно говоря, я видел фокусы и похлеще. Тут же все было очень просто. Да, конечно, пистолет заряжен, но кто сказал, что качественными патронами? Вот только говорить об этом не стоило. Если Сдос поймет, что его маленький фокус раскрыт, он может и не рассказать свою историю. А мне хотелось ее услышать. Значит...

– Неплохо, – сказал я. – А теперь, когда доказательства правдивости вашей истории получены, может быть, настало время ее послушать? Как я понимаю, она касается оружия?

– Она касается удачи, – поправил меня Сдос. – Самой настоящей, Великой Удачи.

Я кивнул.

Ну что ж, это лучше, чем умение блокировать действие любого механизма простым усилием мысли, но несколько хуже, чем, к примеру, умение насылать сны эротического содержания.

Впрочем, не тороплюсь ли я? Ведь история еще не рассказана.

– Значит, осечка произошла не случайно? – спросил я.

– Безусловно. Тут вмешался мой ангел-хранитель.

Я слегка выдвинул вперед правую руку и нажал большим пальцем на основание указательного. Крохотная точка, едва заметно мигнувшая на кончике указательного пальца, показала мне, что микрофон квадромагнитофона включен.

Вот теперь можно брать быка за рога.

– Рассказывайте, – сказал я. – Обещаю дослушать ваш рассказ до конца, о чем бы в нем ни говорилось.

– То есть, несмотря на мое предупреждение, вы решились? – спросил Сдос.

– Да, – подтвердил я. – Решился.

– Прекрасно. В таком случае я должен заказать еще по одному коктейлю, и можно приступать. Причем теперь моя очередь оплачивать выпивку.

– Согласен.

Сдос сделал заказ и после того, как на наш столик опустились бокалы, сообщил:

– У меня есть ангел-хранитель. Он начал опекать меня еще до рождения и будет заниматься этим до самой смерти. Если, конечно, она наступит. Впрочем... она наверняка наступит, поскольку люди не рассчитаны на вечную жизнь. И значит...

– Но то ведь люди... – привычно подыграл я.

Он улыбнулся.

– Нет, нет, я обычный человек. Я не умею ходить по воде и читать мысли, я не способен видеть сквозь стены домов, и меня не посещали пришельцы. Однако, как я уже сказал, у меня есть ангел-хранитель, а это не так мало. Во всяком случае, больше, чем вы можете себе представить.

– И именно благодаря его вмешательству пистолет дал осечку, – промолвил я, – причем два раза подряд.

– Конечно.

Я кивнул.

– Мне кажется, теперь настало время объяснить, каким образом вы этим ангелом обзавелись.

– Да, с этого, видимо, и следует начать.

– Итак...

– Я получил его еще до рождения. Точнее, я и родился-то благодаря ему.

– Как же это произошло?

– Генетика. Лет тридцать назад она была в моде. Все, буквально все

проводили эксперименты по улучшению человеческого рода. Вы знаете об этом?

– Знаю, – подтвердил я. – Однако, насколько мне известно, ни один из экспериментов по выведению сверхчеловека не увенчался успехом. До сих пор.

– Верно. Ни один. Сверхчеловека сделать так и не получилось. Но по крайней мере один результат эксперименты принесли. Появился я.

Вот тут у меня в голове и прозвенел звоночек, предупреждающий любого охотника за сенсациями о том, что он обнаружил нечто интересное. Теперь требовалось лишь слушать, да время от времени задавать наводящие вопросы. Туго наполненный бурдюк все же порвался, и его содержимое будет литься – независимо от того, нужно это кому-нибудь или нет, – пока он не опустеет.

– Так чем же вы отличаетесь от обычных людей? – спросил я.

– Еще раз говорю – ничем, – развел он руками. – К примеру, я так же, как и они, в принципе мог бы чем-нибудь заболеть. Но на самом деле этого никогда не произойдет. До тех пор, пока со мной мой ангел-хранитель. А он, мне кажется, будет опекать меня до самой смерти. Хм... смерти? Знаете, вот сейчас, вспомнив о ней второй раз за последние несколько минут, я вдруг усомнился... А умру ли я когда-нибудь?

– Вы в этом сомневаетесь? – подкинул реплику я.

– Никогда об этом не задумывался всерьез. Мне кажется, есть какие-то шансы...

– Шансы?

– ...в том случае, если старение является болезнью... – пробормотал он. – Наверное, у меня должен быть от нее иммунитет. Стоит подождать... Неизбежно.

– Что именно?

Я попытался вернуть его на грешную землю, и, кажется, мне это удалось. Тряхнув головой, словно пытаясь таким образом избавиться от ненужных мыслей, Сдос рассеянно улыбнулся и уже немного другим голосом промолвил:

– Итак, после того, как вы получили неоспоримые доказательства существования моего ангела-хранителя...

Ну, это уже слишком.

– Любое доказательство можно оспорить, – мягко сказал я. – Любое. Мне не хотелось бы вас обижать...

Отхлебнув из бокала, Сдос сказал:

– Хорошо, допустим, вот сейчас, в данный момент, других у меня нет...

– Что совершенно не мешает мне выслушать вашу историю, – подсказал я.

– Да, конечно. Впрочем... – Он кинул на меня задумчивый взгляд, и мне на мгновение почудилось, будто он знает о том, что я наш разговор записываю. – Мне кажется, доказательства будут. Но сначала...

– Да, да, конечно, сначала...

– Прежде всего я должен еще раз напомнить имя моего ангела-хранителя, – промолвил он. – Его зовут – Великая Удача. Не просто удача и даже не просто большая удача, а именно – великая.

– Принято, – сказал я. – Причем теперь мой черед заказывать выпивку.

– Пусть будет так, – согласился он.

Я заказал еще по коктейлю и приготовился слушать дальше.

– Теперь, – продолжил Сдос, – я должен вернуться к рассказу о том, как я им обзавелся. Я уже говорил, что это случилось еще до моего рождения, и, кажется, уточнил, в какое именно время. Но следует объяснить, как это было сделано. Среди энтузиастов, тридцать лет назад с головой погрузившихся в генетические эксперименты, был один, наткнувшийся на любопытную идею, и не просто любопытную, а – достаточно безумную...

– Кто именно? Есть у него имя?

– Конечно, – заявил Сдос. – И, наверное, вы его даже слышали. Это был Ульрик Сосновский.

– Ага, тот самый...

– Именно, – подтвердил Сдос.

Я хмыкнул.

Кто из охотников за информацией не знал Сосновского? Вот только...

– Но, мне кажется, он погиб в воздушной катастрофе как раз лет тридцать назад, – сказал я. – В той самой, которую прозвали Летающей Бойней. Нет?

– Ничего подобного, – заявил Сдос. – Он умер всего пять лет назад, естественным образом, от старости. А насчет «бойни»... Ну, просто Сосновского к этому времени так одолели журналисты, и не только они, что он стал подыскивать способ надолго избавиться от их внимания. К тому же ему страшно не хотелось афишировать эксперименты, в результате которых появился я.

– Почему? – спросил я.

– Их могли посчитать... В общем, в то время была целая куча общественных организаций, ратующих за «чистоту генов», и не только на словах. Сосновскому совсем не хотелось дразнить гусей.

– Хорошо, – сказал я. – Принимается. Идем дальше.

По правде говоря, это объяснение меня несколько разочаровало. Версия о том, что Ульрик Сосновский на самом деле не погиб в авиакатастрофе и что его видели там-то и там-то, была за минувшие десятилетия так обсосана моими коллегами, что из нее нельзя было выжать не то что репортажа, но и пары строк, способных заинтересовать потребителя свежей информации.

– Он воспользовался подвернувшимся случаем, – продолжил Сдос. – Дал кое-кому взятку, и его фамилия появилась в списке погибших в Летающей Бойне. После этого он удалился в заранее приготовленное убежище в одной из стран третьего мира и вплотную занялся своей теорией. Думаю, мне нужно объяснить, в чем она заключается... В общем, он догадался, в каком направлении идет эволюция человека.

– Гм... – сказал я.

– Я не собираюсь читать вам лекцию, – улыбнулся Сдос, – но очень вкратце объяснить суть теории Сосновского обязан, чтобы вы понимали, о чем идет речь. Прежде всего я хочу обратить ваше внимание на то, что человек с древнейших времен физически ничуть не изменился. К примеру, какой-нибудь древний грек ничем не отличается от современного человека.

– Что в этом удивительного? – спросил я. – Со времен Древней Греции прошло так мало времени...

– Зато как изменился окружающий мир, – перебил меня он. – И человек сумел к нему приспособиться. В то время как большая часть других живых существ – нет.

– Но ведь этот мир он сам же и построил.

– Совершенно сознательно? – ухмыльнулся Сдос. – Зная, к чему это приведет, планируя сделать его наиболее удобным для собственного выживания?

Я крякнул.

Вот тут он меня срезал.

Да и стоило ли спорить? Разве я за этим сюда явился?

– Хорошо, – промолвил я. – Выкладывайте дальше.

– В общем, Сосновский предположил, что человек все же изменяется, приспосабливается, просто никто этого не замечает.

– Каким образом?

– В области везения. Он пришел к выводу, что наш средний современник более везуч, чем, например, тот же древний грек. Ситуации, в которых это везение могло бы проявиться, встречаются гораздо чаще. Скажем, древним грекам не приходилось ежедневно переходить запруженную машинами улицу. И болезней тогда было меньше. О боль-

шей части тех, от которых в наше время страдают люди, они и не слышали. А еще – стрессы, а еще – работа. Попробуйте представить, сколько раз за смену рабочий, работающий на штамповочном прессе, играет в орлянку с судьбой, рискуя лишиться руки... А водитель мобиля? Какова вероятность, что он во время полета на работу столкнется с неумелым водителем и погибнет, рухнув со стометровой высоты? В общем, если это все прикинуть, становится ясно, что почти любой наш современник каждый день рискует во много раз чаще, чем тот, кто жил пару тысяч лет назад. При этом каким-то образом средняя продолжительность его жизни гораздо выше, чем все у того же древнего грека.

– Так то – средняя, – сказал я.

– Вот именно, – многозначительно промолвил Сдос. – Средняя. Кто-то умирает достаточно быстро. А кто-то – живет и живет, умудряясь счастливо избегать многих тысяч напастей, ничуть не опережая среднего древнего грека ни по уму, ни быстроте реакции. Благодаря чему?

– Ну, тут можно поспорить, – буркнул я.

– Можно, – кивнул Сдос. – А стоит ли? Тем более что правоту высказанных Сосновским тезисов подтверждает само мое существование.

– Это как? – спросил я.

– Очень просто. Сосновский, как я уже говорил, на теоретических рассуждениях не остановился, он перешел к экспериментам. Он жаждал вывести человека, обладающего просто безграничным везением.

– Каким образом он собирался это сделать?

– Я не углублялся в саму технологию. Знаю лишь принцип. Сосновский постарался сделать так, чтобы зародыши, появившиеся в результате генной хирургии, еще до рождения подверглись испытанию, пережить которое можно было благодаря не просто удаче, а настоящей, большой удаче. Вы меня понимаете?

– Скорее всего, это не потребовало больших затрат, – заметил я.

– Ну да, – согласился Сдос. – Так ли трудно проверить потенциал удачи очередного зародыша? Достаточно в компьютер, управляющий его жизнеобеспечением, ввести особую программу, и она через небольшие промежутки времени будет определять, стоит уничтожить данный зародыш или нет. Причем ответ на этот вопрос находится случайным образом. Это что-то вроде броска монеты, при котором «орел» означает жизнь, а «решка» – смерть. Он назвал свою программу «дамокловым мечом».

– Но ведь с точки зрения гуманности...

– О, нет, – улыбнулся Сдос. – Никто, по закону, не сможет объявить личностью недельный зародыш.

– А потом, когда он немного подрастет?

– Как оказалось, время подрасти было только у одного зародыша. Представляете, сколько раз до того момента, когда он покинул автоклав и фактически родился, он подвергался риску быть уничтоженным?

– Это были вы.

– Ну да. Все остальные ушли в брак. Профессор как-то мне сказал, что было несколько зародышей, продержавшихся под «дамокловым мечом» от одного дня до недели. Но до конца, все девять месяцев, продержался один я.

Я мысленно сделал галочку.

Подробности некогда проводившихся бесчеловечных опытов. Время срывает покровы. И прочее, прочее... Вот тут можно было что-то накопать, тут уже был материал для небольшого сообщения.

– Любопытно, правда? – поинтересовался Сдос. – От меня требовалось всего лишь выжить в течение девяти месяцев. Кстати, мне иногда кажется, что сама мысль о возможности подобных экспериментов пришла профессору совсем не случайно. Может быть, мой ангел-хранитель действовал уже тогда?

– Или даже – раньше, – подсказал я.

– Насколько? – задумчиво спросил Сдос. – Насколько раньше?

Похоже, эта мысль ему понравилась.

– Я боюсь, узнать это невозможно, – сказал я.

– Конечно, – согласился Сдос. – А жаль...

– Может быть, вы продолжите свой рассказ?

– Продолжу. Хотя что тут, собственно, продолжать? Если я уцелел еще до рождения, то после него, с точки зрения обычного человека, жизнь моя является сплошным праздником.

– А на самом деле?

Он пожал плечами.

– В какой-то мере так оно и есть. После того как я вырос и покинул лабораторию Сосновского...

– Покинул? – перебил его я. – Как вам удалось это сделать? Неужели знаменитый ученый не попытался вам помешать? Мне кажется...

– Ему пришлось дать мне свободу. После того как я заявил, что хотел бы посмотреть мир, он как умный человек, осознав, чем грозят попытки меня удерживать, в тот же день отпустил меня на все четыре стороны.

– Угу, – хмыкнул я. – Да, действительно, тут все ясно.

– С тех пор как я ушел из лаборатории Сосновского, – продолжил Сдос, – никаких неприятностей у меня не было. Даже с деньгами. Поначалу, едва у меня появлялась нужда в наличке, я наносил визит в бли-

жайший игорный дом или покупал лотерейный билет. Правда, некоторое время спустя я сообразил, что это не так уж и хорошо. Еще немного, и на мою невероятную удачливость начнут обращать внимание. Как вы знаете, корпорация владельцев казино ведет собственную картотеку особо удачливых игроков, справедливо полагая, что некоторая часть из них схватила судьбу за усы не совсем честным образом. А на тех, кто слишком часто выигрывает в общегосударственную лотерею, по тем же причинам рано или поздно начинают обращать внимание стражи порядка. Осознав это, я решил поставить небольшой эксперимент и стал сознательно избегать ситуаций, в которых мог каким-то образом получить деньги. Соответственно, настал день, когда я потратил последнюю купюру.

– Любопытно, любопытно, – пробормотал я. – И что?

– Мой ангел-хранитель нашел выход и из этого положения. – Сдос покачал головой. – Спустя несколько часов после того, как я остался без денег, в дверь моего гостиничного номера постучал посыльный. Оказалось, что я стал наследником миллионера-сумасброда, составившего завещание таким образом, чтобы все его состояние досталось тому, кто будет проживать в определенном номере определенной гостиницы в определенный день. Понимаете?

– О, да, – промолвил я. – Неужели вы пытаетесь сказать, что ваш ангел-хранитель так могуч?

– Мне кажется, – слегка улыбнулся Сдос, – он может и не такое. Учтите, он не только организовал ситуацию – он ее предвидел. Как я потом выяснил, завещание миллионера было составлено примерно за неделю до того, как он умер. Я тогда еще только додумался поставить свой эксперимент, только лишь до него додумался. Понимаете, что это означает?

Я хмыкнул.

Ну, сенсации из этого не выжмешь, но что-то любопытное, некое пополнение моей коллекции явно получится. Если я правильно оценил направление, в котором двигается мой собеседник.

– Другими словами, – сказал я, – у вас есть теория, с помощью которой вы можете объяснить, почему наш проклятый мир время от времени летит в тартарары. Вы утверждаете, что ваш ангел-хранитель является настоящей причиной всех этих идиотских неприятностей, совершенно невозможных с точки зрения теории вероятности. Взять то же «большое субботнее крушение гигантобуса», произошедшее месяц назад. Как показало расследование, оно случилось только благодаря тому, что старший штурман курил определенный сорт бездымных сигарет.

— Теория есть, — согласился Сдос. — И действия моего ангела-хранителя, конечно, влияют на окружающий мир, но что значит один, пусть и очень сильный ангел в сравнении с гораздо менее могучими, но очень многочисленными ангелочками других людей?

— А...

— Вот именно. Теория Сосновского верна. Эволюция идет полным ходом, и на смену человеку обыкновенному приходит человек везучий, очень везучий. У меня всего лишь этого везения неизмеримо больше, чем у моих современников. Не будь опытов Сосновского, возникновение такого, как я, произошло бы, так сказать, естественным путем — может быть, лет через триста, пятьсот. Кстати, попробуйте представить мир будущего, мир очень везучих людей, мир, в котором вымерли все, кому не удается с первого раза кинуть обычный кубик для игры в кости так, что он выпадет нужным образом.

Я попытался это сделать и невольно хмыкнул.

Вот кому действительно сегодня улыбнулась удача, так это мне. И, конечно, мой собеседник безумен, но теорию он выдал мне неплохую. Такой еще в моей коллекции не было. А надо сказать, ее раздел, в котором хранятся объяснения на тему «Почему в этом мире так плохо жить?», весьма обширен.

— Наверное, — предположил я, — это будет мир очень счастливых людей.

— Не думаю, — ответил Сдос. — Умение работать с компьютером не сделало современного человека более счастливым, чем его предка, жившего в Средневековье.

Я улыбнулся.

— Вот это напрасно, — промолвил Сдос. — Если вы улыбаетесь, значит, представили этот мир не таким, каким он на самом деле будет. Мир, в котором процветают не те, кто что-то умеет делать, а те, кому просто раз за разом везет, независимо от их ума и способностей. Мир, в котором эти способности не обязательно развивать, мир, в котором они просто не нужны. Зачем? Ведь есть великое везение.

— Вы слишком пессимистичны, — возразил я. — Представьте мир, в котором каждый человек волей случая найдет себе настоящую любовь, найдет свою вторую половину. Сколько людей сейчас остаются несчастными в личной жизни, поскольку не могут этого сделать? Если, конечно, теория Сосновского верна...

— А вы слишком оптимистичны и принципиально не желаете посмотреть на наше будущее с реальной точки зрения.

— Неужели? — удивился я.

Вот такого мне давненько слышать не приходилось.

– Конечно. В любом деле есть свои плохие стороны. Что происходит с ненужными, неиспользуемыми органами? Они постепенно исчезают. Нужен ли ум человеку, который счастлив и может получить что угодно без малейших усилий, всего лишь потому, что обладает от рождения Великой Удачей? Понимаете?

Я кивнул.

Вот тут что-то было.

– Значит, эволюция...

– Все верно. Кто сказал, что разум является вершиной эволюции? Может быть, он всего лишь промежуточный этап, благодаря которому возникнет истинная ее вершина – человек везучий? Он будет более приспособлен к выживанию, а значит, с точки зрения эволюции более совершенен. Может быть, человек будущего даже будет обладать большим, чем у меня, везением... Представить это трудно, но кто знает?..

Он задумался.

Я взглянул на пятнышко микрофона на пальце. Цвет его не изменился. Это означало, что разговор записывается.

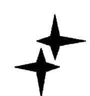
Гм... а может быть, в этом действительно что-то есть? Человек везучий, идущий на смену человеку разумному. Многим читателям эта мысль придется по душе. Она очень хорошо объясняет, почему в этом мире частенько преуспевают те, кто не обладает ни умом, не талантом, ни трудолюбием. Одна лишь наглость, беспринципность и везение... везение... А если еще предположить, что теория Сосновского имеет под собой какие-то основания... Кстати...

– Между прочим, – улыбнувшись, сказал я, – если ваша удача так велика, то кто вам мешает стать, например, президентом нашей страны, а потом, если так этого захочется, и всего мира? Причем от этого все только выиграют. Кто откажется иметь своим правителем чертовски везучего человека?

– Хорошая мысль, – сказал Сдос. – Вот только в данном случае неосуществимая. Я уже говорил, что каждый наш современник более удачлив, чем его предки. Понимаете? Каждый житель нашей страны обладает крохотным ангелом-хранителем. По сравнению с мощью моего защитника силы их ничтожны, но все вместе... Вы поняли, что я имею в виду?

– Кажется, понял.

– Да, да, чтобы быть политиком, нужен особый талант. А я им не обладаю. И если сограждане не поверят в меня как в политика, то их ангелы-хранители сделают все, чтобы я с этого поста убрался как можно быстрее, любым способом. Самый быстрый и надежный – неожиданная остановка сердца или пуля сумасшедшего террориста.

Я щелкнул пальцами.

Молодец, все схвачено и объяснено. Не придерешься.

Впрочем, за время охоты на чудиков мне попадались теории, гораздо более безумные, но тем не менее построенные ничуть не хуже. Дело в том, что у чудиков, как правило, есть время на их обдумывание, на «доводку и шлифовку материала».

А ну-ка, еще вопрос...

– Очевидно, это положение существовало и раньше?

– Ну да, – сказал Сдос. – Тот же Александр Македонский... Не потому ли ему так везло в его завоеваниях, что ему помогали тысячи ангелов-хранителей его воинов, безоговорочно веривших в удачу своего предводителя?

– А как же быть с ангелами-хранителями политиков, вызывавших отрицательные эмоции во всем мире? Вот Гитлер, к примеру. Почему ангелы-хранители большей части жителей Европы не помешали ему их завоевать?

Он пожал плечами.

– А ангелы-хранители Германии? Она-то в него верила, по крайней мере – достаточно долгое время. У Гитлера, кстати, к началу Второй мировой войны были идейные союзники не только в Германии. Может, он потому и проиграл, что умудрился настроить против себя большую часть человечества и с этого момента был обречен? Количество ангелов-хранителей его противников значительно превысило число тех, кто в него верил.

Я крякнул.

Да, не подловишь.

Хотя...

– Значит, Сосновский невольно подтолкнул эволюцию человека везучего лет на триста, пятьсот?

– Нет.

– Почему? – искренне удивился я. – Ваши дети...

Он вздохнул.

– У меня не будет детей.

– Почему?

– Почему? Ну, это же просто. Великая Удача охраняет меня от всех невзгод и опасностей. А заодно и от конкурентов. Понимаете?

– Дальше, – потребовал я.

– Вы так и не поняли?

– Нет.

Он еще раз вздохнул.

– Ну, хорошо, я вам объясню. Конкурентами станут дети. У них бу-

дут такие же, как у меня, а то и более сильные способности. В любом случае, они будут представлять для меня опасность.

– И эта Великая Удача...

– Ну да, она делает все, чтобы они никогда не появились. А учитывая ее всемогущество...

– Значит, вы...

– Нет, нет, – грустно улыбнулся он. – У меня все нормально. Я стопроцентный мужчина. Но все женщины, с которыми мне случается разделить ночь...

– Они умирают, – мрачно сказал я.

– О, нет, – усмехнулся он. – К чему такие крайние меры? Великая Удача предпочитает действовать более простым, требующим меньших энергетических затрат путем. К примеру, неподходящие для зачатия дни... Убивает она лишь в самом крайнем случае. Впрочем, пару раз, прежде чем я до конца осознал, что именно происходит, случалось и такое.

– Значит...

– Да, – резко перебил он. – Именно так. У меня слишком сильный ангел-хранитель. Мне просто не найти женщину, обладающую такой же, как у меня, удачей, способной нейтрализовать действия моего ангела-хранителя и позволить ей зачать от меня ребенка. Помните, вы говорили о том, что большая удача поможет найти свою вторую половину? А как быть, если ее еще нет на свете? Что делать, если она появится не раньше, чем через триста лет? Хотя, возможно, именно сейчас где-то в мире, в такой же, как у Сосновского, лаборатории, некто пытается повторить его опыт. Если одному человеку пришла в голову какая-то идея, то всегда найдется и другой, способный до нее додуматься. И, возможно, в результате этого опыта могла бы возникнуть моя пара, та женщина...

Он замолчал, горестно взмахнул рукой и пригубил из бокала.

Я кивнул.

– Понимаю. Пока вы живы, никто повторить опыт Сосновского не сможет. Великая Удача охраняет вас и тут.

– Верно, – тихо промолвил он. – Так оно и есть. Никаких конкурентов, никакой опасности.

Мы немного помолчали.

Потом я заказал еще по коктейлю.

Сдос глотнул из своего бокала и с горечью сказал:

– Более всего меня убивает даже не это. Вы попали в точку, когда сказали о теории, объясняющей, почему наш мир летит в тартарары. Я вам возразил и рассказал о маленьких ангелах-хранителях других лю-

дей. И все же иногда мне кажется... иногда я пытаюсь представить, как моя Великая Удача в конечном итоге отражается на состоянии мира. Я имею в виду не само прямое ее воздействие, поскольку оно, как правило, касается лишь окружающих меня людей, а последствия этих воздействий, расходящиеся подобно волнам от брошенного в пруд камня. Я не могу знать, на какие меры идет Великая Удача, чтобы защитить меня, к примеру, от попадания в водопроводную систему, из которой я пью воду, каких-нибудь отравляющих веществ или от взрыва ближайшей атомной станции. А если учесть более глобальные опасности, вроде войн.... Кто знает, может быть, подоплека большинства происходящих в мировой политике процессов в действительности имеет целью лишь ограждение меня от каких-то неведомых мне глобальных опасностей?

– Но даже если и так, – сказал я, – то стоит ли думать о процессах, за которыми вы не можете проследить, узнать их реальную подоплеку?

– Вот это и печально. Кто знает, может быть, во имя моего благополучия уже умерло такое количество людей, что меня надо судить как нацистского преступника?

Мы еще немного помолчали.

Я никак не мог придумать, что еще ему можно сказать. В самом деле...

Сочувствовать? Стоит ли сочувствовать тому, кто может получить все, что пожелает, и достаточно быстро? У него никогда не будет детей? Да, скверно, но на Земле проживает великое множество его собратьев по несчастью, лишенных тех привилегий, которые дает обладание Великой Удачей. Он одинок? Ну и что? Я вот тоже в данный момент одинок. Только он способен прямо сейчас отправиться в какой-нибудь клуб для богатых и весело провести там время. Я же буду до утра кочевать из бара в бар в поисках следующего чудика, поскольку более дорогого развлечения себе позволить не могу. Причем, кроме всего прочего, он надежно огражден от всяких там неприятных случайностей, от целого сонмища страшных болезней... да от чего угодно... В то время, как я...

Я вздрогнул.

Зависть? О, нет, это не она. Можно ли завидовать идущему за окном дождю, кошке, наделенной даром получать кайф оттого, что ее гладят по мягкой шерстке, лорду, получившему свой титул от рождения?

Лорду...

Он получил свою Великую Удачу тоже от рождения, не приложив к

этому ни малейших усилий. Можно ли тут чему-то завидовать? Хотя есть же люди, жаждущие дворянских титулов.

Я ухмыльнулся.

А все-таки, наверное, правы те, кто утверждает, будто люди, которые часто общаются с сумасшедшими, рискуют сами слететь с катушек. Вот и я...

С чего я надумал воспринимать фантазии этого чудика всерьез? И вообще, стоит ли сейчас о чем-то думать? Надо попытаться выжать из Сдоса еще что-то, какие-то подробности его мнимой жизни. Еще хоть капельку... Детали, важные мелочи. Чем больше их будет...

– Благодарю, – нарушил молчание Сдос. – Вы меня не только выслушали, но еще и подкинули парочку неплохих мыслей... Это ценный, очень ценный подарок.

– Я счастлив, если смог вам помочь.

– А теперь мне пора, – сказал Сдос. – Думаю, мне надо вернуться домой и эти мысли хорошенько обдумать.

Он встал.

– Подождите, – промолвил я. – У меня к вам еще столько вопросов. Неужели вы позволите мне остаться в неведении...

Теперь я чувствовал себя игроком, сумевшим наконец-то запустить лапу в кассу игорного дома, вернуть себе некую толику проигранных денег, игроком, которому вдруг объявили, что заведение уже закрывается и более никакой игры не будет.

– Мне пора уходить, – жестко сказал он. – И если вы попытаетесь меня удержать... Кто знает, может быть, великое везение расценит это как попытку причинить мне зло...

Я ему, конечно, не верил ни капли, но почему-то в этот момент у меня по спине пробежал холодок. Именно поэтому я так и не задал уже готовый сорваться с губ вопрос.

А он шел прочь, к выходу из бара. Он уходил, гордо вскинув голову, не глядя по сторонам, словно король, шествующий впереди своей свиты.

Я подумал, что так оно в его представлении и есть. Только вместо свиты за ним шествовала Великая Удача. Так ли это хуже? Может, несмотря ни на что, – лучше?

Еще я подумал, что уже почти поверил и в рассказанную им историю жизни, и в теорию Сосновского.

Наверное, это и мешает мне начать действовать. А ведь, по идее, я могу попытаться за ним проследить. Узнать, кто он, откуда, выведать его настоящую историю, истинное имя. Мои годами наработанные инстинкты требовали от меня именно этого. Но я не решился.

Нет, только не я и не сейчас.

Что если в его словах имеется хоть толика правды? Стоит ли связываться с самой Великой Удачей? С ней шутки плохи.

В общем, он ушел, а я остался. И заказал себе еще один коктейль, а как только бокал появился, жадно из него отхлебнул.

А потом пришел в себя окончательно, поскольку жидкость в бокале оказалась все тем же, давно мне знакомым коктейлем «Рафаэль», и, значит, я снова был в реальном мире, в котором чувствовал себя словно рыба в воде, в котором можно было не опасаться...

Я сделал еще один глоток и ухмыльнулся.

А чего, собственно, опасаться? Все уже позади, все закончилось. У меня появился кое-какой материал, и кто мешает мне накатать очередную статейку, например, для «Бюллетеня паранормальных событий» или «Мира непознаваемых тайн», а может, ее даже стоит толкнуть в «Отчеты грядущего Армагеддона»? Сенсации, конечно, не получится, но что-то из разговора с сегодняшним чудиком я выжать смогу.

И вообще, пора заканчивать с коктейлями. Наступало время работать.

На этот раз я заказал кофе и после того, как ко мне от стойки приплыла чашечка, стал прикидывать, каким образом выстрою текст. Скорее всего, в него придется вставить какие-то прогнозы, попытаться придумать интересные возможности использования Великой Удачи.

Какие, например? Да сколько угодно. Сдос не способен быть президентом, но страна, на территории которой он живет, может смело начинать ядерную войну с кем угодно. Ни одна вражеская ракета на ее территорию не упадет. Великая Удача справится с ними надежнее, чем «космический щит».

Хотя нет, это не годится. Чтобы обезопасить своего подопечного, Великая Удача может вообще уничтожить любое ядерное оружие.

Как? Ну, кто же его знает, какой путь она выберет? Как я могу это предугадать? Самый простой вариант – тот, при котором ни одна ракета просто не взлетит. А еще проще – если те, кто будет пытаться открыть военные действия, станут умирать от инфаркта, один за другим.

Я взял чашечку, задумчиво повертел ее в пальцах и поставил обратно на стол.

Кофе...

Нет, надо трезветь, надо приходить в себя, надо начинать работать...

Я снова протянул руку к чашечке и замер, увидев, как по ее боку медленно, словно нехотя, пробежала тоненькая трещинка. Вот она стала шире, бокал тихонько звякнул и распался на две половинки. По сто-

лу расплылась коричневого цвета лужица, разделилась на тоненькие ручейки и вдруг застыла, образовав слово «берегись».

Я протер глаза.

Ну да... Все верно. Все как в старой детской книжке. «Деньги дерешь, а корицу – жалеешь. Берегись».

Как в детской книжке...

– Прошу простить, – послышался голос иск-бармена. – Некачественная посуда. Вам сейчас подадут новый кофе – за счет заведения.

Тотчас на мой столик, ловко переставляя длинные суставчатые ножки, спустился паук-уборщик. Выпустив из брюшка плоский хоботок, он всосал пролившуюся жидкость, собрал осколки, провел по столу дезинфицирующей тряпочкой и вознесся по своей паутинке обратно под потолок.

Передо мной очутилась другая чашечка, но я почти не обратил на это внимания.

Я думал о том, что за прикосновение к тайне надо платить, и весьма дорого. Иногда даже не деньгами.

Кстати, вот еще неплохой вопросец. Что именно Великое Счастье рассматривает как возможность нанесения вреда своему подопечному? Входит ли в этот список мое с ним интервью? Как оно может ему повредить?

Я покосился на чашечку, но взять ее не решился. Кто знает, может быть, у иск-бармена случился сбой в программе, и он добавил в кофе какой-нибудь гадости, способной отправить меня на небеса не хуже цианистого калия?

А интервью... Да, огласка может Сдосу и повредить. И значит...

Медленно, невыносимо медленно, чувствуя, как воздух вокруг меня стал вязким, словно сироп, и, кажется, даже слегка нагрелся, я опустил руку в карман, в котором лежала коробочка квадромагнитофона, и на ощупь нашел нужную кнопку. Теперь для того, чтобы уничтожить сделанную запись, хватило бы и легкого нажатия пальца. Однако как трудно было его сделать.

Вообще-то, мне уже приходилось уничтожать записанный материал. Очень редко, но такое в жизни каждого профессионала случается. Как, например, сейчас, когда сам факт наличия записанного разговора уже является смертельной опасностью.

И все-таки я колебался.

Может быть, я слишком рано испугался? Возможно, лопнувший бокал следует отнести к разряду совпадений? Такое случается и в обычной жизни. Внутренние напряжения... И надпись... Могут же, по идее, четыре обезьяны, если случаю так будет угодно, напечатать на четы-

рех пишущих машинках пьесу Шекспира? Так почему бы жидкости из лопнувшего...

А потом на стенке стоявшей на моем столике чашечки возникла трещина, и прежде чем она расширилась, прежде чем на столик упала первая капля, я нажал на кнопку.

Чашечка все же развалилась. Правда, надписи на этот раз не было, но это уже не имело никакого значения.

Иск-бармен извинился передо мной еще раз и послал мне третью чашечку кофе. Как все искусственные создания, он был лишен любопытства, и, наверное, сейчас это было неплохо. С потолка снова спустился паучок и стал приводить стол в порядок, а я сидел, как мне в этот момент казалось, в полной тишине, и мне вовсе не хотелось думать о том, что через триста или пятьсот лет человечество превратится в толпу, ну, просто очень везучих идиотов. Гораздо важнее для меня сейчас было другое: удовлетворится ли Великая Удача только предупреждением?

Она не является живым существом, не обладает разумом, не способна мстить. Значит, после того, как я уничтожил запись, она должна оставить меня в покое. Я более не смогу нанести вред ее подопечному. Или смогу? Может быть, для этого достаточно всего лишь знать? А поскольку избавиться от воспоминаний нельзя, получается, я обречен?

Нет, нет, не надо впадать в панику. Лучше попытаться прикинуть, где пролегает граница того, что Великая Удача рассматривает как вред ее подопечному. Как далеко простираются ее возможности? Сумеет ли она ликвидировать причины его скверного настроения? Чем рискует тот, кто его, пусть даже невольно, вызвал?

Кстати, входит ли в этот список скверное настроение, напавшее на подопечного по причине случившейся с утра плохой погоды? И что в таком случае может сделать Великая Удача? Разогнать облака? А что будет во время прогулки на пляж – возникнет риск, что он обгорит? Включит ли Великая Удача наше солнце в число объектов нежелательного воздействия на подопечного и чем это может закончиться?

Я тряхнул головой.

Ну да, конечно, тут я хватил. Она не может быть настолько всемогущей. А насколько? Кто знает, может быть, действительно значительная часть происходящих в мире событий случается лишь для того, чтобы уберечь подопечного Великой Удачи от каких-либо неприятностей? Войны по совершенно надуманным поводам, крушение космических кораблей, обвал фондовых бирж и прочее, прочее... Может, и в самом деле все эти бедствия – ходы огромной, разыгрываемой на территории всей планеты шахматной партии, ведущейся для того, чтобы уберечь

Сдоса от любых опасностей, в число которых, к примеру, входит и риск подхватить насморк?

Машинально взяв чашку, я отхлебнул из нее и тут же осознал, какую глупость совершил. А что если бы в ней действительно оказался яд? Впрочем, его не было. И не является ли это признаком, что я уже нахожусь вне сферы внимания Великой Удачи? Может быть, стоит просто отправиться домой и лечь спать? Сегодня ничего интересного уже не будет.

Вот только не мог я этого сделать, поскольку ноги у меня были как ватные, а по спине тек холодный пот. И еще я с большим трудом удерживался от того, чтобы не начать озираться, пытаясь прикинуть, каким образом может достать меня ангел-хранитель Сдоса.

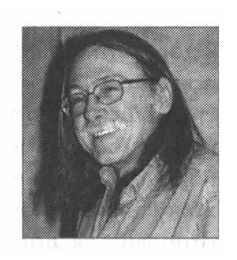
Если даже в кофе не было яда, это ничего не значит. Кто мешает Великой Удаче обрушить на мою голову одну из вон тех декоративных колонн, когда я буду проходить мимо? А может, ловушкой окажется дверь? Что-то в ней разладится, и, попытавшись выйти из бара, я окажусь между двумя сходящимися створками, которые сломают мне шею... А еще что-то может сгореть в управляющем баром компе, и паучок, спрыгнув с потолка, вместо того чтобы протереть мой столик, запросто может вцепиться мне в горло. Причем даже если мне удастся благополучно выбраться из бара, это еще не будет означать, что меня оставили в покое. На улице возможностей покончить со мной еще больше.

И как только эта мысль пришла мне в голову, я почти успокоился. В самом деле, все, что могло произойти, – уже случилось. И куда бы я ни пошел, чем бы ни занялся, если Великая Удача этого захочет, она меня сделает. Причем тянуть кота за хвост не в ее правилах. Наверняка, если мне суждено умереть, это случится в течение ближайшего часа.

А пока мне остается лишь сидеть, задавать себе вопросы, ответы на которые я вряд ли когда-нибудь получу, и ждать. Ждать и надеяться на лучшее, может быть, на собственную удачу.

Что там говорил Сдос? У каждого человека есть свой маленький ангел-хранитель. Может быть, мой поможет мне выпутаться и на этот раз? Отвел же он в сторону пулю снайпера в мятежном Красноярске, помог же выбраться живым из очистных сооружений Варшавы и избежать линчевания в Лос-Анджелесе, свихнувшемся во время краха долларовой системы...

Силы его по сравнению с Великой Удачей ничтожны, но все же... По крайней мере, сейчас он оставался единственной моей надеждой, и более рассчитывать мне было не на кого.

Эдвард Брайант

ТЕОРИЯ ЧАСТИЦ

Американский фантаст Эдвард Брайант, ставший «героем» очередного выпуска персональной рубрики переводчика Владимира Баканова, в России известен только подлинным фанатам жанра: на русском его произведения практически не публиковались. Поэтому возьмем на себя труд представить этого автора: вырос Брайант на ферме в штате Вайоминг, по образованию — словесник. Фантастику стал писать на последних курсах университета, в конце 1960-х. С начала 1970-х — на литературных хлебах. Написал огромное количество рассказов, два из которых — «Камень» и «Муравьи-гиганты» — получили премию «Небьюла» (а вот романы сочинять так и не научился). Кроме того, статьи и колонки Брайанта не раз публиковались в таких изданиях, как «Omni», «National Lampoon», «Penthouse» и «Washington Post Book World». Спрашивается, можно ли назвать этого фантаста неизвестным корифеем жанра? Безусловно!

Мою тень черным камнем швыряет на стену. Веранду заливает преждевременное лето. Все вспыхивает. Элиот ошибался; Фрост был прав.

Наносекунды...

Смерть так же относительна, как и всякая другая очевидная константа. Проносится мысль: «Я умираю?»

Я думал, что это пустой, избитый штамп.

– Вся жизнь спрессовывается в одно мгновенье и проносится перед глазами умирающего. – Аманда налила мне еще бокал бургундского цвета ее волос. И в волосах, и в бургундском играли блики каминных вспо-

---

«Particle Theory» by Edward Bryant

лохов. – Психолог по фамилии Нойес... – Она неожиданно улыбнулась. – Тебе интересно?

– Конечно. – Отсветы огня смягчают резкие черты ее лица. Проступает нежная красота тридцатилетней давности.

Я пью. У меня низкий порог опьянения.

– Почему это происходит? Как? – Мне не нравится надрыв в ее голосе. Внезапно мы отдаляемся друг от друга на расстояние куда большее, чем ширина стола между нами; в глазах Аманды я ищу напоминания о Лизе. – Жизнь уносится – или мы от нее удаляемся, – как неудержимо разносит Землю и межзвездного странника. Взаимное разлетание на скорости света, и разрыв тут же заполняет пустота.

Я держу бокал за ножку, вращаю его, смотрю сквозь искажающее стекло.

Потрескивают сосновые поленья. Аманда поворачивает голову, и то, что ей видится, погибает в пламени.

В тридцать лет я невнятно и обиженно выразил свое огорчение по поводу того, что последние годы ошивался без толку и не сделал ничего значительного. Лиза только рассмеялась, доведя меня сперва до бешенства и надолго вогнав потом в мрачное настроение. Лишь позже я понял, что ее реакция была единственно верной.

– Глупо. Этакий байроновский герой, полный сентиментальной хвастливости и жалости к себе. – Она загородила выход из кухни и произнесла в нескольких миллиметрах от моего лица: – Словно в тридцать ты проснулся и обнаружил, что о тебе слышали только пятьдесят шесть человек.

Я с трудом выдавил слабый ответ:

– Может быть, пятьдесят семь?

Она засмеялась; я засмеялся.

Потом мне исполнилось сорок, и я снова пережил травму псевдоимпотенции. Год я не писал ровным счетом ничего, и уж два – как ничего хорошего. На сей раз Лиза не смеялась; она делала что могла, то есть не путалась под ногами, когда я попеременно хандрил и буйствовал в нашем прибрежном домике к юго-западу от Портленда. Гонорар от книги по термоядерной реакции синтеза помогал нам сводить концы с концами.

– Послушай, может быть, мне лучше уехать, – предложила она. – Тебе не мешает побыть одному.

Временные разлуки не были для нас чем-то новым. В самом начале мы обнаружили, что наш союз заметно расшатывается, если мы проводим вместе больше шестидесяти процентов времени. Но тогда Лиза

внимательно посмотрела мне в глаза и решила не уезжать. Через два месяца я взял себя в руки и сам попросил одиночества. Она отлично знала меня – и снова рассмеялась, потому что поняла, что я выхожу из очередного периода умственной спячки.

Серым зимним днем Лиза села на самолет и направилась к моим родителям в Колорадо. Перед тем как подняться на борт, она остановилась на секунду и помахала с верхней ступеньки трапа; ветер разметал ее темные волосы вокруг лица.

Два месяца спустя черновой план книги о революции в биологии был готов. По крайней мере раз в неделю я звонил Лизе, и она рассказывала о своих новых фотографиях. Потом я использовал ее как слушателя для рассуждений об эктогенезе и гетерозиготах.

– И что мы будем делать, когда ты закончишь свой первый набросок, Ник?

– Предадимся восхитительному безделью. Месяц проведем во власти Трансканадской железной дороги.

– Ты знаешь, как я хочу тебя видеть? – спросила она.

– Наверное, так же, как я тебя.

– О, нет, – возразила она. – Знай же...

То, что она мне сказала, безусловно нарушало федеральные законы. От одного только звука ее голоса, доносящегося по телефонным проводам, у меня дрожали ноги.

– Ник, я заказываю билет. Сразу тебе сообщу.

Думаю, она хотела устроить мне сюрприз. Лиза не известила меня, когда заказала билет. Меня известили из авиакомпании.

Теперь мне пятьдесят один. Маятник вернулся в исходную точку, и я снова горько разочарован, что не достиг большего. Столько еще несделанного! Живи я столетия, мне все равно не хватит времени. Тем не менее вряд ли я столкнусь с этой проблемой.

Врач сказал, что в моей распроклятой крови повышенное содержание щелочной фосфотазы. Как банально звучит эта фраза, как стерильно; и как жалко себя становится. Разве я не могу позволить себе пустить слезу, Лиза?

Лиза?

Смерть... Я хочу сам определить свой срок.

– Очаровательно, – произнес я много позже. – Конец света.

– О Боже, твои вечные шутки! – вспыхнула Дентон, моя знакомая, молодой радиоастроном. – Как можно острить на такую тему?!

– Так мне легче не плакать, – тихо ответил я. – Что толку рыдать и бить себя кулаком в грудь?

– Спокойствие, такое спокойствие... – Она кинула на меня странный взгляд.

– Я знаю врага. У меня было время все обдумать.

Ее лицо приняло задумчивое выражение, глаза смотрели куда-то за пределы тесного кабинета.

– Если ты прав, это может оказаться самым грандиозным событием за всю историю науки. – Она поежилась и посмотрела мне прямо в глаза. – Или самым чудовищным.

– Выбирай. – Я пожал плечами.

– Это если тебе поверить.

– Такая у меня специальность – предположения.

– Фантазии.

– Называй как хочешь. – Я встал и подошел к двери. – Не думаю, что у нас много времени. Ты так никогда и не была у меня... – Я поколебался. – Приезжай в гости, буду рад тебя видеть.

– Может быть, – сказала она.

Мне не следовало выражаться так двусмысленно.

Я не знал, что через час после того, как я выйду из ее кабинета, Дентон сядет за руль своей спортивной машины и помчится по горной дороге. Туристы видели, как она не вписалась в поворот.

Не такова ли цена веры? – с горечью подумал я, когда до меня дошло известие. Я поехал в больницу. Родственников у нее не было, и благодаря помощи Аманды врачи разрешили мне стоять у постели.

Никогда в жизни не видел я такой умиротворенности, такой неподвижности еще живого человека. Шло время, настенные часы тихо отсчитывали секунды. А я никому не мог рассказать...

Возвращаясь к началу...

Как личностей врачей я сносил; как класс они наводили на меня ужас, подобный страху перед акулами или перед смертью в огне. Но в конце концов я решился на обследование, в назначенный день приехал в сияющую белизной клинику и полчаса в угрюмой тоске читал в приемной прошлогодний номер «Научного обозрения».

– Мистер Ричмонд? – сказала улыбающаяся сестра. Я прошел за ней в кабинет. – Доктор сейчас будет.

Она тихо исчезла, а я прислонился к столу. Через две минуты дверь отворилась.

– Как дела? – спросил мой доктор. – Давно не виделись.

– Не могу пожаловаться. – Я обратился к привычному медицинскому ритуалу. – Никакого гриппа.

Аманда посмотрела на меня терпеливым взглядом.

– Ты не нытик, не нуждаешься больше в снотворном или в постоянном подбадривании. Так в чем дело?

Я беспомощно развел руками.

– Николас! – В ее голосе явственно прозвучали раздраженные нотки: давай, говори, мне некогда.

– Ради Бога, не уподобляйся моей незамужней тетушке.

– Хорошо, Ник. Что стряслось?

– Болезненное мочеиспускание.

Она что-то записала. Не поднимая головы.

– Подробнее.

– Натуживание.

– Давно началось?

– Месяцев шесть-семь. Постепенно.

– Что ты еще заметил?

– Учащенность.

– Это все?

– Ну... – промолвил я, – выделения.

Она стала перечислять механическим тоном:

– Боль, жжение, нетерпение, изменение мочи? Консистенция, цвет, сила струи?

– Что?

– Темнее, светлее, помутнения, выделения с кровью, лихорадка, ночное потение?

Я отвечал кивками или односложным мычанием.

– Н-да. – Она еще что-то записала и отложила мою медицинскую карту. – Так, Ник, раздевайся и ложись на стол. На живот.

– О-ох, – вздохнул я.

Аманда натянула резиновую перчатку.

– Думаешь, мне это доставляет удовольствие?

Когда все осталось позади и я, поморщившись, неуклюже прислонился к краю стола, я спросил:

– Ну?

Аманда что-то черкнула на листе бумаги.

– Я направляю тебя к урологу. Тут буквально в паре кварталов.

– Давай выкладывай, – потребовал я. – А не то пойду в библиотеку и проверю симптомы по энциклопедии.

Она ответила мне прямым взглядом голубых глаз.

– Я хочу, чтобы препятствие обследовал специалист.

– Ты что-то нашла своим пальцем?

– Грубо, Николас. – Аманда чуть улыбнулась. – Твоя простата тверда, как каменная. Причины возможны разные.

– То, что Джон Уэйн называл «Большим Р»?

– Рак простаты у мужчин твоего возраста встречается сравнительно редко. – Она заглянула в мою карту. – Пятьдесят лет.

– Пятьдесят один, – поправил я, тщетно пытаясь изменить тон. – Ты забыла поздравить меня с днем рождения.

– Но он не исключен. – Аманда встала. – Когда будут готовы результаты, приходи.

Как всегда, провожая, она похлопала меня по плечу. Но сейчас ее пальцы были слегка напряжены.

Перед моими глазами стояли покрытые травой холмики и мраморные плиты, и, выходя из кабинета, я ни на что не обращал внимания.

– Ник? – Мягкий оклахомский акцент.

Я обернулся, опустил взгляд, увидел взъерошенные волосы. Джеки Дентон, юное дарование из обсерватории Гэмов-Пик, держала на коленях захватанный номер «Научного обозрения». Она чихнула в платок.

– Не подходи. Я дико простужена. Ты тоже?

Я неопределенно развел руками.

– Уколы.

– Да... – Она снова чихнула. – Как раз собиралась тебе сегодня позвонить – позже, с работы. Видел картинку ночью?

Наверное, по моему лицу все было ясно.

– Тоже мне, начно-популярный писатель, – едко заметила она. – Ригель превратился в сверхновую!

– В сверхновую, – глупо повторил я.

– Представляешь, бух! – Джеки проиллюстрировала свои слова руками, и журнал упал с ее коленей на пол. – Но ты не расстраивайся, он будет торчать в небе еще пару недель – величайшее космическое представление.

Я потряс головой, приходя в себя.

– Впервые в нашей галактике за... сколько? Триста пятьдесят лет? Жаль, что ты мне не позвонила.

– Немножко больше. Звезда Кеплера наблюдалась в 1604-м. А насчет звонка – прости. Мы были чуть-чуть заняты, понимаешь?

– Могу себе представить. Когда это случилось?

Она нагнулась за журналом.

– Ровно в полночь. Мистика! Как раз закончилась моя смена. – Джеки улыбнулась. – Нет ничего лучше катаклизма, чтобы забыть о насморке. Сегодня Крис никого не отпускает – вот почему мне пришлось идти в поликлинику.

Кришнамурти был директором обсерватории Гэмов.

– Ты скоро вернешься?

Она кивнула.

– Скажи Крису, что я подъеду. Мне нужен материал.

– Непременно.

К нам подошла медсестра.

– Мисс Дентон?

– Ох. – Джеки кивнула и решительно высморкалась. Высвободившись из объятий глубокого кресла, она сказала: – Как это ты не читал про Ригель в газетах? На первой полосе во всех утренних выпусках.

– Я не читаю газет.

– А радио? Телевидение?

– Телевизор я не смотрю, а в моей машине нет приемника.

Уже почти скрывшись в коридоре, она бросила:

– Этот твой деревенский домик действительно, должно быть, в дикой глуши.

С карниза гаража стекают ледяные капли. Если небо меня не обманывает, то до следующего снегопада еще не скоро.

Закат приходит рано в мой домик высоко в горах; тени вползают во двор и высасывают тепло с моей кожи. Когда-то вершины казались мне добрыми чуткими гигантами.

Что это? Вроде вспышка... Впрочем, нет, всего лишь секундное отражение заката в стеклах. Дом остается темным и молчаливым. Поэтессы из Сиэтла нет уже три месяца. Мой холод – ее тепло. Я думал, что она согреет меня, но ее общество только студило. На прощанье она оставила мне в пустом доме сонет о трескучем морозе.

Последние мои одиннадцать лет нельзя назвать холостяцкими. Но порой... Энтропия в конце концов поглощает любую кинетическую энергию.

Потом я посмотрел на мерцающий восток и увидел восходящий Ригель. Луна еще не появилась, и самым ярким небесным объектом была взорвавшаяся звезда. Она пригвоздила меня к месту ослепительными огнями идущего на посадку самолета. Струящийся свет покинул сверхновую пятьсот лет назад (надо включить эту деталь в неизбежную статью: наглядные образы межзвездных расстояний неизменно поражают читателя).

Сегодня ночью под недобрым взором раскаленного ока погибающего Ригеля... да, меня охватил трепет. Я еще подумал (знаю, это маловероятно): есть ли у Ригеля планеты? Успели ли рассыпаться горные хребты и испариться океаны? Я подумал: смотрели ли пять столетий назад растерянные обитатели, как звездный огонь пожирает небеса? Бы-

ло ли у них время возопить о несправедливости? В нашей галактике сто миллиардов звезд; по оценке, лишь три звезды в тысячу лет переходят в сверхновые. Неплохие шансы. Ригель проиграл.

Почти загипнотизированный, я смотрел, пока меня не пробудил резкий порыв зародившегося во тьме ветра. Пальцы онемели от холода. Входя в дом, я в последний раз взглянул на небо. Поражающий Ригель – да; но мое внимание приковал другой феномен на севере. Точка света вспыхнула ярче окружающих звезд. Сперва я решил, что это пролетающий самолет, но ее положение оставалось постоянным. Не желая верить, зная ничтожную вероятность такого события, я вынужден был признаться себе, что это сверхновая.

Я немало повидал за пять десятилетий. И все же, глядя на небо, я почувствовал себя испуганным дикарем, дрожащим в звериных шкурах. И зубы мои стучали не только от холода. Я хотел спрятаться от Вселенной. Дверь в дом была, к счастью, не заперта – я не смог бы вставить ключ в замок. Наконец я перешагнул через порог и включил весь свет, отрекаясь от двух звездных костров, пылающих в небе.

Уролог оказался суровым человеком по имени Шарп, встретившим меня, как он встречал, я подозреваю, всякий научный образчик, появляющийся в его лаборатории. Он читал некоторые мои книги, и я по достоинству оценил его полное отсутствие уважения к старшим или знаменитостям.

– Вы не будете темнить? – спросил я.

– Можете на это рассчитывать.

И тут не обошлось без проклятой урологической процедуры с пальцем. Когда я наконец оказался в состоянии взглянуть на врача вопросительно, он медленно кивнул и произнес:

– Есть узелок.

Затем последовала серия анализов крови на содержание какого-то энзима под названием фосфотаза.

– Повышенное, – сказал Шарп.

В заключение мне предстояло принять цитоскоп; сияющую металлическую трубку введут в мочеиспускательный канал и возьмут пробу хирургическими щипцами.

– Если биопсия покажет злокачественную опухоль...

– Я не могу отвечать на незаданный вопрос.

– Перестаньте, – сказал я. – До сих пор вы говорили прямо. Какова вероятность излечения злокачественной опухоли?

Вид у Шарпа был несчастный с момента моего прихода. Сейчас он выглядел еще более несчастным.

– Не моя специальность, – отрезал он. – Зависит от многих факторов.

– И все-таки?

– Тридцать процентов. И вовсе никаких шансов, если есть метастазы.

При этих словах его глаза встретились с моими; потом он занялся микроскопом. Несмотря на анестезию, мой член горел, словно в адском огне.

В ночь второй сверхновой я наконец дозвонился Джеки Дентон.

– Я думала, что вчера у нас был сумасшедший дом... Посмотрел бы ты сейчас. У меня одна минута.

– Я лишь хотел удостовериться. Я видел, как она взорвалась.

– Тебе повезло. Все в обсерватории наблюдали за Ригелем... – В наш разговор ворвались гудки. – Ник, ты слушаешь?

– Кому-то нужна линия. Скажи мне только: это самая настоящая сверхновая?

– Самая настоящая. И всего в девяти световых годах. Сириус А.

– Восемь и семь десятых, – машинально поправил я. – И что это повлечет?

– Каковы следствия? Не знаю. Пока думаем. – У меня сложилось впечатление, что она прикрыла трубку рукой; потом снова раздался ее голос: – Послушай, мне надо идти. Крис рвет и мечет. Позже поговорим.

– Ладно. – Мертвая линия донесла до меня шипение всего водорода Вселенной на волне 21 сантиметр. Затем раздались гудки, и я положил трубку.

Аманда казалась расстроенной. Она дважды пролистала какие-то бумажки – очевидно, результаты моих анализов.

– Ну, – сказал я с противоположной стороны стола, с места пациента. – Выкладывай.

– Мистер Ричмонд? Николас Ричмонд?

– Слушаю.

– Говорит миссис Кюрник, авиакомпания «Транс-Запад». Я звоню из Денвера.

– Да?

– Ваш номер мы узнали из квитанции за телефонный разговор, оплаченный Лизой Ричмонд...

– Это моя жена. Я ожидаю на днях ее приезда. Она попросила вас известить меня?

– Мистер Ричмонд, ваша жена находилась на борту рейса № 903, Денвер–Портленд.

– Ну? Что случилось? Она больна?

– Произошел несчастный случай.

Наступившее молчание сдавило мне горло.

– Тяжелый?

– Самолет разбился в десяти милях от Гленвуд-Спрингс, штат Колорадо. Прибывшие спасательные партии сообщили, что живых нет. Примите наши соболезнования, мистер Ричмонд.

– Живых нет? – пробормотал я. – То есть...

– Поверьте, мы сделали все, что могли. Если ситуация как-то изменится, мы немедленно сообщим.

– Благодарю, – машинально выдавил я.

Мне показалось, что миссис Кюрник хотела что-то добавить, но после короткой паузы она сказала лишь:

– Спокойной ночи.

Смерть моя наступила в снежных горах Колорадо.

– Биопсия показала злокачественную опухоль, – произнесла Аманда.

– Что ж, – промолвил я. – Плохо. – Она кивнула. – Каковы мои перспективы?

Искореженные куски металла, словно клыки, вонзились в заснеженный склон горы.

Мой случай необычен лишь относительно. По словам Аманды, рак простаты – наказание мужчинам за хорошее во всех прочих отношениях здоровье. Избегнув других опасностей, мужчина двадцатого века расплачивается простатой. В моем случае расплата наступила на двадцать лет раньше срока – просто не повезло.

При условии, что рак еще не дал метастазы, существовало несколько возможностей. Но Аманда не надеялась на химиотерапию или радиологию. Она предложила радикальную простатэктомию.

Остывающий металл трещал и шипел в снегу; через какое-то время все стихло.

– Я бы не предлагала, если бы у тебя не было впереди много ценных лет. Пациентам пожилого возраста это обычно не рекомендуется. Но общее состояние у тебя хорошее – ты выдержишь.

– И? – подсказал я.

– Ты отлично понимаешь.

Я не возражал против отключения семенных канатиков – мне давно следовало это сделать. В пятьдесят один можно хладнокровно принять стерильность. Но...

— Половые дисфункции? Импотенция? — вымолвил я, и мой голос задрожал. — Я не могу пойти на это.

— Уж будь уверен, сможешь, — твердо заявила Аманда. — Сколько я тебя знаю? — И сама ответила на свой вопрос: — Долго. Достаточно, чтобы понять, что для тебя главное.

Я молча покачал головой.

— Послушай, черт побери, смерть от рака хуже!

— Нет, — упрямо произнес я. — Может быть. Это все?

Это было не все. Я должен был лишиться мочевого пузыря.

— Из меня будут торчать трубки? Если я выживу, то остаток жизни мне предстоит таскать с собой пластиковый мешок для стока мочи?

— Ты представляешь все чересчур мелодраматично, — тихо сказала Аманда.

— Но я прав?

После паузы:

— По существу, да.

На меня обрушилась вся эта ужасная, отвратительная несправедливость.

— Нет. Нет, черт побери. Выбор принадлежит мне. Так я жить не стану. Когда я умру, мои страдания кончатся.

— Николас! Перестань себя жалеть.

— Думаешь, у меня нет на это права?

— Будь же благоразумен.

— Ты должна утешать меня, — заметил я, — а не спорить. Тебя учили, как успокаивать обреченных. Ты сама будь благоразумна.

Мышцы вокруг ее рта напряглись.

— Я предлагаю тебе выбор, — процедила Аманда. — А ты можешь поступать как хочешь.

Много лет я не видел ее такой сердитой. Мы свирепо смотрели друг на друга, наверное, не меньше минуты.

— Ладно, — произнес я. — Прости.

Она не смягчилась.

— Уж лучше бесись, ной, рви и мечи. Последние одиннадцать лет ты жил, словно в спячке.

Я внутренне отшатнулся.

— Я выжил. Этого довольно.

— Ты очнулся — и уже готов поднять лапки? Лиза была бы разочарована.

— Оставь ее в покое, — раздраженно попросил я.

— Не могу. Именно благодаря ей ты мне еще ближе. Не забывай, она была моей лучшей подругой.

«Ты ее слушай, – однажды сказала мне Лиза. – Она гораздо умнее всех нас». Лиза знала о наших отношениях: в конце концов, именно Аманда нас и познакомила.

– Помню. – Я почувствовал растерянность, отрешенность, обиду, оцепенение – всю череду эмоций, ведущую к последнему шагу.

– Ник, у тебя впереди еще не один год жизни. Я хочу, чтобы ты ими воспользовался. И если для этого понадобится имя Лизы...

– А я не хочу жить, если это значит ползать истекающим мочой полумеханическим евнухом.

Аманда пристально посмотрела на меня, а потом сказала искренне:

– Есть почти несбыточный шанс. Я слышала от одного знакомого, что Новой лаборатории физики мезонов в Нью-Мексико требуется подопытный.

Я обшарил свою память.

– Лечение пучком элементарных частиц?

– Пионов.

– Сомнительная штука.

Она улыбнулась.

– Ты споришь?

– Нет. – Я тоже улыбнулся.

– Не хочешь попробовать?

Моя улыбка погасла.

– Не знаю. Подумаю.

– Уже кое-что, – сказала Аманда. – Я сделаю пару звонков. Неизвестно еще, заинтересована ли Лаборатория в тебе в такой же степени, как ты должен быть заинтересован в них. Пока сиди дома. Я дам тебе знать.

– Я еще не сказал «да». Так что мы дадим знать друг другу.

Я не стал признаваться Аманде, но, выходя из ее кабинета, я думал только о смерти.

Как мелодраматично это ни выглядит, но я отправился в город и зашел в оружейный магазин. Через два часа я устал от пистолетов. Сталь казалась неизменно холодной и бездушной.

Дома автоответчик проиграл мне одну-единственную запись: «Ник, это Джеки Дентон. Имей в виду, что Крис устраивает пресс-конференцию в начале недели – вероятно, днем в понедельник. Мы так и не смогли предложить мало-мальски разумной теории, объясняющей три сверхновые и полдюжины "новых", вспыхнувших за последние дни. Однако, насколько я знаю, этого не может сделать никто. Мы чересчур много бодрствуем по ночам, мы превращаемся в вампиров. Когда оп-

ределят точное время конференции, я с тобой свяжусь. Тридцать секунд, наверное, уже кончаются, так что...»

Пока перематывалась лента, в голове у меня кружились странные мысли. Три сверхновые? Одна – всего лишь природа, перекроил я известную фразу. Две – только совпадение. Три...

Повинуясь внезапному порыву, я набрал домашний номер Дентон; никто не отвечал. Все номера обсерватории были заняты. Я считал естественным, что нуждаюсь в Джеки Дентон не только как в слушателе или в источнике информации. Между прочим, в ее кабинете в запертом ящике лежит пистолет. Она не отказала бы мне в просьбе.

Раздражающая регулярность коротких гудков заставила меня очнуться. Минутку, сказал я себе. Ричмонд, ты что предлагаешь?

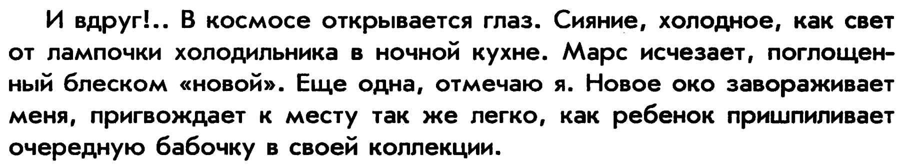
У меня не было ответа. Пока.

Поздно вечером я открыл застекленную дверь на втором этаже и потревожил девственную нетронутость снега на верхней веранде. Я смотрел в ночное небо, а вокруг меня струился теплый воздух из приоткрытой двери. Несмотря на облака, затянувшие Каскадные горы, над тьмой господствовали три сверхновые. Я мысленно провел прямые линии между ними; соедините точки и решите головоломку – что запрятано на картинке?

Несколько лет назад одна сумасбродная затея привела меня к месмеристке – так она себя называла. Накануне я вспомнил, что существует способ расширения возможностей компьютеров. Этот способ, в частности, использовали для увеличения разрешающей способности фотоснимков с «Маринера» и «Викинга». И я отчего-то решил, что и человеческую память можно как-то улучшить и прояснить с помощью гипноза. Воистину дикая фантазия. Но тогда идея показалась мне достаточно разумной и убедительной и привела в заведение мадам Гусман. Мадам Гусман имела кожу цвета бронзы, пестро одевалась и вела себя как стереотип нашего представления о цыганке. Шарф и магический шар были уже перебором.

Перед тем как подняться на борт, Лиза остановилась на секунду и помахала с верхней ступеньки трапа; ветер разметал ее темные волосы вокруг лица.

Единственное, что удалось мадам Гусман, – это как бы заморозить последний образ Лизы. Потом она приблизила меня к ней вплотную. До сих пор мне порой видится в кошмарах: глаза Лизы устремлены вдаль, вся она какая-то зернистая, как на газетной фотографии. Я смотрю, но не могу прикоснуться. Я говорю, но она не отвечает. Меня знобит от холода... и я шире распахиваю застекленную дверь.

И вдруг!.. В космосе открывается глаз. Сияние, холодное, как свет от лампочки холодильника в ночной кухне. Марс исчезает, поглощенный блеском «новой». Еще одна, отмечаю я. Новое око завораживает меня, пригвождает к месту так же легко, как ребенок пришпиливает очередную бабочку в своей коллекции.

Ник!

Кто это?

Ник...

Ты – слуховая галлюцинация.

Здесь, на веранде, вокруг меня вихрится смех. От этого звука должны обрушиться хлопья снега на деревьях. Дрожит немое спокойствие гор.

Секрет, Ник.

Какой секрет?

В пятьдесят один ты уже вполне можешь его отгадать.

Не надо со мной играть.

А кто играет? Сколько бы времени ни оставалось...

Ну?

Одиннадцать лет ты фантазировал, плыл по течению, не реагировал ни на что.

Знаю.

В самом деле? Тогда действуй. Принимай решения. Сколько бы времени ни оставалось...

Невольно дрожа, я схватился за поручень веранды. Призрачный черно-белый зернистый портрет растворился в деревьях. С ветки на ветку, от вершин до земли, падал хрустящий снег. Деревья сбросили свою мантию. Рассыпчатая пыль взметнулась к веранде и коснулась моего лица жалящими бриллиантами.

Одиннадцать лет – это больше, чем половина срока, который проспал Рип ван Винкль.

– Черт побери, – сказал я, глядя в небо. – Черт побери.

На заснеженном склоне в Орегоне я вновь обрел жизнь.

И, Аманда... да. Да.

Сделав пересадку в Альбукерке, мы добрались до Лос-Аламоса с помощью «Авиакомпании Росса». Никогда в жизни я не летал на таком древнем самолете и надеюсь, что никогда больше не буду. На подходе к горам крошечный кораблик изрядно пошвыряло. Я вообще не ожидал возвышенной местности, считая, что Лос-Аламос расположен в окружающих Альбукерке прериях. Вместо этого мне открылся маленький городок, свивший гнездо в седловине покрытых лесом гор.

Безразличный голос пилота объявил приближающуюся посадку, температуру в аэропорту и тот факт, что в Лос-Аламосе больше докторов наук на душу населения, чем в любом другом американском городе.

– Уступая в мире лишь Академгородку, – заметил я, повернувшись к Аманде. Вокруг ее прикрытых глаз собрались морщинки. Похоже, несмотря на старую дружбу, профессиональный долг и желание наблюдать экзотический эксперимент, Аманда сожалеет, что вызвалась сопровождать меня к «фабрике мезонов».

Большая часть Лаборатории физики мезонов находилась глубоко под землей. Нас изнурительно долго водили по всем помещениям; полагаю, значительно дольше, чем обычных пациентов и их лечащих врачей, – честь, выпавшая на долю не столько подопытного кролика, сколько журналиста. Все увиденное наводило на мысли о дорогих декорациях для научно-фантастического фильма: плавные изгибы сияющего эмалевой белизной кольца главного ускорителя, напоминающие коридоры космической станции из «Одиссеи 2001 года»; зона пуска; пятиметровая пузырьковая камера, смахивающая на какую-то машину времени...

Я бывал и в лаборатории Ферми в Иллинойсе, и в Церне в Женеве и потому имел общее представление об оборудовании. И все же мне пришлось несладко, когда я объяснял Аманде невообразимую путаницу физики высоких энергий, словно сошедшую со страниц «Алисы в стране чудес». Не легче приходилось и Делани, молодой женщине-биофизику, на время лечения приставленной ко мне. Попробуйте рассортировать мезоны, пионы, хадроны, лептоны, барионы, джи-частицы, фермионы и кварки и такие квантовые характеристики, как странность, цвет, барионовое число и очарование. Особенно очарование – это эфемерное качество, отвечающее за то, что определенные виды радиоактивного распада должны происходить, но не происходят. В конце концов я захлебнулся в море кварков, антикварков, очарованных кварков и кварклетов.

Какой-то шутник поставил табличку на столик дежурного в административном корпусе: «Очарованы вас видеть».

– Это шутка, да? – неуверенно спросила Аманда.

Делани, относившаяся ко всему с предельной серьезностью, не рассмеялась.

– Кое-кому это кажется забавным. Лично я не нахожу.

Мы без конца обговаривали предстоящее лечение. Я оптимистично помечал себе для будущей книги: «Основная проблема радиологической терапии рака заключается в том, что жесткая радиация не только убивает раковые клетки, но и заражает окружающие здоровые ткани.

В середине 70-х годов исследователи нашли более перспективное оружие – пучок субатомных частиц, который можно сфокусировать исключительно на ткани опухоли».

Будучи младше Аманды лет на двадцать, Делани испытывала садистское удовольствие, разыгрывая роль учителя:

– Расщепляя атомные ядра в малых масштабах...

– В малых? – невинно спросила Аманда.

– В меньших, чем в атомной бомбе. Значительная часть энергии внутриядерных связей чудесным образом переходит в материю.

– Чудесным образом? – повторила Аманда.

Я поднял на нее взгляд, оторвавшись от зеленого сукна бильярда, в который мы играли все втроем в комнате отдыха ЛФМ.

– Гм... – Делани сбилась с лекторского тона. – Физический жаргон.

– Общий жаргон, – возразил я. – Чудо – столь же определенное качество, как и очарование.

Аманда рассмеялась.

– Это все, что я хотела знать.

Для меня важно чудо мезонов, атомного клея. Говоря точнее, мое чудо – отрицательно заряженный пион, подвид мезона. Электромагнитные поля могут сфокусировать пионы в управляемый луч и выстрелить им в нужную цель – в меня.

– В физике нет чудес, – серьезно сказала Делани. – Я неправильно выразилась.

Я промахнулся. Мягкий удар, и шар закатился в угловую лузу, минуя номер одиннадцатый. Получилась подставка для Аманды.

Она посмотрела на стол и улыбнулась.

– Смотри не расклейся.

– Здорово сказано, – заметил я.

Атомный клей иногда отпускает – благодаря уникальному качеству пионов. Когда они сталкиваются с ядром другого атома и захватываются им, то превращаются в энергию – крошечный ядерный взрыв.

Аманда тоже промазала. Уголки рта Делани удовлетворенно искривились. Она склонилась над столом и нацелилась твердой рукой.

– Увеличьте число пионов, увеличьте число ядер мишени, и вы получите контролируемый взрыв, высвобождающий значительно больше энергии, чем обладает входящий пучок пионов. А!..

Она положила одиннадцатый и двенадцатый, потом собрала все шары. Мы с Амандой обменялись взглядами.

– Разбивайте, – сказала Делани.

– Твоя очередь, – бросила мне Аманда.

ЛФМ выстрелит лучом направленных пионов в мою непокорную

простату. Если все пойдет по плану, то пионы, столкнувшись с раковыми клетками, перейдут в энергию очередью атомных вспышек. Раковые клетки более чувствительны, и повреждение ткани будет ограничено, локализовано в карциноме.

Представить себя как поле ядерного сражения в миниатюре!..

Делани оказалась неумолимым игроком. Победа для нее означала все. И она ни разу не проиграла. Я решил истолковать это как добрый знак.

– Пора, – сказала Аманда.

– Тебе вовсе ни к чему говорить таким тоном, словно ты ведешь приговоренного к электрическому стулу. – Я тщательно завязал белый медицинский халат, надел тапочки.

– Прости. Ты волнуешься?

– Нет, пока Делани рассматривает меня как мост к Нобелевской премии.

– Она хороший специалист. – Голос Аманды звучал неестественно громко в стерильной кафельной комнате. Мы вышли в коридор. За дверью меня ждали Делани и два техника.

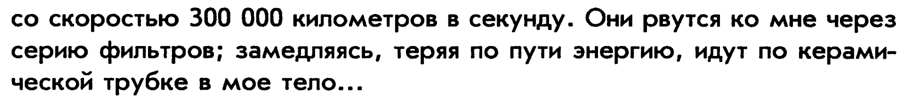
Есть такое состояние, лежащее далеко за пределами стыдливости, когда вас распластывают голым животом на столе, а раздвинутые щечки зада смотрят в жерло медицинской пушки. Керамическая трубка идет через анус к моей простате. Я окружен оборудованием и защитным экраном. Мне жарко и чрезвычайно неудобно. Аманда накачала меня какими-то препаратами со зловещими названиями. Теперь, одурманенный, я не мог решить, какое из множества неудобств вызывает наибольшее раздражение.

– Счастливо, – произнесла Аманда. – Не успеешь опомниться, как все будет позади. – Меня шлепнули в бок.

По-моему, я слышал тонкий свист настраивающихся электронных приборов. Разум мой готовился отключиться на некоторое время; я не мог вспомнить даже, сколько миллионов электрон-вольт погонят пучок пионов в мои внутренности. Доносились звуки, которые я не в состоянии был определить, словно со скрежетом закрывалась огромная стальная дверь.

Мой мозг отрешенно плыл в химической реке; я ждал, пока что-то произойдет.

Грохотание шариковых подшипников, катящихся вниз по желобу; нет, пронзительный визг частиц, проносящихся мимо изгибающих магнитов

со скоростью 300 000 километров в секунду. Они рвутся ко мне через серию фильтров; замедляясь, теряя по пути энергию, идут по керамической трубке в мое тело...

Пион плывет по атомным морям релятивистски конечное время, стремясь к ядру-мишени. В определенной точке пион больше не пион: то, что временно было материей, снова переходит в энергию. Вспышка разрастается, истощается и затухает. Происходят другие взрывы. Тьма и свет перемешиваются.

Свет сливается в шар – массивный, раскаленный. Шар проваливается внутрь себя. Его температура поднимается до критического уровня. При 600 миллионов градусов занимаются ядра углерода. Образуются более тяжелые элементы. Когда топливо истощено, шар проваливается глубже; опять температура прыгает вверх, опять образуются более тяжелые элементы и, в свою очередь, поглощаются. Цикл повторяется, пока ядерная печь не производит железо. Ядерная реакция дальше не пойдет; огонь затухает. Без внешнего баланса реакции синтеза шар претерпевает окончательное разрушение. Температура достигает 100 миллиардов градусов. Все возможные ядерные реакции закончены.

Шар взрывается в последнем судорожном катаклизме. Его энергия рассасывается, поедается энтропией. Все это происходит за время не большее, чем требуется солнечному свету, чтобы достичь Земли.

– Как ты себя чувствуешь? – В поле зрения появляется Аманда, затмевая яркие лампы над головой.

– Чувствую? – Рот мой словно набит ватой.

– Чувствуешь.

– Сравнительно с чем?

– Ты молодец.

– Давлю на педаль газа, – говорю я.

Она сперва удивляется, потом начинает смеяться.

– Ничего, скоро пройдет. – Аманда выходит из поля зрения, и в мое лицо ударяет свет.

– Как же тормоза?.. – бормочу я. Меня разбирает смех. Что-то колет в руку.

Полагаю, Делани собиралась держать меня под присмотром в Нью-Мексико до предвкушаемой церемонии в Стокгольме. У меня не было на это времени. Подозреваю, что времени не было ни у кого. Аманду начали беспокоить мои периоды мрачного молчания; сперва она приписывала их лекарствам, затем двухнедельным проверкам, которым подвергали меня Делани и ее коллеги.

– К чертовой матери! – заявил я. – Надо бежать отсюда. – Кроме нас с Амандой, в комнате никого не было.

– Что?

– Каковы мои шансы?

Аманда улыбнулась.

– Можешь участвовать в конкурсе на долголетие.

– Я больше не пациент; я – подопытный объект.

– Так что теперь делать?

Под прикрытием темноты мы вышли из ЛФМ и полкилометра продирались через кустарник к шоссе. Там на попутке добрались до города.

Мне снятся пионы. Я вижу разноцветные, заполненные водородом шарики, вспыхивающие в ночи. Я вижу газетное лицо Лизы. Ее улыбка одновременно горда и печальна.

У Аманды полно пациентов и более чем достаточно собственных забот. Я несу свои кошмары Джеки Дентон в обсерваторию. Я делюсь с ней галлюцинациями, пережитыми в камере ускорителя. Мы смотрим друг на друга через маленькую комнатушку.

– Я рада, что ты поправляешься, Ник, однако...

– Дело не в этом, – перебил я и пустился в рассуждения, мешая в одну кучу лучи пионов, врачей, сверхновые, раковые опухоли, огненные шары и богов.

– Боги? – выхватила она. – Боги? Ты что, собираешься писать об этом?

Я кивнул.

Джеки смотрела на меня так, словно перед ней внезапно появился сумасшедший.

– Никому это теперь не нужно, Ник. Вся планета и так бурлит. Излучение «новых» может нарушить слой озона, вызвать мутации... Люди напуганы.

– Это только предположение.

– В переполненном театре не кричат «пожар!», – заметила она.

– Или в переполненном мире?

– Только не сейчас, – серьезно произнесла Джеки.

– А если я прав? – Я чувствовал усталость. – Что тогда?

– Сверхновая? Исключено! У Солнца просто нет такой массы.

– А «новая»?

– Возможно, – выдавила она. – Но это не должно случиться еще пару миллиардов лет. Звездная эволюция...

– ...всего лишь теория, – закончил я. – «Не должно случиться» еще не значит «не случится». Взгляни сегодня вечером на небо.

Дентон молчала.

Мне следовало остановиться, но я не мог. Я должен был выговориться.

– Ты веришь в Бога? Какого угодно?

Она покачала головой.

– А в концентрические вселенные – одна внутри другой, как китайские резные сферы из слоновой кости? – Ее лицо побелело. – Выбирай карту, – сказал я. – Любую наугад.

– Будь ты проклят! Заткнись! – Суставы рук, сжавших край стола, побелели, как ее губы.

– Очаровательно, – произнес я, не задумываясь о завораживающей силе слов, забывая, во что может обойтись вера.

Не думаю, что она специально свела свою машину с дороги. Я не хочу так думать. Разумеется, она ехала ко мне.

Может быть, сказала она.

Кошмары следует держать дома. И вот я стою на своей веранде в разгар полдня Земли. Не надо беспокоиться о разрушении озонового слоя и – как следствие – о возможном раке кожи. Не надо беспокоиться о мутациях и генетическом ущербе. Жаль, что никто никогда не прочтет мою книгу о лечении пионами.

Все это – может быть.

«Солнце светит ярко» – мелодия погребально крутится у меня в голове.

Возможно, я ошибаюсь, вспышка утихнет. Возможно, я не умираю. Все равно.

Если бы сейчас со мной была Аманда, или я стоял бы у постели Джеки Дентон, или хотя бы у меня было время подойти к могиле Лизы среди сосен... Но времени нет.

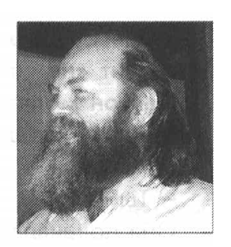
По крайней мере, я прожил сколько прожил – по собственному решению.

Вот в чем секрет, Ник?

Ослепительный свет пожирает Вселенную.

Перевод Бориса Белкина

Святослав Логинов

МАМОЧКА

У российской НФ долгая и славная история, российская фэнтези тоже завоевала уже место под солнцем, а вот с российской литературой ужасов дело обстоит сложнее. Ее, конечно, пишут, но как-то без особого успеха. Обычно такое положение дел объясняют повышенным скепсисом читателей, которые в подавляющем большинстве остаются атеистами. Но, может, дело еще и в особенностях национального характера? У нас же если ужасы, то полный мрак какой-то. Безнадега точка ру. Как читать-то такое, непонятно... Вот и новый рассказ патриарха нашей фэнтези Святослава Логинова поставил редакцию «ЗД» в тупик. Сделан он, конечно, мастерски, но читать его просто страшно, особенно людям с неустойчивой психикой. И все-таки мы решились напечатать это произведение: может, хоть оно покажет доморощенным эзотерикам, во что им могут обойтись игры с потусторонним...

– Мамочка, а это когда будет?

– Скоро, я же тебе говорила.

– Прямо сегодня?

– Ну, не совсем сегодня... в полночь.

– Все равно, это уже почти сегодня. А другие ведьмы на посвящение придут?

– Нет. Только мы с тобой.

– Ой, как здорово! А идти далеко? Или мы полетим?

– Мы пойдем пешочком. Это совсем близко, почти здесь.

– Жалко... Я бы хотела лететь, как настоящая ведьма.

– Ведьмы тоже не все умеют летать, а только самые сильные.

– Ты у меня самая-самая сильная!

– Ладно, болтушка, собираться пора. На вот, держи.

– Ой, мамочка, что это?

– Твое новое платье. Нельзя же тебе сегодня быть замарашкой.

– Какое красивое! Мамочка, а разве ведьме можно белое платье надевать?

– Ты же у меня еще не ведьма.

– Но когда я пройду посвящение, его будет нельзя. Хотя ну и пусть, я его какой-нибудь бедной девочке подарю... только сначала оно в шкафу повисит, а я буду иногда любоваться. Ну как, мама, хорошо?

– Просто замечательно! Пройдись по комнате, я погляжу... оно тебе очень к лицу.

– А можно я брошку с незабудками возьму?

– Можно.

– А это ничего, что она серебряная?

– Надевай, не бойся. Или ты собираешься стать вампиршей?

– Ой, мамочка, ты как скажешь! Вампирши – они же противные! Холодные, как лягушки. Бр-р!..

– Готово? Только накинь пелеринку, а то на улице уже прохладно.

– Мам, а почему ты дверь не запираешь? Ты ее заговорила, да?

– Легонечко, совсем чуть-чуть. Ты смотри, какие звезды! Сегодня безлунная ночь и самые яркие звезды в году.

– Деревенские говорят, что звезды – это глаза ангелов, которые следят, чтобы люди не грешили.

– Глупости. Тогда бы все грешили днем, когда звезды не горят. Звезды – это небесные огни, поставленные, чтобы находить дорогу. Днем нельзя высоко летать, солнце сожжет, а ночью – самое лучшее время. А чтобы не заблудиться, на небе загораются звезды. Большой ковш, Малый ковш, а вон – Чертовы Вилы, люди называют их Волосы Вероники. А это – След Метлы или Млечный путь.

– Это дорога, по которой мы будем летать на шабаш?

– Нет. Так высоко могут подниматься только великие колдуньи, да и то это происходит очень редко. Тогда на небе виден настоящий след метлы, и люди говорят, что явилась комета. Огненная звезда полыхает на небесах много ночей подряд, и никто не знает, что повело чародейку в такую даль, какие дела она вершит. Помыслы великих сокрыты от простых людей, да и от колдунов тоже. Ведьмы низших степеней могут лишь смотреть в эту высоту и завидовать.

– Мамочка, а ты какой степени?

– Я – ученая ведьма. Это почти самое высокое звание. Обычные, природные ведьмы бывают двух видов: те, которые умеют только вредить, – это самые слабые, и те, которые умеют лечить. Еще бывают люди с зеленой рукой, но это уже почти не ведуньи, просто у них, что ни посадят, все растет. А иные знают петушиное слово, их тогда никакой зверь не трогает, даже цепной пес к такому ласкаться станет. Ученые ведьмы гораздо сильнее их всех, они и лечить могут, и вредить, если понадобится. По ночам летают только ученые ведьмы, потому что

им подвластна вся природная магия, а не часть, как обычным колдуньям.

– Я тоже буду ученой ведьмой. Это так здорово – все уметь, чтобы люди просили помочь им... вот как та красивая тетя, что приходила к тебе недавно. Она так кланялась, так кланялась, мне было ужасно жалко, что у нее заболел мальчик, и я радовалась, что ты его вылечишь.

– С чего ты взяла, будто у нее заболел мальчик?

– А потому что девочки слушаются мам, и с ними никогда ничего не случается. Ну, может, горлышко заболит, и надо будет лежать в постельке и глотать сладкую микстуру. А мальчишки везде бегают и ломают ноги. И если им не поможет ученая ведьма, то они так и останутся хромыми.

– А!.. Понятно. Только у этой тети нет ни мальчиков, ни девочек. Она просила, чтобы я извела ее старого, ревнивого мужа, из-за которого она не может часто встречаться со своим ухажером. Она думает, что когда овдовеет, ухажер женится на ней. А я знаю, что он все равно бросит ее через месяц, потому что собирается жениться на другой. И тогда эта дама придет и станет просить, чтобы я свела в могилу ее бывшего любовника. Просто из мести. Люди всегда так: делают одну мерзость за другой, то из любви, то из ненависти, но во всем непременно винят нас. Твоя красивая тетя тоже не понимает, что это она убийца, а я – всего лишь ученая ведьма, которая хорошо выполняет свою работу.

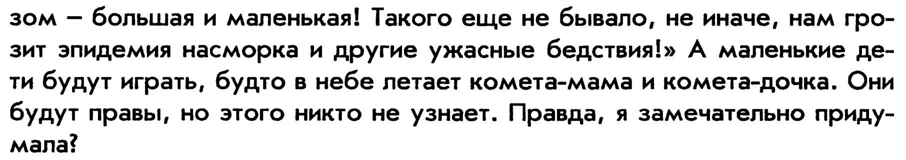
– Никакая она не моя, и не красивая, а очень даже противная. И на шее у нее вовсе не родинка, а бородавка. Ее вообще в жабу надо превратить. Почему ты ей помогаешь, когда ее надо превратить в жабу?

– Ну, во-первых, не умею превращать в жаб людей, даже таких нехороших. Это могут делать только великие ведьмы. И потом... мне просто приказали выполнить ее просьбу. Ученым ведьмам подвластны природные явления, но ведь есть еще инфернальные силы, а им могут приказывать лишь великие. Я, конечно, была вправе отказаться, но такие вещи могут плохо кончиться. С потусторонним лучше не шутить.

– Тогда скорее становись великой ведьмой.

– Эх ты, глупышка... Чтобы стать великой ведьмой, надо пройти через непредставимые испытания. А во время посвящения приходится приносить ужасные жертвы, так что все великие до конца своих дней остаются несчастными.

– Мамочка, но ведь у тебя буду я! Мы обе станем великими ведьмами и будем лететь среди звезд по своим никому не ведомым делам. Люди начнут глядеть в небо и говорить: «Смотрите, там две кометы ра-

зом – большая и маленькая! Такого еще не бывало, не иначе, нам грозит эпидемия насморка и другие ужасные бедствия!» А маленькие дети будут играть, будто в небе летает комета-мама и комета-дочка. Они будут правы, но этого никто не узнает. Правда, я замечательно придумала?

– Да, конечно. Ну вот, мы и пришли.

– Мамочка, но это же просто дом! Я думала, мы пойдем в какой-нибудь склеп или заброшенную церковь.

– Склеп годится только для грязных некромантских извращений, а церкви давно облюбовала мелкая нечисть. Нам нечего там делать. Все серьезные дела происходят в самых обычных домах. Осторожнее, здесь ступеньки... Ну вот, теперь можно зажечь свет. Пелеринку повесь вот сюда и дай я тебя причешу...

– Ой, не дергай так!

– А ты стой смирно. Кто ж виноват, что у тебя такие густющие волосы? Все-таки ты у меня ужасно красивая, и платье тебе очень идет.

– Мамочка! Разве так говорят – ужасно красивая?

– Ведьмы именно так и говорят.

– Тогда я тоже буду так говорить. Видишь, какая я ужасная и красивая?

– Стой ты, егоза! Мне еще надо связать тебе руки.

– Зачем?

– Такой обычай. По-настоящему руки развязаны только у ведьм, всех остальных сковывают традиции, собственная глупость или людское невежество. Ты еще не ведьма, поэтому в следующую комнату можешь войти лишь связанной. Так не жмет?

– Не-а. Но ты меня потом сразу развяжи, а то мне так не нравится.

– Я развяжу тебя, как только будет можно, а пока – потерпи.

– Ой, мамочка, это что?

– Алтарь с жертвенником.

– Разве я должна приносить жертву? Ты не говорила.

– Я должна. Прости... я обманывала тебя сегодня весь день. Не ты, а я буду сейчас проходить посвящение. В великие ведьмы. Но сначала мне нужно принести последнюю жертву адским силам, откупиться от них. Я тебе рассказывала про нее... только что.

– Мамочка, ты меня хочешь тут зарезать? Мамочка!.. Мама, не надо, я не хочу!

– Тихо, тихо! Вот так, ноги тоже надо связать. Ты не бойся, я все сделаю очень быстро, ты совсем ничего не почувствуешь. Ты пока лежи тихонечко, я только свечи зажгу.

– Мамочка, я не хочу! Давай лучше ты не будешь великой ведьмой!

– Поздно. Если я сейчас откажусь, мы всего лишь погибнем обе.

– Тогда давай потом, через год или хотя бы через недельку...

– Нет. У каждой ведьмы такой случай бывает раз в жизни. Слышишь? Сегодня бьют сломанные часы на заброшенной церкви. Полночь. Через час обряд должен быть закончен, а он длинный.

– Мамочка, я же знаю, что ты хорошая! Зачем ты вообще согласилась на это?

– Я не знала, что они потребуют такой жертвы. Честное слово, я узнала об этом только вчера, когда уже нельзя было отступать. Прости меня... и закрой глазки.

– Мамочка, подожди еще минутку! Пусть лучше они нас вместе убьют, я знаю, это будет не страшно, когда вместе.

– Нет. Путь надо пройти до конца. Но я отомщу за тебя. Они горько пожалеют, что назначили именно эту жертву.

– Значит, я сейчас умру, а ты станешь великой ведьмой, будешь ходить в белом платье и летать среди звезд?..

– Обещаю, что я никогда в жизни не надену белого платья, а гадкую тетку с бородавкой, когда она явится, превращу в самую отвратительную жабу на свете. Я все сделаю, как ты хочешь, только закрой глаза, время уходит.

– Еще минуточку, ведь час такой длинный. Ты мою брошку с незабудками не выбрасывай и никому не отдавай. Там одна незабудка поворачивается на заклепочке, а под ней надпись: «Ne moublie pas». Это по-французски...

– Я знаю. Пора, доченька.

– Мама, а как же ты теперь будешь жить без доченьки?

– Они сказали, что я смогу родить другую.

– И эту другую дочку ты будешь любить так же, как меня?

– Наверное, нет. Я уже никого не смогу любить, как тебя.

– Это хорошо. А то вдруг понадобится принести еще какую-то жертву... А брошку не отдавай никому, даже новой девочке.

– Ладно. Я все сделаю как ты сказала, только закрой же наконец глаза!

– Не могу, мама. Я не хочу смотреть, как ты станешь это делать, но они не закрываются.

Лариса Подистова

ДВЕСТИ СЛОВ ДЛЯ УЛЫБКИ

Рассказ «Двести слов для улыбки» занял третье место на конкурсе молодых писателей-фантастов, организованном журналом «Звездная дорога» и интернет-сайтом «Самиздат». Его автор Лариса Подистова живет в Новосибирске. После окончания физико-математической школы и гуманитарного факультета НГУ она несколько лет проработала учителем-словесником, а сейчас занимается версткой и компьютерным дизайном печатных изданий и время от времени публикует в разных местах свою прозу и стихи. Что же касается рассказа — «бронзового» призера нашего конкурса, представить его можно следующим образом: это социальная фантастика с космическим антуражем и актуальными политическими аллюзиями. Любопытно? Читайте!

Орбитальных лифтов на Брилианге по-прежнему не было, поэтому Мовану пришлось пережить посадку станционного челнока. Молодой учитель вышел за ворота стартово-посадочной зоны, слегка пошатываясь и стараясь проглотить обратно вставшие дыбом внутренности. Впечатление не из приятных. Впрочем, ничего другого он от бывшей родины и не ждал.

Мован огляделся и вздохнул. Порт находился далеко за пределами столицы. Служебные помещения представляли собой низкие малопривлекательные здания, которые строители когда-то обшили ярким пластиком. С тех пор никому и в голову не пришло хоть раз обновить покрытие...

Пространство на километры вокруг казалось выжженным: до самого горизонта – мертвая земля, почти лишенная растительности; из элементов ландшафта – только бугры да колдобины. Словом, за годы отсутствия Мована на Брилианге мало что изменилось.

Даже аэробакли остались такими же. Правда, гроздь качающихся в воздухе разноцветных машин выглядела довольно живописно среди унылого пейзажа. На некоторых из них можно было увидеть рекламу товаров, которые уже давно никто не покупал в большом федеральном сообществе, отделенном от Брилианги всего несколькими днями космического пути. Под скоплением аэробаклей бродили их водители и лениво поглядывали вокруг в ожидании клиентов.

К небольшому ободранному причалу подвалила посудина покрупнее, и Мован со всех ног бросился к ней. Он и сам горько удивился тому, как быстро проснулись в нем прежние привычки. Правила, по которым он жил последние двенадцать лет, отличались от здешних, как небо от земли.

Он заговорил было на лингвате, но выражение лица водителя его остановило. Раздражение Мована возросло в десятки раз. Ну что мешало этим туземцам выучить всеобщий язык за прошедшие двенадцать лет? На собственной родине чувствуешь себя последним идиотом – и это вместо умиления и сентиментальных детских воспоминаний!

– Брисабанаги? – мрачно буркнул он, чувствуя, как лицо само складывается в нужную гримасу. Водитель тут же оживился.

– Всего восемь ды, – сообщил он. – По делам ездил? Я было принял тебя за одного из них... – Он кивнул на кучку людей, только что вышедших из посадочного шлюза. Те недоуменно оглядывались по сторонам, пытаясь понять, куда же их занесло. Это были работники всевозможных служб внешнего мира, отправленные своим начальством улаживать какие-то дела с жителями этой Богом забытой планетки. Зная характер бывших соотечественников, Мован испытывал к приезжим острое сочувствие. Ему самому потребовалась целая минута, чтобы вспомнить, что нигде раньше он с водителем не сталкивался, а просто таковы брилиангские обычаи: любой встречный может обратиться к тебе на улице и поинтересоваться, кто ты, куда и зачем идешь. И будет только доволен, если ты отплатишь ему той же монетой.

Заметив столичный аэробакль, приезжие неторопливо двинулись к нему. Ими руководила привычка к самоуважению и прочие малопонятные для здешнего люда предрассудки.

– Не торопятся! – возмутился водитель, с силой нажимая на педаль звукового сигнала. Резкий вой потряс окрестности. Кое-кто из бредущих по полю людей подпрыгнул от неожиданности. – А мне еще надо

забросить посылку в одно местечко. И заправиться, и пообедать... Куруи, сынок, проверь-ка, там все загрузились?

Шустрый худенький подросток, елозивший в кресле рядом с водителем, тут же выскользнул из кабины и исследовал салон до неприличия пристальным взглядом.

– Уже ехать! – сообщил он пассажирам на лингвате и, озорно покосившись на Мована, добавил: – Хорошо, быстро ехать, ага! – Он дернул себя за ухо, что придало его словам зловещий оттенок. Мован мгновенно включил магнитные ремни и, кроме того, на всякий случай вцепился в ручки своего кресла. Остальные, не разбиравшиеся в брилиангской мимике и непривычные к местным порядкам, отнеслись к сообщению паренька легкомысленно. И наверняка тут же пожалели об этом.

Аэробакль рванул с места так, словно все его четыре двигателя разом взбесились. Сквозь яростный свист работающей на пределе автоматики Мован расслышал жизнерадостный голос водителя:

– Ну, сейчас помчимся! А то как же я успею завезти посылку?!

Чиновник местного министерства образования был радушен сообразно этикету. Большинство чиновников жили на Брилианге временно, прибывая сюда из федеральных ведомств и страстно мечтая поскорее в них же вернуться. В этот сектор Галактики отправляли тех, кому, по мнению высокого руководства, следовало научиться лучше ценить блага, которыми они пользовались в большом мире.

Господин Анамна, возможно, представлял собой редкое исключение. Трудно было представить, чтобы человек с таким цепким взглядом и решительными манерами не пригодился в более приличном месте. Его кабинет был убран в скупом федеральном стиле, не допускавшем разночтений по части ранга и субординации. Лишь крошечная вазочка с каким-то хрупким цветущим растеньицем трогательно напоминала о том, что у хозяина этого помещения имелись свои вкусы и такой орган, как сердце. В воздухе витал благородный аромат дорогого сенсокондиционера.

Усадив посетителя и разобравшись с рекомендательными письмами, чиновник Анамна гостеприимно улыбнулся.

– Рад вас видеть, уважаемый Мован! Как вы находите свою родину после стольких лет отсутствия?

Молодой человек с сожалением покачал головой.

– Здесь мало что изменилось. Разве что еще больше обветшало и облезло.

Анамна сочувственно покачал головой.

– Именно. Я здесь уже восемь лет – с самого начала проекта по включению Брилианги в федеральное сообщество. До этого у меня был опыт подобной работы на Кватанузе. Там процесс шел гигантскими шагами! За три года нам удалось добиться больше, чем здесь – за все время. Мы долго не могли понять, что именно тормозит наши усилия, и лишь недавно пришли к выводу, что это...

– Язык?

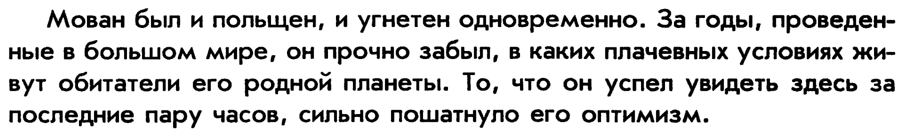
– Вот-вот. Кое-чего мы, конечно, достигли: первый этап внедрения федеральной культуры почти завершен. Помимо школ, где преподавание ведется на лингвате, уже открыты магазины, спортивные залы, закусочные и развлекательные комплексы. Но интерес ко всему этому у местного населения неустойчив. Поначалу брилиангцы, конечно, клюнули на новизну, однако уже через пару месяцев кривая потребления федеральных благ резко поползла вниз. Такое ощущение, что у здешних людей вообще нет нужды в подобных вещах! И вот наши специалисты решили, что правильнее всего будет подключить к этому делу лингвистов.

Анамна вздохнул. Мован почувствовал стыд за Брилиангу и был благодарен, когда чиновник сказал:

– Надо отдать должное брилиангскому языку: он уникален. Эта многооттеночная мимика, эта метасмысловая жестикуляция, эти тончайшие переливы интонации, богатство словообразовательных средств, синтаксические нюансы... Нигде в освоенной галактике, а может, и во всей Вселенной нет ничего похожего. Но именно это и мешает вашим соотечественникам достичь того уровня жизни, который уже давно стал нормой для всех федеральных планет. Излишняя сложность восприятия окружающего мира не дает брилиангцам приспособиться к дарам цивилизации и научиться получать от них удовольствие... А поскольку язык является прямым отражением такого восприятия, то этим отражением нам и следует заняться вплотную. Результаты, конечно, появятся не завтра, но уже через годик-другой мы увидим серьезные изменения к лучшему...

Он чуть наклонился вперед, доверительно глядя Мовану в глаза.

– Надеюсь, вы сознаете, дорогой Мован, как много зависит от вас лично? На Брилианге сейчас действует около четырехсот школ, где обучение ведется на лингвате. Все богатства галактической цивилизации, от которых ваши соплеменники пока отделены языковым барьером, откроются им, как только они начнут говорить, а затем и мыслить на нашем универсальном наречии. Ваша помощь как высококлассного педагога-лингвиста, который к тому же хорошо знаком с обеими культурами, для нас просто неоценима!

Мован был и польщен, и угнетен одновременно. За годы, проведенные в большом мире, он прочно забыл, в каких плачевных условиях живут обитатели его родной планеты. То, что он успел увидеть здесь за последние пару часов, сильно пошатнуло его оптимизм.

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, уважаемый господин Анамна. В какой школе мне предстоит работать?

Чиновник ласково кивнул.

– Думаю, вам придется совмещать преподавательскую деятельность с административной. Как вы смотрите на то, чтобы курировать проект в целом? Ваши данные нам вполне подходят. Что касается школы... Подождем несколько минут, пока компьютер выдаст приемлемые варианты. А пока – не хотите ли чего-нибудь прохладительного? Вашим рейсом мне доставили большой запас ганги...

– Если это вас не затруднит.

Ничто не могло оказаться «затруднительным» в кабинете, столь напичканном комфорт-техникой. Из-за искусственного водопада, лучившегося мирным голубым светом, вынырнул зеркальный поднос на воздушной подушке и, сделав мягкий пируэт, остановился перед жаждущими, поблескивая высокими прозрачными тубами с искристой зеленоватой жидкостью.

Ганга расплылась у Мована во рту знакомым холодноватым облачком; приятно покалывая язык и нёбо, обволокла гортань. Над поверхностью напитка плясали крошечные «призраки» – в каждом сосуде свои. Мовану достались пухленькие наяды, прикрытые только собственными волосами. Анимация, хоть и примитивная, будоражила воображение. В тубе у Анамны посверкивали цветными огоньками крошечные взрывы сверхновых. Мован с тоской подумал, что о ганге, как и о многих других привычных удовольствиях, на ближайшие несколько лет придется забыть.

Деликатно пропел динамик, и на столе перед чиновником включился горизонтальный экран.

– Вот и ваше направление на работу! Аги-Анхо – населенный пункт неподалеку отсюда. Там уже работает один учитель лингвата – Дарнег Хорк, очень перспективный специалист. Он, правда, приезжий и испытывает кое-какие трудности... Надеюсь, вы его поддержите. Сейчас Аги-Анхо – городишко так себе, но лет через пять мы сделаем из него мощный центр по вторичной переработке. Мы почти убедили в необходимости такого центра брилиангский совет старейшин. Теперь дело за горожанами: многие еще не в состоянии понять, какие выгоды им сулит это преображение. Поможете нам?

– Конечно. Для этого я здесь.

Дарнег, напарник Мована по аги-анхской школе, в изнеможении откинулся на спинку кресла. Было жарко, а из напитков осталось только какое-то местное газированное пойло, примитивное, как вода из крана, – ни музыкальных фрагментов, ни хоть какой-нибудь завалящей анимации. Одно голое утоление жажды.

– Мне еще никогда не случалось сталкиваться с такими проблемами! – пожаловался Дарнег. Его круглое лицо лоснилось от пота, а на рубашке под мышками, несмотря на мощную обработку антиперспирантами, проступали влажные пятна.

Дарнег Хорк жил на Брилианге второй год. Благодаря новым средствам обучения, которые позволяли преподавателю сразу говорить со своими подопечными на лингвате, он так и не выучил брилиангский язык, обходясь минимальным набором фраз. Его ученики сносно болтали на всеобщем наречии, но личностная связь между ними и наставником не устанавливалась. Они просто не находили точек соприкосновения ни в чем, помимо уроков.

– Полюбуйся! Хочу отправить это в аналитическое бюро. Пусть знают, с какими сложными детьми нам приходится работать!

Дарнег щелкнул тумблером, и на экране возникла одна из обучаемых групп – восемь юных брилиангцев в возрасте от девяти до тринадцати лет. Одного мальчугана Мован знал: это был Куруи, сын того самого водителя, с которым Мован встретился в первый день своего приезда на Брилиангу. Куруи и Дарнег говорили на лингвате.

– Мой отец иметь свой один аэробакль, – бодро докладывал Куруи. – Он ездить на нем в порт возить пассажир...

– Стоп, стоп! Перестань строить гримасы, это же лингват, а не здешний диалект. В языке, который мы изучаем, спряжение глаголов передается с помощью окончаний, а не обезьяньих ужимок. Оттого, что ты лишний раз высунешь язык, время в предложении не изменится. Повторяй за мной: «Мой отец имеет собственный аэробакль»...

– Мой отец имеет...

– Он ездит на нем в порт...

– Ездит...

– Когда я вырасту, я куплю себе еще два аэробакля...

– Я куплю... А зачем мне столько аэробакля?

Дарнег на экране поморщился: ему не хотелось отвлекаться.

– Аэробаклей... Затем, что ты сможешь взять кого-то в долю и заработать больше ды.

– Для чего? Нам и так хватать.

– Ну... Для того, чтобы купить еще аэробакли. Тогда у тебя будет целый аэропарк.

– А зачем мне парк?

– Чтобы получать прибыль и жить безбедно.

Остальные ученики внимательно слушали. Их интерес казался почти священным: они не понимали, о чем речь, но внушенное с младенчества почтение к взрослым не позволяло им думать, что учитель может нести чушь.

– Наставник Хорк, мы не бедствовать. Все наши родня тоже жить хорошо. Куда же я деть такую кучу ды?

– Дурацкий вопрос! – Дарнег уже злился, так что даже не стал поправлять ошибки. – Когда ды есть, то всегда найдется, куда их деть. Поедешь путешествовать, купишь себе много красивой одежды. Будешь есть что хочется и сколько хочется. Перестанешь работать.

– Да, но что же я тогда делать?

– Вот бестолочь... Развлекаться, жить в свое удовольствие, отдыхать...

– От чего? Ведь я уже не работать!

Настоящий, неэкранный Дарнег выключил запись. Щеки его пылали.

– Видел, да? Разговор с глухим. У здешнего населения такое наплевательское отношение к собственной жизни, что никакой лингват тут не поможет. Мы зря терять... тьфу!.. теряем время!

Мован вздохнул. Он и сам замечал, что хотя почти все его юные подопечные успешно усваивали лингват, язык этот оставался для них чужим и бесполезным. Они с удовольствием говорили на лингвате в классе, но едва заканчивались занятия, как они отбрасывали его, как рабочую одежду, и мгновенно возвращались в дебри родных интонаций и мимических оттенков. Ни учебные сенсофильмы, ни гипнопесни, ни голографические комиксы не могли ничего изменить. Дети с интересом следили, как на экране вырастают сверкающие колонны орбитальных лифтов, а у их подножия сияют живым электричеством гигантские мегаполисы; как возносятся в небо и погружаются глубоко в землю ярусы эстакад, и по каждому, словно расплавленное золото, текут потоки всевозможных наземных машин; как распускают стрекозиные крылья аэрокары в воздухе, пронизанном разноцветной иллюминацией; как бойкие автоматы выбрасывают яркие пакеты с едой и прозрачные тубы с напитками... Но каждый раз Мовану казалось, что, кроме изумления и восхищения этим красочным, кишащим людьми и машинами миром, он читает на лицах своих учеников что-то еще. Недоумение, что ли, а порой и скуку...

– Ты прав, Дарнег. Среда вокруг них остается бедной на реалии внешнего мира. Того, что уже сделано, – магазинов, спортзалов и закусочных – мало. Брилианцы должны активно пользоваться языком,

нужно вынудить их составлять новые слова по его законам, вникать в его логику. А для этого нужно завалить их теми предметами, для которых в брилиангском имен нет. Напитки, ткани, одежда, новые марки аэробаклей и каров, бары и кафе, где все устроено по-федеральному, магазины безделушек, салоны комфорт-техники... Словом, все то, что и должно достаться Брилианге после того, как она войдет в состав всеобщей цивилизации. Только при условии такого «обрушивания» у брилиангцев будет стимул говорить на универсальном языке и придерживаться универсальных правил. Словом, пришло время поторопить Анамну с переходом на второй уровень.

У Дарнега заблестели глаза.

– Ты прав! Напишем научное обоснование, подберем аргументы. Министерство наверняка поощрит нашу инициативу. У меня уже наклюнулась пара идей... Не волнуйся, я на тебе мертвым грузом висеть не буду. Главное – убедить Анамну, что все, чего мы просим, нужно для дела, а не для облегчения нашего пребывания... гм-гм... в отрыве от цивилизованного мира.

Дарнег вскочил и в возбуждении забегал по комнате. Пот лил с него ручьями, одежда липла к крупному телу, но он этого не замечал, только изредка машинально смахивал со лба капли, чтобы они не попали в глаза.

– Вот что, Мован, не будем откладывать! Такие вещи делаются быстро и напористо. С тебя – общая стратегия, с меня – практическая часть и договоренность с Анамной о личной встрече. Скажем, на следующей неделе. Успеем подготовиться?

– Думаю, да.

– Отлично! Извини, ты меня так взбудоражил, что я просто не могу сидеть на месте. Пойду займусь этим сейчас же. Да и ты не теряй времени! Покажем брилиангцам, что такое федеральная мощь!

Дарнег ушел стремительными шагами, что при его габаритах смотрелось забавно. Но Мован не смог улыбнуться. Ему вообще почему-то было невесело, и никакой радости от собственной инициативы он не испытывал.

Он прислушался к себе, пытаясь понять, что именно его настораживает, но ничего не уловил. Может, все дело было в том, что он уже не мог разбираться в своих чувствах как следует, потому что там, в блистающем, стремительном потоке цивилизованной жизни, где каждую секунду перед глазами мелькало что-то новое и яркое, у него никогда не возникало в этом потребности. Только здесь, на тихой Брилианге, Мован вдруг обнаружил, что совсем разучился понимать самого себя. И от этого вдруг сделалось тревожно.

Он проследил, чтобы автоматика навела порядок в школе, и вышел из здания.

Не все его ученики разошлись по домам: несколько ребятишек играли на школьном дворе и при виде Мована радостно заулыбались. Он неплохо ладил со своими подопечными. Маленькие забавные лица были перепачканы: напротив школы находилась федеральная закусочная, где в изобилии продавались дешевые сладости. Их названия теперь регулярно проскальзывали в речи брилиангских детей, как и названия новых игрушек и нарядов, но Мован понимал, что этого слишком мало, чтобы изменить что-то в детских головках.

Одна из девочек (ее звали Йата) подбежала к нему и бойко сообщила на лингвате:

– Наставник Мован, мы придумали про ваши уроки песню!

И тут же запела по-брилиангски. Остальные дети подхватили, сперва несмело, потом, видя, что Мован не собирается их прерывать, громче. Молодой учитель слушал песню и смотрел на подвижные детские мордашки, на жесты маленьких рук. Ему вспомнилось, что на Брилианге существует только один вид письменности – «бесстрастное письмо», которым фиксировались документы и события, не требующие от читателя эмоционального отклика. Художественной литературы, а тем более поэзии, в письменном виде здесь не было. Стихи и истории пелись или многократно пересказывались на разные лады, одни утрачивались, другие становились всеобщим достоянием...

В этой бесхитростной песенке рассказывалось, как добрый и справедливый наставник Мован учит детей полезному языку, на котором говорят в далеком красивом мире, куда дети попадут, если будут стараться и слушать своего наставника. Что-то в этом роде, наивно и без прикрас. Но выражение лиц, переливы голосов маленьких исполнителей передавали такое доверие, открытость и преданность, что у Мована защемило сердце.

– Очень хорошо, – сказал он на лингвате, когда дети кончили петь и выжидательно воззрились на него. Собственный голос вдруг показался ему суховатым, фразы – бесцветными. – Мне пришлась по душе ваша песня, спасибо. Я рад, что вам нравится учиться здесь.

Они засмеялись и начали прощаться. Мован понял, что они ждали его, чтобы порадовать, и ему почему-то стало еще грустнее.

Ночью ему часто снились большие города. Мован плыл над ними в прозрачной капсуле аэромашины – плыл между световых столбов орбитальных лифтов, внутри которых, как горошины, перекатывались пассажирские челноки. Внизу все было залито светом – электрические, нео-

новые и флуоресцентные слои гигантского пирога. Вверху небо тоже полыхало огнями, но это были не настоящие созвездия, а правильные многоугольники орбитальных станций, медленно скользящих вокруг планеты. Было видно, как от них отделяются гигантские лайнеры, прочерчивая небо мигающими цветными пунктирами...

Меню брилиангских ресторанчиков казались смешными человеку, который много лет провел в крупных центрах галактической цивилизации, где еда давно перестала быть просто физической потребностью, а превратилась в вид изощренного наслаждения. Многочисленные добавки «для поднятия настроения» или «для повышения работоспособности», активаторы вкуса и запаха, стойкие консерванты, заставлявшие мороженое не таять в самый знойный день, красители, от которых блюда сверкали и переливались всеми цветами радуги, – ничего из этого мощного арсенала на Брилианге не было. Когда Мован впервые сел за столик местного кафе, принесенная еда показалась ему малопривлекательной на вид и пресной. Привыкший к деликатесам желудок не сразу научился отзываться на неяркие естественные запахи.

Вечерами было скучно без привычных развлечений. Библиотеки здесь оказались крайне бедны, а брилиангское оборудование по доставке информации с других планет пребывало на уровне каменного века. Кончилось тем, что Мован, чтобы развеяться, стал бродить по улицам, разговаривать с брилиангцами, чаще всего совершенно ему не знакомыми, путешествовать по планете, вспоминая те времена, когда он сам жил здесь и до какого-то момента был вполне доволен своей участью...

Дарнег между тем развернул бурную деятельность. Видно, ему жизнь на Брилианге была совсем не по нутру – так он старался поскорее все изменить. Федеральное министерство образования согласилось перейти ко второму этапу операции. За проявленную инициативу приятелям была перечислена премия, а в случае быстрого успеха их плана предполагалось и повышение потребительской категории, что сулило немало удовольствий, прежде казавшихся недосягаемыми. Дарнег сразу же заказал себе кое-какую провизию, уйму напитков и домашнюю виртуальную станцию с эффектом присутствия, которая давала ему возможность вечерами «выезжать» за пределы Брилианги. Мован тоже несколько раз присутствовал на этих сеансах, но они произвели на него неожиданно тягостное впечатление, как будто он смотрел на чужой мир, в непрерывном движении и холодном мерцании которого ощущалась агрессия вечно голодного хищника...

После пары таких сеансов Мовану стали сниться странные, малоприятные сны. В одном из них он опять летел над большим городом в аэ-

рокаре, и в прозрачную обшивку машины, как назойливая механическая птица, стучался пищевой разносчик. Его аляповатые разноцветные крылышки быстро трепетали, из фигурного металлического клюва то и дело выскакивали порции фруктовых эмульсий – белые, ярко-желтые, зеленые, малиновые – и яркими кляксами растекались по обшивке аэрокара. Потом разносчик непонятным образом проник внутрь и, как Мован ни отбивался, все стрелял ему в лицо вязкой жидкостью с резкими фруктовыми ароматами...

После этого сна Мован перестал вечерами ходить к Дарнегу.

Зато он навестил городок, в котором вырос. Тот мало изменился за прошедшие годы; немногие предметы федеральной цивилизации, которым удалось сюда проникнуть, смотрелись яркими заплатами на полинялом полотне здешней жизни, текущей, как река, в вечность. Питье, пища, свободное времяпрепровождение оставались здесь так же просты, как и двенадцать лет назад, хотя Вселенная вне Брилианги, казалось, за эти годы успела несколько раз полностью сменить кожу.

– А кем ты работаешь? – спросил давний знакомый, который искренне пришел в восторг, встретив Мована на улице.

– Я учитель.

– О-о! – почтительно сказал знакомый, и Мован порадовался, что выбрал педагогику, а не одну из тех призрачных профессий, которые позволяют делать деньги на перепродажах, финансовых операциях и прочих малопонятных для конкретного мышления вещах. Впрочем, радость его была недолгой. Учитель – это тот, кто учит, и во все времена в это слово вкладывался хороший, уважительный смысл. А Мован уже не понимал, чему он учит своих подопечных. Еще недавно он умилялся, видя, что его ученики воспринимают жизнь внешнего мира как один большой фокус, а теперь сам относился к ней почти так же, разве что никаких загадок и восторгов для него в этом фокусе не было.

Спустя три месяца Мован и Дарнег встретились с Анамной для обсуждения дальнейшей стратегии. Встреча проходила в уже знакомом кабинете, где по одной стене, облицованной рельефным пластиком в жалкой попытке сымитировать скалу, струился ядовито-голубой искусственный водопад, воздух явственно пах синтетическим ароматизатором, а в прозрачных тубах с гангой мельтешили бессмысленные анимационные картинки.

– Поздравляю вас с успешным началом второго этапа внедрения в местную культуру, – сказал чиновник Анамна, и Мован, который виделся с ним не так уж давно, вдруг поразился бедности его мимики и ин-

тонаций. Создавалось впечатление, что эмоциональная жизнь Анамны вообще крайне скудна и охватывает – в лучшем случае – лишь то, что происходит в этих апартаментах, включая тень привязанности к одинокому чахлому растеньицу с невзрачными цветками.

Дарнег же чувствовал себя в кабинете Анамны как рыба в воде.

– Да уж, наконец-то первый этап пройден! Как быстро вы планируете завершить второй?

– В течение шести–восьми месяцев. За это время закончат монтаж орбитальных и энергетических станций и электронных заводов: без них переход на третью ступень будет невозможен. Что касается бытовой сферы, то мы построили еще триста развлекательных городков, расширили сеть пищевых центров, салонов комфорт-техники и открыли несколько десятков крупных многоэтажных магазинов. Сейчас на очереди игорные дома... Словом, движемся по апробированной модели.

– А что дальше? – спросил Мован, почему-то заранее холодея.

– Третья ступень предписывает нам открытие большого порта и орбитальных лифтов – для окончательного встраивания Брилианги в федеральное сообщество. На это у нас пока нет разрешения старейшин: местные власти почему-то упорно держатся за древние предрассудки вроде суверенитета. Если второй этап затянется, придется подключать ментальное воздействие. Пока мы стараемся этого избежать: брилиангцы, по оценкам наших специалистов, входят в группу риска сразу по нескольким параметрам, включая эмоциональную непредсказуемость. Возможен резкий всплеск числа самоубийств, скачок уровня преступности и прочие малоприятные отклонения. Нужно хорошо подготовиться к такому радикальному вмешательству. Надеюсь, вы оба понимаете, что это средство будет использовано только в крайнем случае?

Дарнег с готовностью закивал, потягивая гангу, над поверхностью которой прыгали ярко-сиреневые пауки. Мован же внимательно смотрел Анамне в лицо – и не верил. Человеку, привыкшему получать большую часть информации из мимики, жестов и интонации собеседника, не составит труда выяснить даже больше, чем тому хотелось бы...

При обучении лингвату в школе использовалась и методика «эмоционального погружения». Последняя срабатывала очень хорошо в силу развитости эмоциональной сферы у подопечных Мована. По сравнению с брилиангцами душевная жизнь носителей лингвата казалась, мягко говоря, бедноватой. В брилиангском языке было около двух сотен определений улыбки, около полутора сотен – печали. Шкала состояний между счастьем и отчаянием насчитывала тысячи мельчайших градаций. Скудные определения чувств, зафиксированные лингватом, ученики

Мована усваивали почти мгновенно, при этом расцвечивая их разными выражениями лица, плавными или резкими движениями, голосовыми вариациями. Брилианга пока не собиралась говорить на лингвате, она ассимилировала его, перекраивая на свой лад, наполняя собственной, парадоксальной для остального мира логикой, радужным богатством чувств.

Но так могло продолжаться лишь до тех пор, пока вкрапления лингвата были ограничены и слабо подкреплены внешней атрибутикой. Что будет, когда на Брилиангу хлынет настоящая лавина вещей, явлений и образов, для которых в здешнем языке определений попросту нет? Когда чужие фразы начнут диктовать непривычные связи между словами, навязывать готовые синтаксические конструкции, настойчиво прививать чуждую логику? Когда наряду с брилиангскими способами словообразования будут множиться другие – более простые, компактные, удобные в том стремительном течении жизни, которое воцарится на этой тихой планете через годик-другой? Когда чужая речь и музыка будут ежеминутно низвергаться с экранов, притворяясь искусством и одновременно назойливо предлагая что-нибудь купить, надеть, съесть? И все это на планете, где население не может даже опереться на память прежних поколений, потому что у него нет письменной художественной культуры, а есть только живая жизнь, живые эмоции! Останется ли тогда в душах здешних жителей место для нынешних чувств, понадобятся ли им те же двести наименований улыбки, сто с лишним названий для скорби?

Конечно, это случится не сразу, но уже нынешние дети Брилианги растут совсем другими, чем их родители и деды...

Взволнованный этими мыслями, Мован вышел из дома и отправился бродить по улицам Аги-Анхо. В голове его звучала детская песенка о том, как добрый и справедливый учитель ведет своих учеников в сказочный мир больших, сверкающих огнями городов.

Неожиданно все планы по вовлечению Брилианги в федеральное братство рухнули. Мован и Дарнег узнали об этом от Анамны, который позвонил в учительскую, где они обсуждали проведенные уроки. Сигнал «министерской» связи заставил приятелей вздрогнуть от неожиданности.

Лицо Анамны на экране на первый взгляд казалось безмятежным, но Мован мгновенно распознал за этой безмятежностью напряжение.

– Мне жаль сообщать вам эту новость, мои уважаемые ассистенты, но, судя по всему, наш проект будет закрыт.

– Как? Почему? – вырвалось у потрясенных учителей.

– Принято решение о создании первого пространственного тоннеля для сверхскоростных лайнеров. Эту идею человечество лелеяло чуть ли не с двадцатого века, но тогда только фантасты верили в возможность ее осуществления. И вот представьте: тоннель станет не просто реальностью, а даже обыденностью буквально на наших глазах, через пару-тройку лет! Он протянется от Жахабры до Адальгора и пройдет неподалеку от здешней звездной системы. Все космические тела, способные вызвать заметные помехи в работе тоннеля, будут уничтожены. Мне очень жаль, но Брилианга в этом списке стоит первой. Население будет эвакуировано и расселено по федеральным планетам в течение ближайших трех месяцев. Дольше ждать невозможно: встречные энергетические потоки, необходимые для создания нужного напряжения, уже пущены. В силу того, что брилиангцы будут ассимилированы другими народами, ваши усилия по приспособлению их психики к внешнему миру не пропадут втуне. Надеюсь, этим людям будет теперь легче адаптироваться в чуждой среде... Наш с вами договор о вознаграждении остается в силе.

Дарнег, на языке которого, видимо, как раз вертелся этот вопрос, облегченно вздохнул. Он давно мечтал покинуть Брилиангу.

Мован спросил:

– Но ведь они могут не захотеть уезжать. Что тогда?

– Кто они? – изумился Анамна. – Брилиангцы? Как они могут не захотеть – они же иначе погибнут!

– Но здесь их дом. Здесь они жили веками. Почему никто не спросил их, согласны ли они пожертвовать своей планетой для тоннеля, который не имеет к ним никакого отношения?

– Пока не имеет, это во-первых. Переселятся в другие условия, научатся летать на лайнерах – очень даже будет иметь. Во-вторых, никому в наше время тотальной ответственности и в голову не придет, что кто-то может руководствоваться своим «хочу – не хочу», когда речь идет о благе для всей цивилизации. Вы представляете, сколько проблем решит этот тоннель? Как приблизятся к нам дальние концы галактики, насколько удобнее станет путешествовать между звезд? И что, ради этого нельзя отказаться от одной планетки, где нет ничего по-настоящему ценного – ни редких ископаемых, ни развитой промышленности, ни уникальных технологий, ни культурных памятников?

– Но у нас есть ценности! Причем такие, которые везде уже утрачены. Я имею в виду язык, сохранивший богатейший спектр чувств, эмоций, – Брилианга обладает просто потрясающим сокровищем!

– Помилуйте, ну кому в наше время нужны эмоции?! Это же просто какой-то тормоз, пережиток диких веков. Вот вами сейчас руково-

дят именно эмоции, а не здравый смысл. Попробуйте рассуждать разумно. Как объяснить брилиангцам, что такое транспортный тоннель, если они даже к обычным орбитальным челнокам относятся с недоверием? Не надо эмоций, в таких делах нужен строгий расчет. Здесь проходит самый экономичный маршрут. При малейшем отклонении потока затраты энергии возрастают в десятки и сотни раз. Чтобы бороться с помехами, понадобится обесточить несколько планет. Вы хотите, чтобы из-за вас кто-то остался без света и тепла?

— Я не хочу, но...

— Нет, все-таки как прочно даже в лучших из нас сидят местнические интересы! Дескать, мы согласны пользоваться всеми благами федеральной цивилизации, но поступиться чем-то в ответ — ни-ни! И это я слышу от вас, Мован, от человека, воспитанного на федеральных идеалах! Извините, у меня мало времени. Сообщаю вам эту новость заранее, чтобы она не стала для вас неожиданностью. Надеюсь, вы сумеете донести до родителей ваших учеников, что разумнее будет повиноваться. Никто не собирается вступать с ними в споры. Те, кто не покинет Брилиангу добровольно, будут депортированы федеральными войсками. Никто не должен пострадать: у нас же гуманное сообщество!

Силовое поле, отделявшее стартово-посадочный сектор от общедоступного, переливалось всеми цветами радуги и тихо гудело. Казалось, в воздухе между людьми и маячившими вдали орбитальными челноками дрожит мыльная пленка, готовая вот-вот лопнуть. Единственным проходом сквозь нее были пропускные шлюзы, где пассажиры садились в надежно защищенные от радиации посадочные шлюпки.

Люди, собравшиеся у одного из таких шлюзов, тихо переговаривались, ожидая, когда откроются массивные ворота. Людей было немного — гораздо меньше, чем рассчитывали чиновники федеральных ведомств, выделившие для эвакуации населения дополнительные челноки. Брилиангцев почти не было, в основном у шлюзов ожидали посадки специалисты, присланные сюда по служебной надобности и теперь стремившиеся оказаться на безопасном расстоянии от обреченной планеты. Вели они себя сдержанно, цивилизованно: не толкались, не плакали и не затевали ожесточенных дискуссий, кто прав, кто виноват. Для них это был лишь один из сотен миров, причем далеко не лучший. Временами эти люди посматривали в светло-голубое брилиангское небо, полинявшее от многодневного зноя, как будто именно оттуда кто-то невидимый должен был дать сигнал к отправлению.

Мован и Дарнег стояли чуть в стороне от общей группы.

— Когда ты собираешься улетать?

– Что? – Мован оторвал взгляд от радужной пленки силового поля. – Да пока не собираюсь...

Дарнег озабоченно покачал головой.

– Я бы на твоем месте не откладывал. Это только так говорят, что впереди еще три месяца. На самом деле уже недель через шесть, с приближением энергетического потока, здесь начнет повышаться радиационный фон. Это может привести к выходу из строя техники и прочим опасным последствиям.

Мован не ответил. Челнок, на котором Дарнег должен был подняться на орбиту, находился очень далеко, но все же было видно, как возле него катаются туда-сюда разноцветные драже погрузочных автоматов.

Дарнег снова заговорил:

– Это правда, что старейшины Брилианги отказались покинуть планету?

– Правда. Они обратились в Федеральный Центр с просьбой найти другой вариант прокладки тоннеля. Им вежливо ответили, что отменить уже ничего нельзя. Тогда они заявили, что не намерены уезжать.

– Ну и глупо! Теперь, глядя на них, половина населения будет сидеть и ждать, пока здесь не останется даже пепла. Какой-то стадный инстинкт, уж извини за прямоту!

Мован молча смотрел на него. До Дарнега начало доходить:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ты тоже... решил остаться?

– Да.

Дарнег застонал и изо всех сил хлопнул себя ладонями по бокам. Мовану даже стало его жаль: видимо, напарник действительно был к нему привязан.

– Мован, ты же разумный человек! Как ты можешь следовать за толпой, где твоя индивидуальность? У тебя блестящее образование, светлая голова. Ты способен начать с нуля на любом месте и добиться успеха. Что ты забыл в этом захолустье?

Мован улыбнулся.

– Видишь ли, я родился и вырос на Брилианге. Меня учили, что наши чувства – это не только страх или покой, сытость или голод, а также стремление к всевозможным удовольствиям. Их гораздо больше, и многие из них гораздо тоньше, прекраснее и важнее...

Дарнег с досадой отмахнулся. Мовану было видно, как за спиной приятеля от челнока отделились ртутные шарики посадочных шлюпок и двинулись по направлению к шлюзам.

– Красивые слова... Но за ними нет никакого смысла! Эмоции – это как раз то, что заставляет людей терять голову и делать глупости. Вот

как тебя сейчас. И потом, пока ты жив, ты можешь проповедовать свои воззрения где угодно. Федеральные законы этого не запрещают. А если ты умрешь, кто скажет все это людям? Хотя бы такое соображение должно тебя останавливать?!

Мован грустно усмехнулся.

– Видишь ли, за двенадцать лет я много где побывал. Но все, что я тебе сказал, пришло мне в голову здесь, на Брилианге. Потому что здесь все еще настоящая вода, настоящий ветер и настоящие чувства.

– Перестань! Как будто за пределами Брилианги ты не сможешь пользоваться натуральными благами!

– Я сказал «настоящие», а не «натуральные».

– А какая разница?

– Ты прав: для человека, говорящего на лингвате, – никакой. Вот и ответ, касающийся моих возможных проповедей: их просто не поймут. Ведь мне тоже придется говорить на лингвате. В этом языке много слов для еды, развлечений, науки и техники и всего несколько – для обозначения чувств. А в брилиангском – только для улыбки их двести...

– Мован, ты идиот! Какая улыбка? Причем здесь вода и ветер? Тут скоро не будет ни того, ни другого – только мертвый, искаженный космос! Чего вы добьетесь, оставшись? Вас все равно депортируют: наша цивилизация не разбрасывается человеческими жизнями. Что и кому вы докажете своим упрямством?

– А кто тебе сказал, что мы собираемся кому-то что-то доказывать? Мы просто хотим жить и умереть там, где считаем правильным. Вот не знал, что и это прописано в федеральных законах!

Дарнег открыл было рот, чтобы разразиться новой страстной речью, но в эту минуту гудение усилилось и двери шлюза поползли в стороны.

– Не валяй дурака, Мован! Буду рад встретиться с тобой, когда все это закончится. Посидим, выпьем, прогуляемся по... Ну, мне пора!

Они пожали друг другу руки, потом обнялись.

– Счастливого пути, Дарнег.

Чем ближе становился роковой день, тем больше людей уезжало – со слезами и причитаниями, разрывавшими сердце. Потом явились депортационные службы: федеральное братство пеклось о своих новых, еще не вполне разумных членах. За несколько недель Брилиангу прочесали вдоль и поперек, и те, кто не покинул ее добровольно, были – после стремительно подавленного сопротивления – подняты на орбитальные станции и погружены в огромные межзвездные лайнеры. Им обещали новую, благоустроенную жизнь на богатых, развитых планетах, но Мован что-то не замечал у своих соотечественников большой радости по

этому поводу. Потерявшие дом брилиангцы бестолково слонялись по кораблям, липли к иллюминаторам, то и дело, к раздражению военных и чиновников, взрываясь гневом или слезами.

Как-то само собой получилось так, что ученики Мована постепенно опять собрались вокруг него, как будто среди всеобщего несчастья и растерянности единственной незыблемой опорой для них оставалось привычное расписание уроков.

Молодой учитель обвел глазами свою поредевшую группу. Многие уехали раньше или находились сейчас на других кораблях, но звонкоголосая Йата и Куруи, любитель каверзных вопросов, были здесь. Едва началось первое занятие, как сын бывшего водителя портового аэробакля поднял руку.

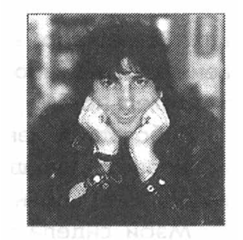
– Наставник Мован! Это правда, что Брилианга скоро вся погибать?

Он говорил на лингвате, и вопрос прозвучал сухо, как министерские документы, в которых содержался приговор покинутой планете.

Мован посмотрел на обращенные к нему внимательные маленькие лица. По ним можно было прочесть больше, намного больше, чем было сказано...

– Правда, Куруи, – сказал он, сознательно переходя на брилиангский. – Ты молодец, что спросил: это сегодня самая печальная и самая важная для нас тема. И говорить об этом мы будем на нашем родном языке – потому что только на нем у нас найдется достаточно слов и для слез, и для улыбки.

Нил Гейман

РЫЦАРЬ И ДАМА

Нил Гейман не сразу добился успеха на литературном поприще: начинал он как автор комиксов (а это, согласитесь, все-таки смежная сфера деятельности), и именно комиксы сделали его знаменитым. Придуманный им сериал о Сэндмене удостоился похвалы самого Нормана Мейлера — слыханное ли дело, чтобы признанный классик объявлял какой-либо комикс «чтением для интеллектуалов»?! Вообще, Гейману везло на поддержку со стороны мэтров: он дружил с Дугласом Адамсом, а в соавторстве с Терри Пратчеттом написал смешной роман о конце света «Добрые предзнаменования». Так что уникальный успех, который выпал на долю его книги «Американские боги» (она получила премии «Хьюго» и «Небьюла», а также Премию Брэма Стокера), мягко говоря, неожиданным не был... Рассказ «Рыцарь и дама», написанный еще до «Американских богов», отчасти напоминает это произведение: и там, и там говорится о том, как в обыденную жизнь проникают древние чудеса. Только не надо думать, что чудеса — это обязательно интересно и красиво, а обыденная жизнь бесцветна и банальна. В ней тоже есть место подвигу...

Миссис Уитэкер обнаружила Святой Грааль — он был спрятан за шубой.

Ноги у миссис Уитэкер были уже не те, что в юности, но по четвергам она всегда ходила на почту за пенсией, а на обратном пути заворачивала в лавочку по соседству, чтобы купить себе какую-нибудь безделицу.

В лавочке продавалась поношенная одежда, антикварные вещицы, прочая несуразица, а также масса старых книжек в бумажных облож-

---

«Chivalry» by Neil Gaiman

ках. Все это попадало сюда в качестве пожертвований, часто от родственников недавно умерших людей, а выручка от продаж шла на благотворительность.

Работали в лавочке добровольцы. В тот день там дежурила Мэри, полноватая девушка семнадцати лет в лиловом джемпере, который выглядел так, словно его только что сняли со здешнего прилавка.

Мэри сидела у кассы и заполняла анкету «Раскрой свою истинную сущность» в журнале «Современная женщина». Время от времени она заглядывала в конец журнала и внимательно изучала очки, выставляемые за каждый из вариантов ответа, прежде чем решиться выбрать один из них.

Миссис Уитэкер бродила по магазину.

Чучело кобры так до сих пор и не продали, сказала она себе. Оно стояло здесь вот уже шесть месяцев, исправно собирая пыль и злобно разглядывая стеклянными глазами ряды вешалок с одеждой и шкафы, наполненные щербатым фарфором и пожеванными игрушками.

Проходя мимо, миссис Уитэкер погладила его по голове.

Она сняла с книжной полки пару романов издательства «Миллз и Бун» – «Ее потрясающая душа» и «Ее беспокойное сердце», по шиллингу за штуку, – и долго раздумывала, не купить ли пустую бутылку из-под вина «Mateus Rosé» с надетым на нее декоративным абажуром, но потом сообразила, что ее просто некуда будет поставить.

Она отодвинула в сторону изрядно поношенную и провонявшую нафталином шубу. За ней обнаружилась трость для прогулок и подмокший томик «Рыцарских романов и легенд» А.Р.Хоупа-Монкриффа за пять пенсов. Рядом с книгой лежал на боку Святой Грааль. На нем была маленькая круглая бумажная наклейка с написанной фломастером ценой: «30 п.».

Миссис Уитэкер подняла пыльный серебряный кубок и оценивающе взглянула на него сквозь толстые очки.

– Милая вещица, – сказала она в сторону Мэри.

Мэри пожала плечами.

– Будет мило смотреться на каминной полке.

Мэри снова пожала плечами.

Миссис Уитэкер отдала Мэри пятьдесят пенсов и получила от нее десять пенсов сдачи и коричневый бумажный пакет для покупок. Потом она зашла в мясную лавку, купила себе неплохой кусок печенки и отправилась домой.

Внутри кубок был покрыт толстым слоем рыжеватой пыли. Миссис Уитэкер бережно ополоснула его и оставила на час отмокать в теплой воде с капелькой уксуса.

Она терла его средством для чистки серебра, пока он не засверкал как новенький, и поставила на каминную полку в гостиной, между маленьким грустным фарфоровым бассетом и фотографией ее покойного мужа Генри, сделанной на пляже во Фринтоне в 1953 году.

Она была права. Смотрелся он действительно мило.

На ужин в тот день она пожарила печенку в сухарях и с луком. Вышло тоже очень мило.

На следующий день была пятница. В пятницу утром миссис Уитэкер и миссис Гринберг по очереди ходили друг к другу в гости. На этот раз была очередь миссис Гринберг наносить визит, и они сидели вдвоем в гостиной, ели миндальное печенье и пили чай. Миссис Уитэкер пила чай с одним кусочком сахара, а миссис Гринберг пользовалась таблетками заменителя, которые всегда носила в сумочке в небольшом пластиковом флаконе.

– Очень мило, – сказала миссис Гринберг, указывая на Грааль. – Что это?

– Это Святой Грааль, – ответила миссис Уитэкер. – Из этого кубка Иисус пил на тайной вечере. А потом, во время распятия, в него собрали кровь Спасителя, которая вытекла из раны, нанесенной копьем центуриона.

Миссис Гринберг фыркнула. Она была еврейкой и к тому же не одобряла всяческой антисанитарии.

– Ну, не знаю, не знаю, – сказала она, – но выглядит очень мило. Нашему Майрону дали точно такой же, когда он выиграл соревнования по плаванию, только там сбоку еще было выбито его имя.

– Он все еще встречается с той милой девушкой? Парикмахершей?

– С Бернис-то? Конечно. Они собираются обручиться, – ответила миссис Гринберг.

– Это так мило, – сказала миссис Уитэкер и взяла еще одно печенье.

Печенье миссис Гринберг пекла сама и всегда брала его с собой, когда шла в гости к миссис Уитэкер, – такие маленькие коричневые коржики с миндальными орехами сверху.

Они поговорили еще о Майроне и Бернис, потом о Рональде, племяннике миссис Уитэкер (детей у нее не было), потом об их общей знакомой миссис Перкинс, которая недавно попала в больницу с переломом бедра, бедняжка.

В полдень миссис Гринберг пошла домой, а миссис Уитэкер съела на ланч бутерброд с сыром и выпила свои лекарства – белую таблетку, красную таблетку и две маленькие оранжевые таблетки.

В дверь позвонили.

Миссис Уитэкер выглянула на улицу. За дверью стоял молодой человек в сверкающих серебристых доспехах и белой накидке. Его белокурые волосы свисали до плеч.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Здравствуйте, – сказала миссис Уитэкер.

– Я странствую в поисках, – сказал молодой человек.

– Очень мило с вашей стороны, – сказала миссис Уитэкер уклончиво.

– Могу я войти?

Миссис Уитэкер покачала головой.

– Извините, но думаю, что нет.

– Я странствую в поисках Святого Грааля, – объяснил молодой человек. – Он здесь?

– У вас есть какие-нибудь документы? – спросила миссис Уитэкер.

Она знала, что открывать дверь незнакомцам, не предъявившим никаких документов, неблагоразумно, особенно когда ты живешь одна. Могут пропасть вещи из сумочки, а то и кое-что похуже.

Молодой человек отошел от двери и направился по дорожке к своему коню. Огромный серый скакун с высоко поднятой головой и умными глазами стоял на привязи у калитки миссис Уитэкер. Рыцарь порылся в притороченной к седлу сумке и вернулся со свитком.

Он был подписан Артуром, Королем Бриттов, и объявлял всем и каждому, без разбора чинов и званий, что податель сего является сэром Галахадом, Рыцарем Круглого Стола, и что он Странствует в Праведных и Благородных Поисках. Ниже был нарисован юноша, сходство которого с обладателем документа не вызывало сомнений.

Миссис Уитэкер кивнула. Она ожидала увидеть кусочек ламинированного картона с фотографией, но свиток производил куда более сильное впечатление.

– Думаю, вы можете войти, – сказала она.

Они прошли в кухню, где миссис Уитэкер налила Галахаду чашку чая, а потом перебрались в гостиную.

Галахад увидел Грааль, стоящий на каминной полке, и рухнул на одно колено. Он аккуратно поставил чашку на кирпичного цвета ковер. Луч солнца пробился сквозь тюлевые занавески и позолотил его благоговеющее лицо, заодно превратив волосы в серебряный нимб.

– Сие истинно есть Санграль, – сказал Галахад очень тихо и быстро моргнул три раза, как бы сдерживая слезы.

Он опустил голову, будто в молчаливой молитве, затем поднялся с колен и обратился к миссис Уитэкер с такими словами:

– О, добросердечная госпожа, хранительница Святыни Святынь!

Позволь мне теперь покинуть сие убежище со Священной Чашей, и да завершатся пути мои земные, и да исполнятся мои обеты.

— Простите? — переспросила миссис Уитэкер.

Галахад подошел к ней и взял ее руки в свои.

— Мой поиск окончен, — сказал он. — Я нашел Санграль.

Миссис Уитэкер посмотрела на ковер.

— Не могли бы вы поднять с пола вашу чашку и блюдце? — спросила она, поджав губы.

Галахад сконфуженно подобрал чашку.

— Не думаю, что позволю вам его забрать, — сказала миссис Уитэкер. — Мне очень нравится, как он стоит там, на полке, между собачкой и портретом Генри.

— Вам нужно злато? Вы желаете злата за Святую Чашу? Я принесу вам...

— Нет, — ответила миссис Уитэкер, — спасибо, мне не нужно злата. Оно меня совершенно не интересует.

Она проводила Галахада до двери и сказала на прощание:

— Приятно было с вами познакомиться.

Конь пощипывал ее гладиолусы, склонив шею над изгородью. Соседские ребятишки смотрели на него с другой стороны улицы. Галахад достал из сумы пригоршню кускового сахара и показал тем, кто посмелее, как кормить коня с руки. Дети громко хихикали, одна девочка постарше погладила животное по носу.

Потом Галахад одним неуловимым движением запрыгнул в седло и поскакал по Готорн-Крессент. Миссис Уитэкер смотрела ему вслед, пока он не скрылся из вида, вздохнула и пошла в дом.

На выходных все было тихо.

В субботу миссис Уитэкер съездила на автобусе в Мэрсфилд навестить своего племянника Рональда, его жену Юфонию и их дочерей Клариссу и Диллиан. Она отвезла им смородиновый пирог, который испекла сама.

В воскресенье утром миссис Уитэкер сходила в церковь. Ближайший храм — церковь Св. Иакова Младшего — несколько более соответствовал лозунгу «Здесь не церковь, здесь просто место, где похожие на вас люди собираются и получают удовольствие», чем она привыкла, но викарий, преподобный Бартоломью, был вполне ничего, по крайней мере, когда не играл на гитаре.

Она хотела было подойти к нему после службы и рассказать, что у нее в гостиной стоит Святой Грааль, но потом решила этого не делать.

Утром в понедельник миссис Уитэкер работала на огороде за домом. Она очень гордилась своим огородом, в котором выращивала са-

мые разнообразные травы: укроп, вербену, мяту, розмарин, тимьян и несколько грядок петрушки. Надев толстые зеленые перчатки и сидя на корточках, она пропалывала сорняки, собирала слизней и складывала их в пакетик.

Миссис Уитэкер была чрезвычайно добра к слизням. Она не уничтожала их, а относила в дальний угол огорода, выходивший к железной дороге, и выкидывала за ограду.

Она срезала немного петрушки для салата, когда за ее спиной раздалось покашливание. Галахад, высокий и красивый, в сверкающих на солнце доспехах, держал в руках что-то продолговатое и завернутое в промасленную кожу.

– Я возвратился, – сказал он.

– Доброе утро, – сказала в ответ миссис Уитэкер, потихоньку вставая и стягивая с рук перчатки. – Раз уж вы тут, помогите немного.

Она дала ему пакетик со слизнями и объяснила, что с ними нужно делать. Галахад перебросил их через изгородь и вошел с ней в дом.

– Хотите чаю? – спросила она. – Или лимонаду?

– Того же, чего и вам, – ответил Галахад.

Миссис Уитэкер достала из холодильника кувшин лимонада и послала Галахада в огород за веточкой мяты. Она взяла два высоких стакана, тщательно вымыла мяту, положила в каждый стакан по нескольку листиков и налила лимонад.

– Ваш конь у калитки? – спросила она.

– О да. Его зовут Дымок.

– И вы проделали неблизкий путь, верно?

– Весьма неблизкий.

– Ясно.

Миссис Уитэкер достала из-под умывальника синюю пластмассовую миску и до половины наполнила ее водой. Галахад отнес миску Дымку. Он дождался, пока конь напьется, и вернул пустую посудину на кухню.

– Итак, – сказала миссис Уитэкер, усаживаясь за стол. – Вы все еще хотите заполучить Грааль.

– О да, я прибыл сюда в поисках Санграля. – Галахад поднял с пола продолговатый предмет, положил его на стол и развернул. – Взамен я предлагаю вам сей меч.

По всей длине клинка, доходившей до четырех футов, вилась вязь букв и странных символов. Эфес был украшен серебром и золотом, а головку его венчал крупный драгоценный камень.

– Он очень милый, – неуверенно сказала миссис Уитэкер.

– Сей добрый меч, – отвечал Галахад, – зовется Бальмунг, и выкован он был на заре времен Вёлундом – кузнецом богов. Его двойник –

превосходный Фламберг. Тот, кто перепоясан сим мечом, непобедим в войне и неукротим в сражении. И законов чести он не нарушит. А камень, что сверкает в рукояти, — сардоникс Биркон, который защищает обладающего им от яда, растворенного в вине, и от предательства друзей.

Миссис Уитэкер долго рассматривала меч.

— Он, должно быть, ужасно острый, — вымолвила она наконец.

— Разрубит упавший волос пополам, — гордо ответил Галахад. — Да что там волос — разрубит он и солнечный луч!

— Тогда, может быть, лучше убрать его подальше? — спросила миссис Уитэкер.

— Вы не желаете сей меч? — Галахад казался обескураженным.

— Нет-нет, спасибо, — сказала миссис Уитэкер, которой как раз пришло в голову, что ее покойному мужу Генри меч бы очень понравился. Он непременно повесил бы его на стене в своем кабинете, рядом с чучелом карпа, которого он поймал в Шотландии, и показывал гостям.

Галахад снова завернул клинок в промасленную кожу и перевязал его белым шнурком. Он был безутешен.

Миссис Уитэкер сделала ему сэндвичей с огурцом и плавленым сыром на обратную дорогу и упаковала их в вощеную бумагу. Для Дымка она передала яблоко. Галахада, казалось, обрадовали оба подарка.

Она помахала им вслед.

После обеда она съездила на автобусе в больницу навестить миссис Перкинс, которая все еще лежала там со сломанным бедром, бедняжка. Миссис Уитэкер отвезла ей кекс с цукатами и орехами собственной выпечки; правда, орехов она туда класть не стала, потому что зубы у миссис Перкинс были уже не те, что в юности.

Вечером она немного посмотрела телевизор и рано легла спать.

Во вторник в дверь позвонил почтальон. Миссис Уитэкер как раз приводила в порядок чердак, и пока она медленно и осторожно спускалась по лестнице, почтальон уже ушел, оставив записку о том, что он приносил посылку, но не застал никого дома.

Миссис Уитэкер вздохнула, положила записку в сумочку и пошла на почту.

Посылка была от ее племянницы Ширеллы из Сиднея. Кроме фотографий мужа Ширеллы Уоллеса и ее дочерей Дикси и Вайолет, в ней лежала большая, упакованная в вату ракушка.

Миссис Уитэкер собирала ракушки на комоде в спальне. На самой любимой из них сбоку была эмаль с видом на Багамы. Эту вещицу ей подарила сестра Этель, которая умерла в 1983-м.

Она положила фотографии и ракушку в сумку и по пути домой решила зайти в благотворительную лавочку.

– Добрый день, миссис У., – сказала Мэри.

Миссис Уитэкер удивленно присмотрелась. Мэри накрасила себе губы (возможно, помадой не самого подходящего цвета, да и не слишком умело, но это, как полагала миссис Уитэкер, придет с опытом) и надела модную юбку. Изменения были явно в лучшую сторону.

– О, привет, дорогая, – ответила она.

– Тут на прошлой неделе мужчина один заходил, спрашивал про ту штуку, что вы купили. Ну, кружка такая алюминиевая. Я ему подсказала, где вас найти. Вы не в обиде?

– Нет, ничего, – сказала миссис Уитэкер. – Он меня отыскал.

– Ой, он такой был задумчивый... Очень задумчивый, правда-правда. Я бы с ним уехала, – мечтательно вздохнула Мэри. – Лошадка у него белая, все дела.

Миссис Уитэкер взглянула на нее еще раз и с удовлетворением отметила, что Мэри и спину стала держать значительно прямее. Среди книг нашелся новый роман того же издательства – «Ее грандиозная страсть», и она взяла его, хотя еще не дочитала предыдущие два.

От «Рыцарских романов и легенд» сильно пахло плесенью. Миссис Уитэкер открыла первую страницу. Вдоль верхнего края красными чернилами было аккуратно надписано: «EX LIBRIS РЫБАКА». Она закрыла книгу и положила ее на место.

Когда она дошла до дома, Галахад уже поджидал ее. Он катал на Дымке соседских детей – туда-сюда.

– Хорошо, что вы здесь, – сказала она. – Мне надо кое-что передвинуть.

Она провела его на чердак и показала, как именно надо передвинуть сундуки, чтобы она смогла пройти к серванту в дальнем углу.

На чердаке было очень пыльно.

Они провели там большую часть дня: он двигал ящики и сундуки, она убиралась и стирала пыль.

На щеке у Галахада был свежий шрам, а левая рука двигалась с некоторым трудом.

За уборкой миссис Уитэкер рассказала ему о своем покойном муже Генри, о том, что с его страховки она наконец расплатилась за дом, и о том, что у нее тут есть масса всяких вещей, которые никому, кроме нее, не нужны, разве что завещать их Рональду, но его жена все это выбросит, ей нравятся только современные вещи. Она рассказала, как встретила Генри во время войны, когда он служил в ПВО, а она неплотно закрыла на кухне шторы для затемнения; и как они ходили с ним

на танцы по шесть пенсов; и как вместе поехали в Лондон, когда закончилась война; и как она первый раз в жизни пила вино.

Галахад же рассказал ей о своей матери Элейне, особе непостоянной и взбалмошной, а временами и просто ведьме; и о своем деде, короле Пелесе, что был исполнен благороднейших намерений, но нимало не представлял, как их осуществить; и о детстве, проведенном в замке Блиант на острове Радости; и об отце своем, которого он знал лишь как Кавалера Мальфета, господина более или менее безумного, под каковым именем скрывался сам сэр Ланселот Озерный, величайший из рыцарей, когда тронулся он умом; и о первых своих днях в Камелоте.

В пять часов миссис Уитэкер обвела чердак внимательным взглядом и решила, что вполне удовлетворена его состоянием; она открыла слуховое окошко, чтобы помещение проветрилось, провела рыцаря вниз, на кухню, и поставила на плиту чайник.

Галахад уселся за кухонный стол, открыл кожаный кошель, висевший у него на боку, и достал оттуда округлый белый камень размером с мяч для крикета.

– Госпожа моя, – промолвил он, – сей дар для вас, дабы я мог получить Санграль.

Миссис Уитэкер взяла у него камень, оказавшийся неожиданно тяжелым, и поднесла его к свету. Камень был полупрозрачным и теплым на ощупь; в предзакатных солнечных лучах в его млечной глубине, казалось, взблескивали крупицы серебра.

Странное чувство неожиданно охватило ее: камень излучал спокойствие и умиротворенность, проникающие глубоко в душу. «Безмятежность» – вот подходящее слово: на нее снизошла безмятежность.

Она положила камень на стол, борясь с желанием оставить его в руке.

– Он очень милый, – сказала она.

– Сие есть Философский Камень, коий праотец наш Ной взял в свой ковчег, дабы давал он свет, когда не было света; он способен обращать грубые металлы в злато и обладает также иными чудесными свойствами, – объяснил Галахад с гордостью. – Но не один лишь Камень принес я вам, о госпожа!

Он вытащил из кошеля яйцо и передал его миссис Уитэкер.

Яйцо было размером с гусиное, его блестящую черную поверхность испещряли белые и алые вкрапления. Когда миссис Уитэкер коснулась его, волосы у нее на затылке встали дыбом. Она почувствовала невероятный жар и немыслимую свободу, услышала рев и треск далеких пожарищ и на долю секунды ощутила, как парит высоко над миром, взлетая и вновь бросаясь вниз на крыльях из пламени.

Она положила яйцо на стол рядом с Философским Камнем.

– Сие есть Яйцо Феникса, – сказал Галахад. – Из далекой Аравии привезено оно. В надлежащее время вылупится из него сама птица Феникс, дабы построить огненное гнездо, и отложить туда яйцо, и погибнуть, и возродиться в пламени в позднейшие времена сего мира.

– Ну, я, в общем, примерно так и подумала, – ответила миссис Уитэкер.

– И наконец, госпожа, – сказал Галахад, – я доставил вам...

Он вытащил из кошеля и передал ей яблоко, будто высеченное из крупного рубина, с янтарным хвостиком. На ощупь оно было обманчиво мягким; пальцы миссис Уитэкер лишь чуть примяли плод – и из него брызнула струйка рубинового сока, побежавшая по ее руке.

Кухня – почти незаметно, как по волшебству – наполнилась ароматами летнего сада: малины и персиков, земляники и красной смородины. Казалось, издалека доносится веселая музыка и звуки голосов, подхвативших песню.

– Сие есть Яблоко Гесперид, – прошептал Галахад. – Один лишь кусочек его исцеляет от любой болезни или смертельной раны, второй возвращает молодость и красоту, третий же, сказывают, дарует жизнь вечную.

Миссис Уитэкер слизнула с руки липкий сок. На вкус он был словно вино.

На нее обрушилась волна воспоминаний – воспоминаний о той далекой поре, когда у нее было стройное, крепкое тело, исполнявшее все, чего она от него желала; когда она могла нестись со всех ног по тропинке ради самой радости бега; когда мужчины улыбались ей просто оттого, что она была собой...

Миссис Уитэкер подняла взгляд на сэра Галахада, самого прекрасного, благородного и возвышенного из рыцарей, что сидел за столом в ее маленькой кухоньке.

Она перевела дыхание.

– Воистину, – сказал Галахад, – сии дары мне нелегко дались.

Миссис Уитэкер положила рубиновый плод на стол. Она взглянула на Философский Камень, на Яйцо Феникса, на Яблоко Жизни.

Потом поднялась из-за стола, прошла в гостиную и посмотрела на каминную полку – на грустного фарфорового бассета, на Святой Грааль и на черно-белую фотографию покойного мужа Генри, который ел мороженое и улыбался, сняв на пляже рубашку, – почти сорок лет тому назад.

Она вернулась на кухню. Засвистел чайник, она сняла его с плиты, налила немного кипятка в заварной чайничек, чуть поболтала его там и

вылила в раковину. Затем положила в чайничек заварку – сначала две ложки, потом еще одну – и залила ее кипятком.

– Уберите яблоко, – наконец сказала она твердо. – Вы должны бы знать, что неприлично предлагать подобные вещи пожилым леди.

Она немного помолчала, раздумывая.

– Но я возьму остальные. Они будут очень мило смотреться на каминной полке. И, мне кажется, это будет справедливо.

Галахад просиял. Он спрятал рубиновое яблоко обратно в кошель, опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

– Перестаньте и немедленно поднимитесь, – сказала миссис Уитэкер. Она разлила чай в свои лучшие чашки, которые доставала только для самых торжественных случаев.

Они пили чай в тишине. Потом пошли в гостиную.

Галахад перекрестился и взял с полки Грааль.

Миссис Уитэкер пристроила Яйцо и Камень на то место, где раньше стоял Грааль. Яйцо постоянно заваливалось на один бок, и она прислонила его к фарфоровой собачке.

– Смотрятся очень мило, – сказала миссис Уитэкер.

– О да, – согласился Галахад, – очень мило.

– Могу я вас еще чем-нибудь угостить перед уходом?

Он покачал головой.

– Кекс с цукатами и орехами, – сказала она. – Возможно, сейчас вам и не хочется есть, но через пару часов вы меня поблагодарите. Давайте-ка это сюда, я вам его заверну. Можете заодно сходить кое-куда на дорожку.

Она показала ему дверь туалета в дальнем конце коридора и вернулась на кухню, держа в руках Грааль. В буфете нашлись остатки рождественской подарочной бумаги; миссис Уитэкер завернула в нее Грааль и перевязала его бечевкой. Потом она отрезала большой кусок кекса и положила его в коричневый бумажный пакет вместе с бананом и плавленым сырком в серебряной фольге.

Галахад вернулся на кухню. Она отдала ему пакет с едой и Святой Грааль. Затем поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Вы очень милый, – сказала она. – Берегите себя.

Он обнял ее на прощание, она проводила его и захлопнула за ним дверь, потом налила себе еще одну чашку чая и тихо плакала в салфетку, пока звук копыт не затих вдали.

В среду миссис Уитэкер весь день сидела дома.

В четверг она пошла на почту за пенсией, а на обратном пути завернула в благотворительную лавочку.

За кассой сидела незнакомая дама.

– А где Мэри? – спросила миссис Уитэкер.

Дама покачала головой. Она носила голубые очки в угловатой оправе, а ее седые волосы были подкрашены синькой.

– Уехала с каким-то парнем, – сказала она, пожимая плечами. – На лошади. *На лошади*, представляете? Я сегодня должна была быть в Хэтфилде, а пришлось просить Джонни, чтоб он подвез меня сюда, пока мы не найдем еще кого-нибудь.

– О, – сказала миссис Уитэкер, – так она нашла себе молодого человека? Это очень мило.

– Кому мило, – сказала дама за кассой, – а кому надо бы сегодня быть в Хэтфилде.

На дальней полке миссис Уитэкер нашла потускневший от времени серебряный сосуд с длинным носиком. Судя по маленькой бумажной наклейке на боку, его оценили в шестьдесят пенсов. Он был похож на приплюснутый и немного вытянутый чайник.

Среди книг она обнаружила изданный «Миллзом и Буном» роман, который она еще не читала. Он назывался «Ее единственная любовь».

– Шестьдесят пять пенсов, милочка, – сказала дама за кассой, разглядывая серебряный сосуд. – Забавная штуковина, верно? Принесли сегодня утром.

Вдоль верхнего края сосуда были выбиты старинные квадратные письмена.

– Похоже на масленку.

– Это не масленка, – сказала миссис Уитэкер, которая точно знала, что это такое. – Это лампа.

К элегантно изогнутой ручке лампы было привязано небольшое металлическое кольцо без украшений.

– На самом деле, – сказала миссис Уитэкер, – я, пожалуй, возьму только книгу.

Она заплатила за роман пять пенсов и отнесла лампу на дальнюю полку, туда, где и нашла. В конце концов, размышляла она по дороге домой, ее было бы совершенно некуда поставить.

Перевод Олега Мороза

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Анджей Сапковский:

«Мне пришлось искать свое русло. И я его нашел...»

В середине июня в Санкт-Петербурге прошла 2-я международная ярмарка «Невский книжный форум». Одним из почетных гостей ярмарки стал Анджей Сапковский, создатель знаменитого фэнтезийного цикла о Ведьмаке, пользующегося популярностью не только на родине писателя, в Польше, но и в России. В ходе визита пан Анджей встретился со своими российскими коллегами, собравшимися в Центре современной литературы и книги. Писатель, прекрасно говорящий по-русски, охотно ответил на вопросы, которыми засыпали его петербуржцы...

— Пан Анджей, как получилось, что вы начали писать фантастику?

— Это довольно запутанная история. Когда-то, давным-давно, я работал во внешней торговле и вел нормальную размеренную жизнь. И вот однажды ко мне пришел сын, который всегда был человеком довольно странным. Он принес мне журнал «Fantastyka» с объявлением о конкурсе на лучший фэнтезийный рассказ. Я сказал сыну: «Подумаешь, рассказ! Даже я такой напишу». Слово за слово, мы стали держать пари, что я сочиню такую вещь, отошлю в журнал и получу первую премию. Так появился рассказ «Ведьмак». Целый год мы ждали результатов — и наконец-то в декаб-

ре моя новелла появилась на журнальных страницах. О результатах конкурса мне еще ничего не было известно, но за этот текст я получил примерно столько же, сколько зарабатывал на основной работе за месяц. Эх, где те времена!.. А потом началось то, чего я до сих пор не понимаю. Стоило появиться на свет Ведьмаку, как польские фэны начали приглашать меня на свои сборища – так называемые конвенты – в качестве почетного гостя, сажать в президиум... Они хотели, чтобы я принимал участие в каких-то совершенно непонятных мероприятиях – поначалу я не представлял, что мне там делать. Но оказалось, что фантастика – это очень интересная штука. Написав рассказ или роман, ты входишь в своеобразный мир со своими законами и принципами. С одной стороны это хорошо, с другой – не очень. Тебя все любят, все уважают, и это прекрасно. Но при этом фэны думают, что ты их собственность и должен делать то, чего они от тебя хотят. А это уже неправильно. Писатель никогда никому не принадлежит. Потому наши дороги с польским фэндомом со временем круто разошлись. Может быть, к лучшему, может быть, к худшему – не знаю, не мне это оценивать.

— Итак, вы дебютировали рассказом, потом появились отдельные романы, затем романы выстроились в цикл... Вы не считаете, что сериалы притупляют фантазию писателя? Одно дело — когда каждый раз приходится придумывать новый мир и новых героев, и совсем другое — когда повествование идет по накатанной колее...

– Да, я на самом деле начинал с рассказов. Эти рассказы я продавал в журнал «Fantastyka», где они появлялись раз в год, в лучшем случае – два раза. И это было великое достижение: польских писателей «Fantastyka» дважды в год печатала в исключительных случаях. Главным же сквозным героем всех этих произведений, как вы знаете, был ведьмак Геральт, и мне проще простого было сложить их вместе, получив то, что американцы называют «квазироманом». Так было с первым и вторым сборниками моих рассказов. Потом я задумался. Я очень хорошо знал канон англосаксонской фантастики: там сага из пяти-шести романов – самое обычное явление. Почему же в польской фантастике нет ничего подобного? Я сел и написал такую сагу. Но, в отличие от многих англо-американских фантастов, я уже на фазе планирования сказал себе: будет пять томов, и ни книгой больше! Не будет никакого сиквела, никакого приквела. Я уважаю славянского читателя и не хочу плодить героев наподобие Лары Крофт, бегающих по каким-то катакомбам без смысла и толка. Рассказ есть рассказ, роман есть роман. Даже если это роман на пять томов, он с чего-то начинается и

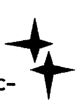
чем-то заканчивается. Просто я не успел рассказать эту историю в одном романе, и пришлось писать несколько частей. Но, поверьте, такого, чтобы я плутал в тумане, не зная, как будут развиваться события в следующем томе, не было.

— В России на сегодняшний день пользуются популярностью два польских писателя-фантаста — Станислав Лем и Анджей Сапковский. Как вы считаете, кто из ваших польских коллег мог бы добиться успеха на российском рынке?

— Вопрос непростой. Недругов у меня и так хватает, и если я назову две-три фамилии, то лишь приобрету новых. Так что, если позволите, я отвечу на ваш вопрос многозначительным молчанием. Пусть так и останется: Лем и Сапковский. Это и с точки зрения маркетинга очень удобно... Если говорить серьезно, то в Польше много интересных авторов. Но — извините. Я не их литературный агент, я ни копейки не получу за их продвижение на российский рынок. Пусть они сами делают то, что приходилось делать мне несколько лет назад. Вы думаете, меня вот так сразу все полюбили? Ничего подобного. Мне пришлось очень долго работать над тем, чтобы мои книги наконец-то появились в России, шла настоящая война. Ведь когда тобой интересуются иностранные издатели? Когда ты популярен на своем национальном рынке, когда тебя активно печатают, когда ты получаешь призы, занимаешь первые строчки в рейтингах разных журналов фантастики... Тогда иностранные издатели начинают задумываться: может быть, стоит напечатать его и в нашей стране? Так было со мной в Чехии, так происходило и в России. Моя задача заключалась в том, чтобы на все поступившие предложения твердо отвечать «нет, нет и нет». Слишком часто мои права нарушались в России в начале эпохи свободного книгоиздания. Мой нынешний переводчик, Евгений Вайсброт, от всех остальных отличался тем, что не удовлетворился отказом, а еще раз обратился ко мне с предложением перевести «Последнее желание» и «Меч предназначения». Причем речь тогда шла только о переводе, издательство «АСТ» заинтересовалось моими книгами позже.

— В ваших романах о Геральте часто встречаются почти не завуалированные намеки на известные исторические события, прозрачные политические аллюзии... Это случайность или сознательная позиция автора?

— Позвольте рассказать вам анекдот. Несколько лет назад я выступал в московском книжном магазине «Стожары», и мне задали примерно такой же вопрос. Я ответил точно так же, как отвечу сейчас: меня политика абсолютно не интересует, я ей не занимаюсь. Тогда они взяли мою книгу и спра-

шивают: а что это за королевство, которое ведет войну с другим королевством, но получает удар в спину от соседей, которые тут же захватывают часть его территории? На что, Анджей, ты этим намекаешь? На то, отвечаю я, как в 1938 году Польша вторглась на территорию Чехии... Это к тому, что я твердо намерен защищать тезис о своей аполитичности. Именно поэтому я и сочиняю фэнтези. Если я напишу, что советские бандиты в 1939 году вошли на нашу территорию, нанеся предательский удар Польше в спину, я присоединюсь к одной политической партии. Если напишу, что советские товарищи вошли, дабы защищать Польшу от немецко-фашистских захватчиков, я окажусь по другую сторону баррикады. Но когда я пишу о войне, во время которой эльфы вторглись на территорию каких-нибудь гномов, я остаюсь на нейтральной позиции.

— И это единственная причина, по которой вы выбрали именно фэнтези?

– Да нет, конечно, не единственная. Все началось с дебюта. Прежде всего, мне хотелось победить в конкурсе журнала «Fantastyka», а согласно условиям предлагалось написать именно фэнтези. Кроме того, польским читателям надоела фантастика в духе Лема, Зайделя, Стругацких. Им надоела фантастика политическая: каждый понимает, что когда литератор пишет о зеленых людях, он имеет в виду людей красных. Чего же хотят читатели? Может быть, они действительно хотят фэнтези? А какая фэнтези бывает? Я вам отвечу как большой специалист. Это либо роман-квест, в котором герои долго-долго идут по лесам и долам, потому что им надо выбросить этот проклятый перстень в какой-нибудь вулкан. В произведениях другого типа вообще ничего не происходит – герои идут по лесам и долам, убивая всех на своем пути, пока главный персонаж не вытрет кровь с меча и не уйдет в сторону заката. Это так называемая героическая фэнтези. Есть третий тип, артурианский: берется легенда о короле Артуре – и переделывается. Я горжусь тем, что мне удалось внести в фэнтези новую струю. Когда я писал рассказ для журнала «Fantastyka», я имел лимит в тридцать страниц. Для эпического квеста это слишком мало, героическую фэнтези я сочинять просто не хотел, а про короля Артура писали слишком многие. Пришлось срочно искать новое русло, и я это русло нашел. Я взял известную польскую сказку и сделал из нее фэнтези. Это моя находка. Получился рассказ «Ведьмак», пользовавшийся спросом. Классическая фэнтези достаточно проста: вот тебе меч, вот эльф, вот дракон... Чтобы тебя заметили, надо было придумать что-то новое. Я нашел свое русло, и мне не оставалось ничего иного, кроме

как этим руслом плыть. Выбраться из него я не мог, да и не хотел. Кто знает, если бы я тогда сказал «нет, я буду писать что-то другое!» – как бы развивались события?

— На Книжном форуме в Ледовом дворце продавался ваш новый роман, вышедший на польском языке. Не могли бы вы вкратце рассказать об этом произведении?

– Моя новая книга «Narrenturm» – первый том будущей трилогии – не такая, какой читатели привыкли видеть фэнтези. Все привыкли, что действие происходит в мире, которого быть не может, как у Толкина или Ле Гуин, в этакой Стране Никогда. Между тем в фэнтези существует целый спектр жанров, и один из оттенков этой радуги – фантастика историческая. Не альтернативная история, рассказывающая о том, «что было бы, если...», а именно та, в которой события происходят на подлинном историческом фоне. Вот сами герои и то, что они делают, – фантастичны. Ну, а сюжет романа вы скоро узнаете, переводчик уже работает над этой книгой.

— Каково ваше мнение о фильме, поставленном в Польше по циклу о Ведьмаке?

– Ответить на этот вопрос я могу только одним словом, и это будет слово неприличное, хотя и краткое.

— Следите ли вы за тем, что сегодня происходит в фантастике за рубежами Польши – на Западе и в России?

– В давние времена практически не было автора фэнтези, которого я бы не читал. Когда этот клапан в Польше только приоткрыли, из него текло крайне скудно. Тогда мне очень пригодилось знание иностранных языков. Я покупал почти все фантастические книги, которые попадались в польских магазинах. Немало американской и английской фантастики я прочитал на русском, в серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир»: эти книги были доступны. Конечно, я тогда читал и многих русских фантастов. Но сейчас я читать почти перестал. Авторов, имена которых золотыми буквами вписаны в историю жанра, я узнал еще тогда – Джека Вэнса, Роджера Желязны... В конце 80-х, когда этих авторов начали активно публиковать на польском, каюсь, я абсолютно перестал читать русскую фантастику. На это у меня просто не было времени. Но благодаря таким энтузиастам, как Эугениуш Дембский, я знал, что происходит в России. Я даже побывал на «Росконе» – не помню, где это было, помню одно: мой врач с моей печенью очень долго меня потом укоряли. Я тогда еще зарекся, что никогда не поеду на российские коны, потому что моя печень этого не выдержит.

Записал
Василий Владимирский

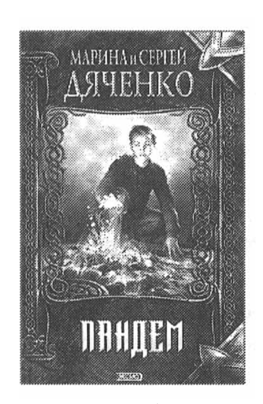
Рецензии

Мечты сбываются...

Дяченко М. и С. Пандем: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. – 480 с. – (Нить времен). 7000 экз. (п) ISBN 5-699-02567-7

«Пандем» – книга неожиданная уже хотя бы тем, что предполагаемого апокалипсиса не наступает. Оказывается, у героя, давшего название роману, общее с пандемией только одно – всеохватность.

Дяченко избегают давать «черно-белые» определения тому, что описывают, и уж точно никогда не делают это сразу. Кто такой Пандем, так и не становится окончательно понятно. Пестун человеческий, имеющий возможность поговорить с каждым на его языке, с любым и в любой момент, с шестью миллиардами одновременно... Знающий не все – но почти все, к всезнанию асимптотически приближающийся. Еще не всемогущий, но могущий достаточно, чтобы остановить любые смерти, кроме тех, что от старости. И, разумеется, озабоченный только благом человечества.

После такой вводной ждать остается только описания того, как благие намерения превращаются в катастрофические последствия. *«Счастье для всех даром»* и правда не наступает. И причины этого излагаются в беседах героев с самим Пандемом. Причины, в общем-то, известные, три четверти их есть в диалоге благородного дона Руматы Эсторского и доктора Будаха. Основная такая: *«Когда получат они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно»*.

Пандем – при всей своей мощи и осведомленности – совершает, однако, все ошибки доброго, умного и интеллигентного человека, получившего абсолютную власть. И эволюционирует так, как эволюционировал бы такой человек, – с поправкой на то, что шансов на дворцовый переворот нет. Хотя дары нового – «пандемного» – прогресса даются человечеству постепенно, оно все же становится все инфантильнее. Медленно, но неотвратимо. Кстати, медлительность перемен несколько раздражает – в том числе и потому, что они показаны с точки зрения большого количества разных

людей, из-за чего сюжетная линия почти теряется в многообразии взглядов на происходящее. Уже привычного для книг Дяченко напора, потока событий, того, что называется «драйвом», в «Пандеме» нет.

Следить за эволюцией нечеловека в человеческом обществе – занятие интересное до чрезвычайности. Особенно когда заранее сказано, что масштаб явления делает его непознаваемым. В этом есть элемент лукавства, потому что познать Пандема, пусть частично, земная наука все же пытается. Хотя какая там, честно говоря, наука, когда открытия подаются на блюдечке с голубой каемочкой – так, небольшие открытия редких энтузиастов, которым исследовать интереснее, чем получать готовые результаты.

И, конечно, любопытно и жутковато следить за эволюцией человека в нечеловечески управляемом обществе. Дяченко остаются оптимистами, у них всевластная доброта к полной и окончательной гибели человечества не приводит – хотя и проводит его совсем рядом с последней чертой. И в этом авторы убедительны до дрожи. Замечательное чтение для прекраснодушных отроков – ужас осуществленной мечты.

Андрей Дмитриев

Снова о законе и благодати

Трускиновская Д. Дайте место гневу Божию: Роман. – М.: АСТ, 2003. – 383 с. – (Ночной дозор). 7000 экз. (п) ISBN 5-17-016825-X

Когда-то, во время учебы на филфаке, пришлось прочитать эпопею Максима Горького «Жизнь Клима Самгина». По мере знакомства с текстом охватывал некий священный трепет перед величием замысла и воплощения, а больше из-за того, что трудно было определиться с классификацией персонажей. Кто из них прав, кто виноват? Вроде бы все до одного говорят умные и правильные вещи… Почти такое же смущение испытываешь и при чтении нового романа Далии Трускиновской.

Один московский критик выразился об этом сочинении в том смысле, что такие книги нужно читать стоя. Присоединяюсь к его мнению. «Дайте место гневу Божию» – весьма заметное явление на ниве современной российской фантастики. И по своим художественным достоинствам (композиция, стиль, фабула и характеры), и по тем мыслям и чувствам, которыми наполнены страницы романа.

Сюжет книги идеально вписывается в рамки серии, в которой она вышла («Ночной дозор»). Спецкоманда, созданная ангелами из числа погибших милиционеров, расследует дело о нарушении паритета между Светом и

Тьмой. Параллельно действует команда, состоящая из демонов Справедливости. Просто представьте себе, что будет, если восстанавливать справедливость берутся черти. Все запутывается в тугой гордиев узел, разрубить который можно разве что чудесными мечами, до поры до времени хранящимися на небесах. Естественно, это всего лишь упрощенная схема.

На самом деле для писательницы сюжетные перипетии не так важны, ибо «Дайте место гневу Божию» – роман не столько приключенческий, сколько идеологический, богоискательский. Здесь вновь поднимается вопрос, мучающий русскую литературу уже около тысячи лет: «Что же выше – Закон или Благодать?» Закон проще, понятнее. Полистайте Ветхий Завет. Там ни разу преступник не уходит от возмездия. Какое там *«прощайте врагов своих»*! Ослушники Закона истребляются поголовно, под корень. Не потому ли и порядка больше было? Христианская этика внесла сумятицу в умы и законодательство. Судить преступника стало сложнее. *«Кто из вас без греха?»* То есть кто дал вам право судить себе подобного? Нет уж! *«Мне отмщение, и Аз воздам!»* Ну, а как же мера терпения Господа, где место гневу Божию?

Далия Трускиновская не спешит снабдить читателя готовым рецептом. Ее роман – слепок этической неразберихи, охватившей наше общество. Действительно, одни ратуют за суровость закона, кивая на недавнее прошлое: дескать, тогда, при жестоком властелине, все было лучше и понятнее. Иные же бьются за торжество благодати, за дальнейшее смягчение нравов. Вон, даже смертную казнь упразднили...

Что же есть истина? Герои романа с надеждой вглядываются в Небеса. И получают ответ. Может, и впрямь стоит чаще обращаться взором и сердцем к тверди небесной, голубеющей у нас над головами?

Игорь Черный

Ордусь минус

Алимов И. Пластилиновая жизнь. Арторикс: Двуллер / Худ. Н.Воронцов. – СПб.; Пекин: Азбука-классика, 2003. – 256 с. 7000 экз. (п) ISBN 5-352-00359-0

Главный вопрос, возникающий при чтении этой книги: насколько «Пластилиновая жизнь» соотносится с циклом Хольма ван Зайчика «Плохих

людей нет»? Петербургский востоковед и *«харизматический писатель»* Игорь Алимов известен читателям прежде всего как *«один из консультантов переводчиков Великого Еврокитайского Гуманиста»* (совместно с Вячеславом Рыбаковым). Кроме того, герои дебютного романа Алимова – в первую очередь обаятельный инспектор полиции Сэмивэл Дэдлиб – уже мелькали на страницах «Евразийской симфонии», что лишний раз подчеркивает родство этих двух произведений. Между тем с гуманизмом в мире *«двуллера»* (так определяет жанр романа сам автор) дела обстоят не очень. Представьте «крутой детектив» в духе Дэшила Хэммета или Реймонда Чандлера, добавьте чуть-чуть классического вестерна (в духе фильма «Хороший, плохой, злой») и отожмите получившийся полуфабрикат до сухого остатка. Получится двуллер – или что-то до боли на него похожее. Разумеется, в такой книге без трупов штабелями и «крови, брызгающей в объектив», никак не обойтись – даже если покойники на поверку оказываются преимущественно заводными куклами, а кровь – морковным соком.

Чудесный город Тумпстаун, в котором начинается действие романа, похож разом на все города из американских триллеров и вестернов. Дилижансы здесь мирно соседствуют с мобильными телефонами, ноутбуками, а также, как выясняется ближе к финалу, с человекоподобными роботами и реликтовыми динозаврами из почти конан-дойльского «затерянного мира». Автор с восхитительным пренебрежением относится ко всем второстепенным и малозначимым с его точки зрения деталям. Это даже не «альтернативка» в традиционном представлении: страна, эпоха, экономическая формация, источник благосостояния обитателей Тумпстауна – все это в высшей степени условно, да по большому счету и не нужно читателю, чтобы «врубиться» в происходящее. В двуллере все просто: есть хорошие парни – авантюристы, конечно, но как же без этого? – и парни плохие, стремящиеся захватить власть или, по меньшей мере, прищучить оппонентов (вплоть до использования метода, предложенного еще Львом Гурским в романе «Перемена мест»). Победят, естественно, наши, но прежде инспектор Дэдлиб, отправившийся в подозрительный курортный городок Арторикс, в одночасье возникший посреди пустыни, не раз пройдется по лезвию бритвы, выпьет много литров превосходного светлого пива «Асахи» и отмочит кучу гэгов – как и положено главному герою романа-комикса. Отдельный поклон художнику Николаю Воронцову, оформившему «Пластилиновую жизнь» в полном соответствии

с содержанием. Словом, если сравнивать эту книгу с самым популярным на сегодняшний день плодом творчества Алимова-прозаика, то можно сказать, что «Арторикс» – это «Плохих людей нет» минус социальное моделирование. Или, если угодно, цикл ван Зайчика – это «Пластилиновая жизнь» плюс Ордусь.

Василий Владимирский

Прозрение кадета Пушкина

Зорич А. Завтра война: Роман. – М.: АСТ, 2003. – 448 с. – (Звездный лабиринт). 10 100 экз. (п) ISBN 5-17-016399-1

Отрадно или нет, но патриотический трэш-роман, реконструкция соцреалистического повествования со щепоточкой «чужого» (будь то вампирский ужастик, как в «Красном бубне», китаизированный триллер, как в «Ордуси», кислотный трип, как в «Мифогенной любви каст», джеймсбондовские приключения, как в «Матадоре на Луне»), – заметная тенденция современной российской литературы, и фантастика – не исключение. Патриотизм стал модной темой, а рефрен *«Горжусь Россией!»* из новой книги Зорича мог бы оказаться девизом не одного десятка романов. Кстати, Россия у автора понятие довольно-таки обширное – среди линкоров ее военно-космических сил присутствуют, к примеру, «Белоруссия», «Прибалтика», «Кавказ»...

Православно-советско-перестроечная мешанина из *«товарищей офицеров»*, линкора «Три святителя» и воспоминаний об ордене «Победа», учрежденном при диктатуре Сталина, дает представление о художественном методе – первобытном постмодернизме, интертекстуальности на уровне анекдотов о поручике Ржевском. Такие словесные изыски, как *«обойчики веселой расцветки»*, *«безотрадное зрелище»*, *«глядел нелюдимом»*, дают представление о достоинствах авторского стиля. Что же касается сюжета... В наличии две линии, два лирических героя. В первой таковым выступает курсант российской Военно-Космической Академии по имени Александр Пушкин – неиспорченный русский (*«и это многое объясняет»*) мальчик с Идеалами и сексуальной неудовлетворенностью. Учеба учебой, но без войнушки не было бы истории – по счастью, Пушкину приходится сражаться с инопланетными агрессорами Джипсами (аналогом жуков из «Звездной пехоты»)... Еще один герой – шведский инженер, работающий на транснациональных капиталистов. Тут уже все сделано по образу и подобию романов Пола и Корнблата (таких, как «Торговцы космосом») и

бессмертных произведений прочих критиков социального устройства, весьма модных в Америке 50-х годов прошлого века.

В общем, первая половина романа – старая добрая космоопера, которую пишут до сих пор для Настоящих Фэнов и для тинейджеров. А затем читатель вдруг обнаруживает социальную проблематику – хотя и не в той части, где говорится о корпорациях. Лучший друг России и Объединенных Наций – Конкордия – оказывается и не другом вовсе, а крайне подозрительным субъектом, тоталитарным государством вроде Северной Кореи или Ирана. Про злобных Джипсов счастливо забывают (туда им и дорога), с *«братьями по великорасе»* сражаться гораздо забавнее. Нет, в самом деле, прозрение невинного кадета в отношении общественного устройства довольно интересно не только в идеологическом, но и в психологическом плане. Хотя доминантой все же выступает социальная подоплека конфликта. Повторяется ситуация, предваряющая Вторую мировую войну: обе стороны готовились к нападению, но успела одна... Автор подмигивает читателю: вот, мол, какие мы с тобою умные, не верили в «белопушистость» Великой России и ООН, не то, что этот зеленый четверокурсник из Академии...

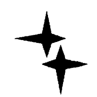

Книжка заканчивается, хотя тема как следует не раскручена. Буквально на последних страницах нам читают лекцию о том, что война развязана не за энергетические ресурсы, конфликт глубже – в ретроградной эволюции, в возвращении к общинным ценностям, вере Конкордии. Ценностям, которые рушат весь уклад жизни противной стороны, ценностям, которые необходимо уничтожить – или сдаться... В итоге получилась своевременная, неглупая, даже интересная книжка. Впрочем, у автора осталось целое нагромождение неразвязанных сюжетных узлов, продолжение наверняка следует, посмотрим, выдержит ли Зорич темп.

Сергей Красиков

Миссия под куполом

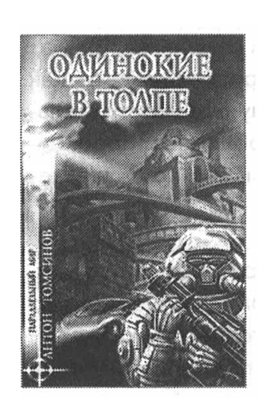
Томсинов А. Одинокие в толпе: Роман. – М.: Вече, 2003. – 480 с. – (Параллельный мир). 5000 экз. (п) ISBN 5-9533-0086-7

Опубликовать дебютный фантастический роман сейчас стало сравнительно просто: все, что написано более-менее умело, имеет

хорошие шансы быть опубликованным. Другое дело (и это вполне естественно), что шедевров среди этих произведений почти нет: дебютанты нынче люди молодые, житейским опытом и научными познаниями не отягощенные, вдохновение черпающие в прочитанном и увиденном в кино. Сюжет, один голый сюжет и ничего кроме – вот самое большее, на что могут рассчитывать читатели...

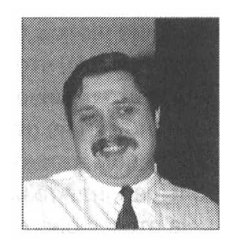
На этом фоне дебютная книга москвича Антона Томсинова выделяется резко, как гроздь рябины на первом снегу. То есть с сюжетом-то все в порядке и в этом романе: речь в нем идет о мире, возникшем после того, как планета Земля пережила-таки рукотворный Апокалипсис. Уцелеть здесь можно, только находясь в одном из немногочисленных полисов – огромных городов, защищенных энергетическими куполами. За их пределами – выжженная радиацией пустыня... Но и в полисах жизнь не сахар, все пороки прежнего социального устройства, которые, собственно, и привели к катастрофе, никуда не делись: богачи любой ценой стремятся к сверхдоходам, в бедных кварталах пышным цветом цветет преступность, а творческая интеллигенция растрачивает себя на пустые поделки, рассчитанные на невзыскательный вкус. В такой-то обстановке и приходится существовать пяти Кланам, сохранившим остатки древнего Знания. Может быть, объединившись, они и сумели бы избавить планету от последствий Апокалипсиса, но увы: они заняты междоусобными склоками, каковые и составляют сердцевину сюжета; в центре повествования – три друга, три кланера, каждый из которых должен выполнить свою миссию.

К счастью, автор не боится «разбавить» текст философским осмыслением описываемых событий, которое, конечно же, перерастает в философское осмысление мира за окном. И пусть он иногда изобретает велосипед и открывает Америку – это не страшно, главное – что Антону Томсинову есть что сказать и он умеет это делать. Ну, а знатоки фантастики будут приятно удивлены тем, как автор обыгрывает достижения своих коллег. Скажем, один из Кланов, занимающийся синтезом возможностей человека и компьютера, называется Кланом Нейромантов (привет Гибсону!). А персонажа, который считается гением компьютерного дизайна, зовут Анри... В общем, в Клан Фантастов Томсинов уже попал. А новую миссию для себя он, хотелось бы надеяться, выберет сам. Читатели будут ждать.

Кондрат Николаенко

Дмитрий Володихин

ДВИЖЕНИЕ В СТОРОНУ БЕРТРАНА

Поводом для этой статьи стал выход романа Елены Хаецкой «Дама Тулуза» (М.: АСТ, 2003) – последнего в масштабном цикле о судьбах Лангедока во времена катаров. Этот цикл можно рассматривать как единое произведение. Несмотря на полную сюжетную самостоятельность составляющих его романов, их соединение обладает дополнительной художественной ценностью, дает новые смыслы, которые невозможно разглядеть на уровне фрагмента...

Дама Тулуза. Своенравная, прекрасная, открытая, веселая, рабочая, студенческая, приветливая — кого полюбит, того уж полюбит, а кого не полюбила — того не полюбила, и попробуй тут что пойми... Разве Монфору можно было, увидев, не влюбиться в эту женщину, разве можно было не пожелать ее себе!
Елена Хаецкая «Дорога в Монсегюр»

«Это было в 1995 году на фестивале "Зиланткон". Я дала обет написать роман о Лангедоке, а может быть, и несколько романов. Той эпохой меня заинтересовали ролевики, кажется, они в 1994-м поставили первую "монсегюрку" — игру по альбигойским войнам... Я почувствовала в истории борьбы, происходившей между Горой и католиками, нервным куртуазным Югом и тяжким франкским рыцарством, какую-то необыкновенную, завораживающую красоту, помню, я буквально горе-

ла этим, да все тогда пребывали в состоянии бредового восторга...» – рассказывает Елена Хаецкая об истоках своего Лангедокского цикла*.

В него входят романы «Бертран из Лангедока» (2002), «Жизнь и смерть Арнаута Каталана» (2002), «Дама Тулуза» (2003), рассказ «Добрые люди и злой пес» (2002) и воспоминания о поездке в Южную Францию «Дорога в Монсегюр» (2003). Основная работа пришлась на 1996-1999 годы, однако затем цикл долго и трудно шел к читателю: на протяжении нескольких лет издатели недоумевали, к какой разновидности фантастической литературы его отнести, – а потому не спешили печатать. Историческая фэнтези, может быть?

Да, истории тут достаточно. В качестве сцены использована вполне историческая Франция (в некоторых случаях даже приземленно-историческая) последней четверти XII – середины XIII столетия. Вот только классической фэнтези с ее магизмом и квестовой романтикой не то чтобы мало, а... совсем нет. Фантастического в цикле немного, можно сказать – предельный минимум (особенно в «Даме Тулузе»). И вся совокупность «фантастики» не выходит за рамки христианской мистики. Вот Господь и Его благие чудеса. А вот бесы копошатся и строят козни, совращая людей. Фантастическое допущение использовано в цикле таким образом, что по сравнению с реальностью средневекового Лангедока настоящей фантастикой оказывается реальность «Поднятой целины», «Цемента», «Гидроцентрали», «Разгрома»... Нет в них ни Бога, ни бесов, а этого по определению быть не может, это чушь, это сапоги всмятку, несерьезная небывальщина. Лангедок с чудесами – **христианский реализм****, «Поднятая целина» с тракторами – христианская фантастика...

Все четыре художественных произведения, вошедших в цикл, построены сходным образом. В центре повествования всегда один персонаж, и текст неизменно обретает очертания даже не биографии, а жития, в котором выделены особенно важные эпизоды, счастливо опущена вся психоаналитическая дребедень (какая там злая собака напугала

---

* Записано по памяти, дословную точность гарантировать невозможно, однако общий смысл именно таков. Дата высказывания – май 2003 года.

** Можно то же самое называть «сакральной фантастикой», «мистическим реализмом», «историко-мистической литературой» и т.п. Во всех случаях определение будет правильным. Словосочетание «христианский реализм» для одних ушей звучит экзотично, а для других – совершенно естественно, в зависимости от того, что кажется более реальным – чудеса святых или продовольственная программа.

мамашу, вынашивавшую будущего маньяка и мизантропа), на полях же помещены маргиналии об иных примечательных людях, поучительные притчи, зарисовки исторического фона; в числе житийных эпизодов особо выделяется все чудесное — независимо от того, выступал ли в роли чудотворца главный герой или же чудо просто проявлялось на поверхности бытия рядом с ним.

Автор...

Окситания Хаецкой прекрасна, обворожительна, притягательна, какой бывает гордая женщина, полная молодой грации и солнечной красы. Окситания по-хаецки — спелый хлеб, ослепительно прозрачный воздух, виноградина, налитая светом. Окситания похаецки — рай земной. Земля языка Ок пленительна и богата, Бог осыпал ее дарами, а тамошние люди исполнились отваги и утонченности.

Да, Хаецкая любит Лангедок, радуется самому факту существования этой роскошной страны. Как было бы хорошо, вытекает из ее романов, если бы южная красавица признала своего истинного супруга, а именно — суровый франкский север, персонифицированный в Симоне де Монфоре, бесстрашном рыцаре и добром католике. Ан нет, место в ее душе занято Учителем-ересиархом, катаром, *«совершенным человеком»*, для которого вся эта красота — грязь, низкая плоть... худо, что духу приходится мараться о плоть.

Катары, которых так полюбила Окситания, в трактовке Хаецкой — гниль, болезнь, чудовищное искажение, поразившее вполне здоровое тело. Последовательно христианское мировидение автора не оставляет катарам ни единого шанса на более мягкий вердикт. Их твердыня, Монсегюр, отбрасывает на всю славную землю Лангедока свинцовую тень сатанинства. *«И тень Горы лежала на всем...»* («Жизнь и смерть Арнаута Каталана»).

В романе «Дама Тулуза» свершается подобие истинного брака – свадьба Петрониллы де Коменж и Гюи, сына Симона де Монфора. И смерть супруга, разрушившая семью, представляется трагедией, расшифровывающей триумфальную гибель самого Симона. Горе несчастной Петрониллы обретает космические масштабы: то, что худо закончилось для нее, худо закончилось и для всей Окситании.

Чья в том вина? Да все той же Горы, тень которой сумела укорениться в сердцах лангедокцев. Христианский мир, вторгшийся в «окатаренную» страну железом Симона де Монфора и крестом Св. Доминика, не мог быть мягче, поскольку и враг не желал уступать ни пяди. Одержимость катаров ничуть не менее способствовала пролитию крови, нежели старания инквизиции. Но дело даже не в этом. Фактически на целой стране проведена была болезненная хирургическая операция, скальпель Севера глубоко погрузился в плоть Юга... И Юг, прекрасный, смертельно больной Юг уже не нашел в себе сил полюбить тех, кто исцелял, причиняя боль. В то же время, если бы Святой Доминик закрыл глаза на еретическое буйство, а Симон де Монфор умерил свой карательный пыл, они могли бы стать частью этой земли, как старые графы Тулузские, например, – но и **частью болезни** одновременно.

...и его книги

Из всего цикла отчетливо выделяется роман «Бертран из Лангедока». Все остальные произведения суть фрагменты великой трагедии. *«Дама Тулуза – недостижимая, мистическая возлюбленная Монфора»*, сердце Окситании, осталась холодна к истинному своему супругу, погиб *«пастуший пес»* Монфор, страдал Св. Доминик, жуткую кончину принял Арнаут Каталан. А дальнейшая историческая судьба Окситании больше похожа на холодный брак по расчету – с французской короной и отчасти с английской... Лишь в романе «Бертран из Лангедо-

ка» видно примирение, видна гармония. Судьба главного героя, лангедокского рыцаря Бертрана де Борна, показывает совершенно ясно: можно не предавать свою землю, быть и поэтом, и настырным забиякой, и образцом куртуазности, и бесстрашным бойцом, при всем притом ничуть не отпадая от доброй веры... Бертран де Борн – своего рода остров благополучия и правильности в океане искажения. Монашество пришло к нему в конце жизни естественно – так венец приходит на голову первенца после смерти его отца-государя. Арнаут Каталан, посредственный трубадур и веселый безбожник, лукавый любовник и бесшабашный плут, прошел очень долгий путь, обретая то, что Бертрану де Борну было присуще изначально. Впрочем, Арнаут Каталан – человек маленький, шут, забавник, пламенный дурачок, с него и спрос другой. Повезло ему повстречать Святого Доминика, и все его дурашливое сладострастие начало таять, исчезать, да так и ступил прежний трубадур на путь страстной веры. То, что в рыцаре Бертране – природа, трубадур Арнаут получает накалением воли; то, что у первого – жизнь текучая, звенящая, простая и чистая, второму дано как величественная и кровавая трагедия... Трагедия, трагедия... очень плохо. Путь к Богу свободен, и когда огромная, прекрасная страна обретает его с боем, корежась и страдая, обманываясь и кровью своей выплачивая выкуп за доверчивость, это худо, это неправильно, это страшно, в конце концов...

Бертран де Борн – своего рода идеальная личность, насколько это, разумеется, возможно в реальных исторических условиях. Св. Доминик тоже идеален, но в ином смысле – прежде всего как человек-орудие, инструмент Божьего Промысла для приближения других людей к живому идеалу Бертрана (что, собственно говоря, и происходит в истории с Арнаутом Каталаном). Симон де Монфор – далеко не идеален, однако ему досталось амплуа **камня**, без которого здание идеала стоять не будет. Хаецкая, скорее всего не осознавая этого, задала хворой Окситании вектор выздоровления – **движение в сторону Бертрана**. Меч Монфора и крест Святого Доминика спасают души Арнаутов Каталанов, вытаскивая их из тени Горы и приближая к Бертрану. Поэтому, с моей точки зрения, роман «Бертран из Лангедока» является ключевым для понимания всего цикла, самым сложным и, наверное, лучшим.

Лангедокский цикл Елены Хаецкой – одна из высочайших вершин постсоветской фантастики. Мы в кризисе? Да в каком же мы кризисе, если существует кто-то, способный **так писать**?!

Магия слова

Владимир Обручев

ЗАТИШЬЕ

Рынок клонов, о засилье которых мы писали в прошлом обзоре переводной фэнтези (см. «ЗД» № 2 с.г.), взял паузу — иначе чем объяснить отсутствие книг, до боли напоминающих «Властелина Колец»? Нет ни новых подражаний, ни новых дополнений, ни даже пародий. Оно и понятно: ажиотаж, связанный с фильмом, закончился — теперь можно сделать паузу до зимы, глядишь, и новые издания появятся к выходу третьей серии. А вместо клонов «лучшей книги столетия» в этом обзоре есть самые разные произведения — от новых творений мэтров до интересных дебютов, от весьма впечатляющих романов до опусов, которые попали в обзор по необходимости.

Опасные игры

Р.А.Салваторе «Серебряные стрелы», «Магический кристалл», «Проклятие рубина», «Темное наследие». Перед нами – целых четыре романа из игровой вселенной «Забытых Королевств». По сравнению с другими книгами об этом мире, изданными на Западе, эти – одни из лучших. Приключения темного эльфа Дризз'та до Урдена продолжаются. Но, как это много раз бывало раньше и неизбежно будет впредь, очень плох перевод. После прочтения возникает много недоуменных вопросов, и первый из них – зачем было переименовывать главного героя? В результате получается вот какой вывод: книги хорошие, но издатели опять многое испортили.

Джоэл Розенберг «Спящий дракон». Книга в столь любимом американцами стиле: несколько друзей играли в настольные ролевые игры, по-

том случайно оказались заброшенными в тот самый мир, и с этого начались их приключения. Это первый роман из довольно большого цикла, он весьма неплохо написан, легко читается. Нельзя, правда, не отметить, что издательство «АСТ» опять «отличилось»: до этой книги они выпустили три романа из другого цикла того же писателя – «Хранители скрытых путей», теперь, ничтоже сумняшеся, отнесли к нему и «Дракона». Мягко скажем, некорректно! Внимательнее надо быть!

Варианты истории

Гай Гэвриэл Кей «Львы Аль-Рассана». Любопытный роман в жанре псевдоисторической фэнтези. Действие разворачивается в стране, которая напоминает Испанию времен столкновения мусульманской и христианской культур. Из всех произведений писателя это – самое реалистичное. Книга хороша в плане стилистики, да и перевод ее не испортил. «Львов Аль-Рассана» можно смело рекомендовать тем, кого интересует культурологический аспект фэнтези. Читайте – не пожалеете.

Пол и Карен Андерсон «Галльские ведьмы», «Дахут, дочь короля», «Пес и волк». Вторая, третья и четвертая книги из цикла «Короли Иса». Мы снова встречаемся с королем Грациллонием и его женами – могущественными королевами-ведьмами. К немалому сожалению, чем дальше развивается повествование, тем тоскливее читать: романы все скучнее, все сильнее ощущение безысходности. И чем ближе к концу четвертого произведения, тем яснее становится банальность сюжета, столь противоречащая всем тем качествам, благодаря которым романы Пола Андерсона были столь интересны.

К. Дж. Паркер «Закалка клинка». Начало очередного сериала. Очень неплохой роман «плаща и шпаги» навевает воспоминания о произведениях Александра Дюма. В наличии динамичный сюжет, богатый параллельными линиями. Внятно выписаны характеры персонажей. Нет ни патетики на пустом месте, ни так любимых многими авторами, но зачастую совершенно неоправданных душевных метаний героя. Герой делает выбор и следует ему, не отвлекаясь на бесполезные переживания на тему «А что скажут высшие силы?». Пожалуй, это одна из наиболее интересных книг, выпущенных за последнее время.

Крис Банч «Корсар». Книга, вызывающая ассоциации с морскими романами Рафаэля Сабатини, разве что меньше места отведено описаниям

кораблей и больше — самим приключениям. Вещичка приятная во всех отношениях. Но, к сожалению, хорошо знакомым с творчеством Сабатини будет скучновато. Морская романтика не спасает от стойкого чувства дежа-вю, преследующего на протяжении всей книги. Хотя надо отдать должное автору: читается роман превосходно. Легкий язык. Приключения в полный рост. Хорошее крепкое произведение, от которого не ждешь ничего гениального, а просто получаешь удовольствие.

В лучших традициях

Урсула Ле Гуин «Сказания Земноморья». После долгого перерыва писательница выпустила новую книгу о Земноморье. В ней — пять рассказов о волшебнике Геде, об истории возникновения школы магов на острове Рок и о других событиях. К чести автора следует сказать, что эти произведения не похожи на предыдущее сочинение о Земноморье — «Техану». Они намного интереснее, и здесь нет тоскливого феминизма, которым писательница в последнее время явно злоупотребляет.

Дэвид Геммел «Эхо великой песни». Один из немногих отдельных романов этого сочинителя. Изображен очень необычный мир, в котором правят могущественные маги, черпающие свою силу из кристаллов. Но даже им будет нелегко устоять в той войне, которую начинают подданные таинственной Королевы Кристаллов... Как и все остальные книги Геммела, эта оставляет весьма приятное впечатление, хотя точно не является шедевром.

Сводки с фронтов

Р.А.Салваторе «Демон пробуждается». Первый роман нового и весьма интересного цикла. Могучий демон, многие годы спавший под горным хребтом, пробуждается и решает, что пора захватить власть на всем континенте. И вот уже неисчислимые армии гоблинов и гигантов устремились вперед! Но демону противостоят отважные герои, которым все-таки удается найти управу на грозного врага... Этот роман читается на одном дыхании, видно богатое воображение автора. Хотя ничего большего от книги ждать не стоит.

Стив Эриксон «Врата мертвого дома». Продолжение романа «Сады Луны». Война, война, кругом война. Очень жесткое повествование. И в

то же время произведение написано очень живо и по своему психологическому напряжению даст огромную фору практически всем книгам из этого обзора. Если вам понравилась первая часть цикла, то вы с немалым удовольствием обратитесь к ее продолжению, если же нет – жаль, значит, вы не любите тексты, где психологические моменты стоят на первом плане.

Миллер Лау «Талискер». Еще один представитель «романов одного героя». Этому самому герою на роду написано спасти мир, соседний с нашим. Уничтожить злого бога, которого почему-то не сочли нужным уничтожить в предыдущей серии. Странно все это. Знать, что злодей обязательно вырвется, припрятать на этот черный день спасителя, но не убить врага, а только заточить его в узилище. Видимо, чтобы последующим поколениям жизнь медом не казалась... Но если отбросить изначальную нелогичность сюжета, то получится не очень плохое, даже интересное произведение.

Женский почерк

Робин Хобб «Волшебный корабль». Новый сериал писательницы, известной произведениями из цикла «Ученик убийцы». Мы оказываемся в том же мире, только совсем в другом месте: в этих краях плавают необыкновенные «живые» корабли, на которых пускаются в странствия купцы. Перед нами – типичный образец так называемой женской фэнтези. Всё как и в других романах этого автора – много эмоций, переживаний, женского взгляда на проблемы. Кроме того, книга неприятно поражает своей толщиной: в ней больше тысячи страниц.

Элизабет Хэйдон «Рапсодия». Дебютный роман молодой авторессы – первая часть трилогии. Певица Рапсодия оказывается втянутой в опасные приключения, за время которых ее родина сгинет в морской пучине, а она вместе со своими спутниками окажется на другом континенте спустя полторы тысячи лет. Этот дебют был по достоинству оценен на Западе, очередь за нашими любителями фэнтези. Очень неплохое произведение, необычное по сюжету и по языку.

Джулия Дин Смит «Зов безумия», «Посланники магии». Первые два романа сериала. Средневековый мир, где маги считаются посланцами дьявола из-за охватывающего их безумия, которое на деле лишь следствие отсутствия должного обучения. Но это только в одной стране, а

в соседнем государстве маги пытаются придумать, как помочь своим собратьям... Казалось бы, интересная интрига, но с удивлением обнаруживаешь, что уже с середины обеих книг в состоянии точно предсказать, чем закончится история. Все развивается по довольно затасканной схеме — без неожиданностей. Главная героиня не желает признавать, что обладает даром магии, и лишь после гибели любимого берется за ум, сразу и безоговорочно уверовав во все отрицаемое раньше...

Хождения по мукам

Ив Форвард «Анимист». Средненький по фабуле и языку роман. Юноша-маг, отправившись в морское плавание, неожиданно втягивается в конфликт между двумя королевствами в далеких землях. В отличие от предыдущего романа того же автора «Злодеи поневоле», эта книга не стоит особого внимания.

Джеймс Бибби «Ронан-варвар», «Спасение Ронана». Предпринятая писателем попытка скрестить ужа и ежа — Говарда и Асприна — закономерно провалилась. Нет ни героики Говарда, ни искрометного веселья первых «Мифов» Асприна. Если бы в западном журнале не обнаружилось информации о том, что эта книга существует на английском языке, то можно было бы принять ее за попытку российского автора выдать свой довольно убогий труд за перевод.

Сара Дуглас «Искупления путника». Очередное пророчество, очередной герой вопреки всему неуклонно движется к спасению мира, и не берет его ни стрела, ни меч, ни козни врагов. Все как обычно. Есть непобедимый для всех, кроме героя, злодей, есть несколько злобных родственников, портящих герою жизнь... и вот он уже на тропе спасения «недостойных» от уготованной им участи. Бесспорно, в этом произведении бесподобно выписан мир, прекрасно построен сюжет. Вещь «проглатывается» на раз, и хотя точно знаешь, кто победит, все-таки хочется прочитать продолжение. А вдруг все окажется совсем не так, как всегда?

К сожалению, напрашивается грустный вывод: книг весной вышло меньше (практически на треть меньше, чем зимой), хороших из них немного, и при этом в половине случаев есть проблемы с переводом — видимо, у издателей просто нет желания возиться с ними: «пипл и так схавает». А как же профессиональная гордость? И-эх...

Арбитмания

МЕЧ, МАГИЯ И КОМПАКТ-ДИСК

Несколько лет назад видный – во всех смыслах – санкт-петербургский фант-критик Сергей П., выступая на «Интерпрессконе», отчаянно обрушился на своего тогдашнего земляка, популярного писателя-фантаста Николая П. «Опомнись, Коля! – взывал критик. – На что ты тратишь свой талант? На паршивые фэнтези? На бульварщину про эльфов и гоблинов, гномов и орков? А где-то прозябает без тебя большое и качественное искусство! И человек твоего дарования не просто может, но даже обязан писать другую фантастику – посерьезнее, понаучнее, посоциальнее! Тогда потомство скажет тебе спасибо...»

Сам объект филиппик, писатель П., во время данного выступления блистательно в зале отсутствовал, а встреченный позднее автором этих строк в буфете, инициативу земляка оценил, скорее, юмористически: мол, не дело критика указывать фантасту, в каком из жанров тому пользительнее работать. Мол, каждый пишет, как он дышит... ну и все такое. Любопытно, однако, что через весьма непродолжительный отрезок времени сочинитель Николай П. внезапно разразился социальным боевиком – про то, как простой русский парень Руслан вступает в космические войска СС и ляпает себе серебряную черепушку на рукав комбинезона. Интересно, о **та́ком** ли грезил упомянутый выше петербургский мечтатель Сергей П.? Ох, едва ли...

Впрочем, тема сегодняшних заметок – не мистическая связь благих намерений, коими мостят дороги, с направлением этих самых дорог. Мы лишь скромно, бочком-бочком присоседимся к обсуждению любимейшего тезиса Сергея П. – второсортности среди всех прочих жанров популярного у нас сегодня жанра фэнтези.

Хотя ведущий рубрики не принадлежит – как и прекраснодушный критик П. – к числу горячих поклонников «меча и магии», сле-

дует заранее предупредить: никаких советов, кому, что и когда именно надлежит писать (или читать), в сегодняшних заметках не будет. Во-первых, гневаться по поводу обвальной экспансии фэнтези есть занятие массовое и пошлое. Во-вторых, страстно ругать завтрашний литературный мэйнстрим и его адептов столь же нелепо и унизительно для ругающего, сколь в последних числах ноября выходить на митинг против наступления зимы. Проще примириться и купить теплую шапку. Помните анекдот? «Маэстро, как вам музыка молодого N? – Омерзительна, но за ней будущее».

Вернемся к фантасту Николаю П. Упомянутый выше социальный боевик оказался только эпизодом в его писательской биографии: выйдя из фэнтези на небольшой перекур, наш герой благополучно вернулся обратно; а иначе и быть не могло. Писатель с маломальскими задатками – традиционно чуткий механизм, не хуже барометра. Даже если бы наш фантаст сам попытался отринуть эльфов и гоблинов, его инстинкты все равно взяли бы свое. Как и зима в декабре, как и дождь осенью, тотальное наступление «меча и магии» ныне обусловлено законами природы – в данном случае законами эволюции человеческой цивилизации. Так что зря историки усматривают в этом процессе голое следствие спада интереса к популярному жанру **советской** эпохи. И зря конспирологи видят в происходящем только результат **заговора** корыстных издателей. Тот очевидный факт, что сегодня по тиражам и по названиям фэнтези у нас легко теснит сайенс-фикшн, не укладывается в простую политику или простую экономику. Все еще проще – как мычание.

Ну да, разумеется, освобождение от тоталитарных идеологем не могло не уронить в глазах продвинутого читателя литературу крылатой мечты – всю эту оловянно-деревянно-картонную дребедень про высокодуховный обогрев Северного полюса газовыми форсунками. На этом жутком фоне и полузапретный прежде фэнтезийный гном мог показаться великаном. Однако вслед за справедливым негодованием ко многим явилось чувство ностальгии и умиления прошлым – но «меч и магия» никуда при этом не сгинули, а НФ своих позиций не вернула.

Такая же ерунда – и с потенциальным межиздательским заговором. Да, литературу жанра фэнтези писать быстрее, чем НФ. Да, найти сотню-другую свежих волонтеров для перекачки семисотой воды на толкиновском киселе издателям проще, чем рыскать в надежде обрести одного никем не перекупленного создателя приличной НФ (для нее нужно иметь, как минимум, техническое – или хотя бы любое выше ПТУ – образование плюс склонность к системному мышлению). Однако даже са-

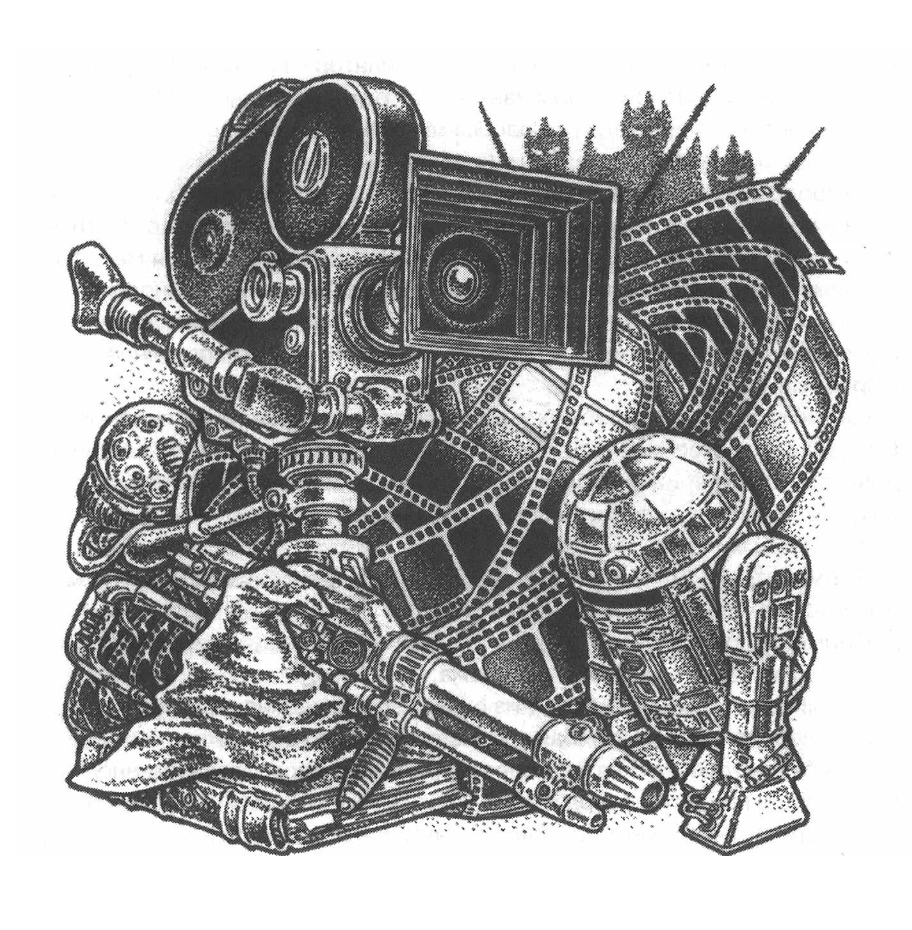

мое массированное наступление орков-гоблинов-троллей-ведьм-колдунов рано или поздно захлебнулось бы, несмотря на все команды книжных боссов не сдавать позиций и стоять насмерть, – не будь у нынешнего читателя глубокой внутренней потребности в «мече и магии». Полагать, будто книжный рынок **сам**, путем нехитрых рекламных манипуляций, сформировал спрос на подобного рода литературу, – все равно что, допустим, считать, будто механическая замена в хлебных магазинах булок на кирпичи приведет к тому, что потребитель включит кирпичи в свое меню. Реклама может многое, но не все...

Дело в другом. Отступление научной фантастики и торжество фэнтези – первый знак того, что человечество возвращается (конечно, на новом витке спирали эволюции!) в догутенберговскую эпоху. У нас в стране это происходит заметнее, потому как нам теперь приходится нагонять окружающий мир и в России многие процессы идут быстрее и конвульсивнее, чем на Западе. Как известно, в дописьменные и допечатные времена литература существовала в аудиоварианте – ее сеяли и хранили аэды, рапсоды, сказители, и речь они вели о событиях вполне сверхъестественных по нынешним меркам. С изобретением печатного пресса слово печатное вытеснило устное и письменное. Научную же фантастику породила, по большому счету, богоборческая эпоха Просвещения, которая остро нуждалась в литературе о рациональных чудесах, отчетливо «параллельных» библейским (в этом смысле опыт д-ра Франкенштейна был только аналогом воскрешения Лазаря; труп одушевлялся не командой «Встань и иди!», но умением хирурга и электрическим разрядом). Технический прогресс НФ-литературу возвысил – он же ее и загубил. Труд чтения механизировался настолько, что ныне убивает чтение. Форматы VHS и DVD, переводящие печатное слово в видеоряд, возвращают человечество к первобытному синкретизму, Интернет – к безбумажной литературе, аудиокниги – к литературе вообще бесписьменной, к аэдам и рапсодам. Между творцом, способным «наговорить» свое сочинение на компакт-диск, и потребителем, включающим аудиоплейер в машине, нет посредника в виде букв. А эдакой форме обязано отвечать и содержание – вот здесь-то литература «меча и магии» незаменима. Она несложна по сюжету, содержит необходимую толику чуда и неизбежный хэппи-энд... В общем, пора бы нам, критикам, перестать издеваться над убогостью большинства нынешних фэнтези. Авторы просто готовят нас и себя к будущему. В конце концов, вещий Баян тоже не знал грамоты – и ничего, прекрасно обходился.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Своими глазами

Терминатор против Кэмерона

Терминатор-3: Восстание машин (Terminator-3: Rise of the Machines). Производство «С-2 Pictures» (США) и «Internationale Medien und Film» (Германия), 2003. Режиссер Джонатан Мостоу, сценарий Джона Д. Бранкато и Майкла Ферриса. В ролях: Арнольд Шварценеггер, Клер Дэйнс, Ник Стал, Кристанна Локен. Слоган картины: «Машины восстанут». 109 мин. В российском прокате – с 4 июля.

После выхода третьего фильма цикл «Терминатор», несомненно, живет, но очень странной и неприятной жизнью – как раковый больной. Иногда его скрючивает от боли, иногда он расслабляется в ремиссии.

Но в целом ему плохо.

За продолжение цикла взялись люди, которые первые два фильма банально не поняли. «Терминаторы» Кэмерона – это не просто сюжетная ботва плюс Арнольд с железяками внутри. Это сильная и точная метафора современной цивилизации, которая создала эффективные технологии своего собственного уничтожения. Это ясно выраженная гуманистическая философия, которая отвергает гонку вооружений и противостояние мировых систем.

«Терминатор-3» от подобных интеллектуальных завихрений освобожден. Его создатели ограничились тщательным копированием сюжета «Судного дня», допуская вариации только в деталях и отказываясь замечать, что ломают внутреннюю логику и символику цикла.

Посудите сами.

«Терминатор» (1984). Робот из будущего намерен убить **женщину**. Ему пытается помешать **мужчина-солдат**.

«Терминатор-2» (1991). Робот из будущего намерен убить **ребенка**. Ему пытается помешать **мать этого ребенка**.

«Терминатор-3» (2003). Робот из будущего – **женщина**, которая намерена убить **здоровенного раздолбая** вполне призывного возраста.

В «Терминаторе-2» схватка железных мужиков смотрелась именно как битва, тогда как затяжная разборка между мужественным Шварцем и женственной Т-Х (Локен) выглядит как чуть-чуть брутальная, но определенно эротическая сцена. А если еще учесть, что эта возня происходит попеременно в мужском и женском туалетах...

Новая модификация робокиллера не только сменила пол (в принципе,

такие штуки проделывал и Т-1000 во втором фильме цикла), но и подверглась более существенным усовершенствованиям. У «жидкого» робота появился металлический эндоскелет, который хотя и лишил его/ее возможности просачиваться через канализацию, зато позволил вооружиться почти полным набором инспектора Гаджета. Правая рука Т-Х – это целый арсенал, включающий, помимо прочего, дисковую пилу, скорострельный плазмоган и даже огнемет. При такой вооруженности у девушки нет никакой необходимости нападать на полицейских и отбирать у них табельные «кольты». Зачем она эта делает – совершенно непонятно.

Устаревший Т-800 выглядит слабым подобием ее правой руки. К тому же его батарейки внезапно приобрели обыкновение при повреждении не спеша взрываться. Это у боевого-то робота! И для того, чтобы вытащить поврежденную батарейку, Шварценеггер вынужден делать себе харакири. Хороша «конструктивная доработка»...

Однако пора рецензенту и о живых людях что-то хорошее сказать.

Но – нечего. Джон Коннор (Стал) из живого непричесанного подростка превратился в какое-то неприкаянное чудовище, способное сожрать полкило болеутоляющего для собак и минут десять без вреда для здоровья дышать полицейской «черемухой». Из оружия этот раздолбай предпочитает пистолетик для пэйнтбола. Как инициативная личность он себя в фильме почти не проявляет, предпочитая волочиться по сюжету вслед за ледоколом-Шварценеггером. Исключение – момент, когда он угрожает Терминатору самоубийством. Хорош лидер человечества...

Поскольку Линда Хэмилтон, как и Кэмерон, категорически отказалась участвовать в этом безобразии, сценаристам пришлось срочно удавить Сару Коннор лейкемией и изобрести свежий женский персонаж, которого можно было бы регулярно спасать. Так появилась Кейт Брюстер (Дэйнс), бывшая одноклассница Джона Коннора, которой приходится волочиться за ним по сюжету и для разнообразия делать ту же увлекательную работу, что и лейтенанту Мэдисон из фильма «В поисках Галактики», – повторять для тупой железки вопросы Джона.

Расхваленная рекламными роликами погоня на автокране выглядит ужасно: она снята и смонтирована в таких планах, что зритель видит

происходящее рваными кусками и с большим трудом осознает, что именно и с кем именно происходит.

Когда в начале фильма сверкнули несколько отличных пародийных находок, я даже начал надеяться, что «Терминатор-3» задуман как прикол – уж больно лихо смотрится обязательная сцена с одеванием Шварценеггера и подбором для него темных очков. Но очень скоро стало ясно, что пара-тройка смешных эпизодов – это лишь обязательная приправа для высокобюджетного трэша и не стоит воспринимать их всерьез...

Как, впрочем, и главную сюжетную новацию фильма – ядерную войну, которую так и не удалось предотвратить. Американцы прочно забыли о былом ужасе перед ядерной войной. Гибель человечества стала просто ходом, который призван вывести цикл из сюжетного тупика. Возрадуемся: теперь, когда человечество наконец погибло, у «Терминатора» появилась перспектива.

Алексей Д. Садецкий

Рейтинг «ЗД»:

Дурачок спешит на помощь

Ловец снов (Dreamcatcher). Производство «Castle Rock Entertainment» (США) и «SSDD Films» (Канада), 2003. Режиссер Лоуренс Каздан, сценарий Уильяма Голдмена и Лоуренса Каздана. В ролях: Морган Фримен, Дэмиен Льюис, Том Сайзмор, Донни Уолберг. Слоган картины: «Круг друзей. Паутина тайны. Узор страха». 136 мин. В российском прокате – с 5 июня.

К этому фильму можно предъявить не одну претензию, и каждая из них отчасти будет справедливой. Первая и главная: почему создатели покусились на святое – на текст самого маэстро ужасов Стивена Кинга, по одноименному роману которого и поставлена картина? Ведь Кинга в последнее время экранизируют с таким пиететом, будто он не король масскульта, а член Политбюро ЦК КПСС. В сценарий попадают все эпизоды, все диалоги... А тут переделана концовка. Кон-цов-ка, понимаете?!

Тут же можно упрекнуть режиссера со сценаристом в безразличии к судьбам второстепенных персонажей. Мол, по сюжету специальные подразделения свозят в импровизированный изолятор лиц, предположительно зараженных инопланетными личинками. Так вот, в книге возмущенные концлагерными порядками больные поднимают восстание, а в фильме – из-за переделанной концовки – о них как бы забывают, и судьбу

их можно предугадать, только изрядно напрягая мозговые извилины. Представляете себе?!

Но все это, по большому счету, ерунда. Экранизация «Ловца снов» удалась – а ведь роман этот был написан Кингом на больничной койке, куда он угодил после того, как его сбил грузовик. И получился у маэстро полубредовый, горячечный текст, полный аллюзий на его же предыдущие сочинения. Четверо друзей с детства («Оно») собираются поохотиться и хорошо отдохнуть в уединенном лесном домике, укрытом снегом («Сияние»). Но покой им только снится: их начинают одолевать люди и животные, в которых угнездились и вызревают какие-то непонятные твари (кто из фантастов об этом только не писал!). Вскоре становится ясно: источник тварей – севший за лесом инопланетный звездолет («Томминокеры»). К счастью, друзьям не придется уничтожать звездолет в одиночку: этим займется спецслужба во главе с харизматичным и абсолютно сумасшедшим полковником Керцем (Фримен). Между нами говоря, друзья и с одним-то инопланетянином справиться не могут, приходится звать на помощь товарища их детских лет – симпатичного дауна Даддитса (Уолберг). А тот как будто и родился, и жил только ради этой минуты – вроде как был заслан на Землю специально для того, чтобы ее спасти, когда понадобится...

И можете мне поверить, смотрится вся эта пурга вполне увлекательно. Пара сцен вообще попахивает гениальностью (исход зверей из нехорошего леса и визуализация мыслей одного из друзей, профессора Джонса, которого отлично сыграл Дэмиен Льюис, – содержимое его головы представлено в виде огромного архива, где хранятся воспоминания и где профессор прячется от захватившего его тело инопланетянина). И кто бы что ни говорил, на экране – именно старина Стивен, его манеру ни с чем не спутаешь (кстати, самому Кингу фильм понравился). А значит что? Кингоманам – смотреть обязательно, любителям остросюжетного кино – тоже, тем же, кто обожает заниматься буквоедством, вроде бы лучше воздержаться... Хотя почему? Как раз для них лента Лоуренса Каздана поистине хлеб насущный. Так что им тоже можно.

Александр Ройфе

Рейтинг «ЗД»: ★★★☆

«МАТРИЦА» ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА

Споры вокруг киносериала «Матрица» не стихают. Кое-кто уверяет, что это ловкая имитация, псевдофилософский боевичок, сварганенный умельцами из Голливуда. Другие на полном серьезе отыскивают в нем следы влияния современных мыслителей и рассуждают о всемирно-историческом значении этих фильмов. Мы же решили подлить масла в огонь и публикуем статью американского культуролога Эдварда Ротштейна.

Сотни миллионов долларов тому назад, в далекой, далекой галактике, хакер по имени Нео дотянулся до своей книжной полки и вытащил переплетенный в кожу том под названием «Симулякры и симуляция» – подборку эссе французского философа-постмодерниста Жана Бодрийяра. Но когда Нео раскрыл этот том на главе «О нигилизме», он оказался всего лишь симулякром книги, выпотрошенной для того, чтобы держать в ней компьютерные диски.

Эта история повторяет то, что случилось с реальным миром в фильме 1999 года «Матрица» – первом из трилогии, написанной и поставленной братьями Ларри и Энди Вачовски. Этот мир с его офисными зданиями, ресторанами и толпами на улицах, подобно упомянутой книге, был пустотелой иллюзией, виртуальной вселенной, сделанной из компьютерного кода, симулякром обычной жизни, и Нео, хакер-ас, постепенно научился видеть его подлинную суть – Матрицу.

Нео посвятили в страшную правду: сознание людей втайне от них погружено в виртуальную фантазию, тогда как тела пребывают в запол-

ненных желатином садках, где их держат жукоглазые машины. И пока Нео учился чувствовать, как секретная программа формирует фальшивый мир вокруг него, его фанаты начали обнаруживать скрытые аллюзии, содержащиеся в самом фильме. Бодрийяром дело не ограничилось. Когда братьев Вачовски однажды спросили, сколько намеков спрятано в картине, они ответили не без издевки: *«Больше, чем вы сумеете найти»*.

Сегодня, после выхода фильма «Матрица: Перезагрузка», команда интерпретаторов вновь берется за дело. Искатели христианских аллегорий набросились на приманку, оставленную авторами, еще в прошлый раз: ими упоминались персонажи по имени Нео и Троица, параллели с воскресением Иисуса, город Сион. Буддистский характер «пробуждения» Нео был предметом дискуссий. Академический интерес к картине достиг немалого накала, что мимоходом выявило нынешнюю зачарованность поп-культурой и теорией критики. Среди недавно выпущенных антологий – «"Матрица" и философия» (сост. Уильям Ирвин), «Принимая красную таблетку» (сост. Гленн Йеффет), «Исследуя Матрицу» (сост. Карен Хабер). Даже на официальном сайте киностудии «Warner Brothers» имеется растущая коллекция статей философов.

Разумеется, в этих антологиях то и дело всплывает имя Декарта, ведь, подобно Нео, он пытался установить, в чем может быть уверен человек, даже если, как он выразился, *«злой демон предельной силы и хитрости использовал всю свою энергию, чтобы обмануть меня»*. Вспоминают и Платона, особенно его аллегорию пещеры, обитатели которой убеждены, что тени на каменных стенах – это и есть единственная реальность, пока по желанию философа их не выведут на солнечный свет.

Проблема состоит в том, что в фильме реальностью является именно пещера: мятежники прячутся от демонических машин в коллекторах этого постапокалиптического мира, а те, кто живет в иллюзиях Матрицы, греются на солнышке. Один из персонажей, Ноль, сознательно отдает предпочтение виртуальности с ее чувственными удовольствиями по сравнению с реальным мраком, борьбой и войной. И некоторые философы вопрошают: а есть ли причина считать выбор подлинного мира более этичным?

А ведь в притче братьев Вачовски есть и другой нюанс. Матрица отнюдь не то, что просто взбрело в голову авторам. Это – современная Америка, это – наш мир. И повстанцы, обнаруживая его иллюзорность, обнаруживают (утверждается в фильме) истину об этом мире – что он заслуживает низвержения. «Матрица», бесспорно, является политической аллегорией.

Вот почему книга Ж.Бодрийяра «Симулякры и симуляция» так тесно связана с картиной Вачовски (некоторых членов съемочной группы попросили прочитать эту книгу, которую Морфеус, лидер мятежников, даже цитирует). В своих эссе, большей частью написанных в 1970-е годы, Бодрийяр утверждает, что из-за современных технологий и развития капитализма все на свете стало симулякром; как и в «Матрице», сегодня ничто не реально. Одним из примеров служит Диснейленд – выдуманный мир, который опирается на некую «реальность», хотя эта «реальность» ничем не отличается от выдумки. По мысли Бодрийяра, город Лос-Анджелес и штат Калифорния не менее фантастичны, нежели Диснейленд.

Стоит добавить, что во многих сочинениях этого философа присутствует неприязнь к американской культуре, равно как и к американской мощи и ее образам. Эту неприязнь питают и повстанцы из фильма, которые, разделяя идеологию хакеров, стремятся «освободить» информацию от «системы» контроля за ней, дабы избавиться от Матрицы и тирании ее образов.

Во всем этом, однако, есть и тревожная сторона. В эссе «О нигилизме» Бодрийяр объявляет, что на *«гегемоническую»* силу имеется только один ответ – терроризм. Он пишет: *«Я террорист и нигилист в теории, тогда как другие являются таковыми с оружием в руках»*. Сходным образом в «Матрице» Морфеус говорит Нео, что к жителям виртуального мира нужно относиться как к врагам, которых можно убить; в любом случае большинство из них *«не готово»* к правде. Морфеус даже разыскивается безжалостными агентами «Матрицы» за *«акты терроризма»*. В то время как мы, по идее, должны ему аплодировать, ни Бодрийяр, ни Вачовски, ни философы-эссеисты не спешат установить этические пределы столь знакомым рассуждениям.

Впрочем, в картине «Матрица: Перезагрузка» найдется и кое-что еще. Рискуя выдать некоторые повороты сюжета, отметим, что, несмотря на ее недостатки и неточные оценки, она, как представляется, содержит немало полемики с идеями из первого фильма.

Что-то осталось прежним. Нео и остальные мятежники должны отбить масштабную атаку машин на подземный город Сион, так что базовый революционный посыл изменений не претерпел. В некотором смысле картина стала даже более радикальной в своей критике американской жизни (в одном месте, когда персонаж рассуждает о *«гротескности»* человеческой природы, возникают образы Гитлера и Джорджа У. Буша).

Но другие вещи изменились. Что именно призван совершить Нео? В первом фильме Морфеус говорил, что он – Спаситель реального мира. Эта вера в реальный мир могла быть одной из причин, по которым Бодрийяр всегда отвергал идентичность своих воззрений и идей «Матрицы», уверяя, что это *«главным образом результат недопонимания»* его трудов. Между тем сиквел куда ближе к взглядам философа. Границы и предположения рушатся. Пророчества Морфеуса начинают казаться слишком крикливыми. Нео не может доверять даже Пифии – даме, которая предвидит будущее, а также, вполне вероятно, манипулирует суперхакером при помощи своих предсказаний.

В конечном счете из зашифрованных посланий Архитектора Матрицы – автора ее программного обеспечения, ее бога – мы узнаем, что Нео в действительности живет в шестой версии Матрицы. Фигура Спасителя возникала в каждой из них. Но во всех предыдущих случаях Спаситель оказывался не в состоянии освободить человечество. Вместо этого его поступки приводили к массовым жертвам, и Матрица опять возрождалась, сплетая новую паутину иллюзий, не пропускающую никаких воспоминаний о случившейся катастрофе. В финале у Нео есть основания задуматься о том, могут ли хоть какие-то революции добиться объявленных целей, способен ли он сделать свободный выбор и даже – насколько реален «реальный мир».

Вот и третья серия «Матрицы», которая должна выйти на экраны в ноябре, так сказать, находится на распутье. Она может подойти еще ближе к бодрийяровскому нигилизму, и это крайне неприятный вариант. Но, столкнувшись с тем, что Бодрийяр называет *«пустыней реальности»*, она может свернуть на иную дорожку, которая пока еще не получила философского осмысления и которая приведет хакеров, людей и машин к гармонии.

Перевод Бориса Аникина

КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЗД»

Уважаемые читатели! «Книжный клуб "ЗД"» продолжает свою работу. Любой россиянин, в каком бы отдаленном уголке страны он ни проживал, может заказать у нас новинки фантастической литературы и получить их по почте наложенным платежом.

На последующих страницах представлены книги, которые вошли в наше августовское предложение. Цена указана вместе со стоимостью доставки, то есть именно эту сумму вас попросят заплатить в почтовом отделении. Однако цену **можно уменьшить**! Во-первых, 5-процентная скидка положена нашим подписчикам (для подтверждения вместе с бланком заказа пришлите ксерокопию подписной квитанции). А во-вторых, еще 5 процентов мы дарим тем, кто закажет у журнала не меньше пяти книг. Но будьте внимательны! **Не заказывайте лишнего:** если заказ не будет выкуплен, ваш адрес попадет в «черный список» и пользоваться услугами нашего «Книжного клуба» вы больше не сможете.

Итак, заполняйте бланк заказа, кладите его в конверт и до 20 августа высылайте его нам по адресу: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105 (на конверте делайте пометку «Книжный клуб»). Заказы обрабатываются в течение месяца. Приятного чтения!

Книжный клуб «ЗД»

БЛАНК ЗАКАЗА

август 2003

ФИО заказчика

____

____

домашний адрес

____

____

____

e-mail

____

шифр 021 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 022 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 023 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 024 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 025 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 026 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 027 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 028 ____экз. на сумму _____руб.

всего ________экз. на сумму _____руб.

ШИФР 021

ФАНТАСТИКА-2003. Вып. 1. М.: АСТ, Астрель, 2003. — 768 с., пер. — (Звездный лабиринт). Цена — 130 руб.

Новый выпуск альманаха «Фантастика». Произведения Владимира Михайлова, Олега Дивова, Леонида Каганова, Павла Амнуэля, Александра Тюрина, Юлия Буркина... А также критические статьи и библиография отечественной фантастики за 2002 г.

ШИФР 022

Александр Зорич. ЗАВТРА ВОЙНА. М.: АСТ, 2003. — 448 с., пер. — (Звездный лабиринт). Цена — 105 руб.

XXVIII век. Российскую директорию Галактики атакуют межзвездные кочевники – Джипсы. В бой вступают отчаянные кадеты Военно-Космической Академии, пилоты-истребители «без году неделя»...

См. рецензию на стр. 213.

ШИФР 023

Андрей Лазарчук. СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДВУХМЕСТНОЙ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ. М.: АСТ, 2003. — 572 с., пер. — (ЗЛ: Коллекция). Цена — 130 руб.

Каждый рассказ Андрея Лазарчука – это целый мир. В некоторых из них почти невозможно выжить, другие напоминают нашу с вами реальность, только со «сдвигом»... В эту книгу вошли лучшие рассказы и повести автора за двадцать лет работы.

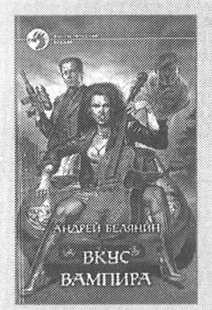
ШИФР 024

Евгений Лукин. ЗОНА СПРАВЕДЛИВОСТИ; СТАЛЬ РАЗЯЩАЯ. М.: АСТ, 2003. — 732 с., пер. — (ЗЛ: Коллекция). Цена — 140 руб.

Таланту Евгения и Любови Лукиных подвластны все грани юмористической фантастики – от озорных притч до едких, почти циничных рассказов, от сказовой прозы до социального сарказма. В сборник включены два романа и 25 рассказов.

ШИФР 025

Андрей Белянин. ВКУС ВАМПИРА. М.: АРМАДА, Альфа-книга, 2003. — 387 с., пер. — (Фантастический боевик). Цена — 110 руб.

Вампиры?! Воображение живо рисует бледное существо с алыми губами... Впрочем, коренной астраханец, художник-авангардист Дэн Титовский, не таков. Он – вампир энергетический и питается «серебряными чувствами доверчивых девушек»...

ШИФР 026

Игорь Алимов. ПЛАСТИЛИНОВАЯ ЖИЗНЬ: АРТОРИКС. СПб.: Азбука, 2003. — 256 с., пер. Цена — 110 руб.

Приключения еще одного полицейского инспектора? А почему бы нет? Ведь это Сэмивэл Дэдлиб – человек иронический, склонный к пиву и ношению оружия, к тому же неустанный борец за демократию...

См. рецензию на стр. 211.

ШИФР 027

Кир Булычев. МЕЧ ГЕНЕРАЛА БАНДУЛЫ. М.: Вече, 2003. — 320 с., пер. — (Зазеркалье). Цена — 90 руб.

В удивительную, почти фантастическую страну попадает обычный школьник. Встретил он настоящих друзей и врагов, способных на любое преступление. Да еще узнал таинственную историю древнего меча, попавшего в Россию из далекой Бирмы.

ШИФР 028

Татьяна Грай. ЛОТОС ПРИШЛОГО БОГА. М.: Вече, 2003. — 384 с., пер. — (Формула победы). Цена — 100 руб.

Трагические и странные события происходят в Скульптурном Заповеднике, расположенном на далекой планете. Расследовать их приходится инспекторам Федеральной безопасности. Но в дело вмешиваются совсем уж странные существа...

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Кира Булычева, Роберта Шекли,

Эдуарда Геворкяна, Льва Вершинина,

Владимира Васильева

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

